

Научная ассоциация
исследователей культуры

А.Я.ФЛИЕР

**КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ДЛЯ КУЛЬТУРОЛОГОВ**

Учебное пособие для магистрантов, аспирантов
и соискателей

3-е издание, переработанное и дополненное

Москва 2015

Андрей Флиер

**Культурология для
культурологов. Учебное
пособие для магистрантов,
аспирантов и соискателей**

2015

УДК 008
ББК 71.0

Флиер А. Я.

Культурология для культурологов. Учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей / А. Я. Флиер — 2015

Бурное развитие культурологии в последние годы вызвало к жизни целую плеяду работников культуры, науки, образования и в том числе магистрантов, аспирантов и соискателей-культурологов, не имеющих систематического культурологического образования. Предлагаемое издание призвано в какой-то мере помочь этим специалистам разобраться в сложных проблемах современной культурологической науки, систематизировать свои взгляды в избранной области, освоить основной категориально-понятийный аппарат культурологии, ее специфическую терминологию, а также познакомиться с наиболее типичными жанрами культурологических сочинений, освоиться в их специфике и проблематике.

УДК 008
ББК 71.0

Содержание

Предисловие	6
Часть 1. Познавательные цели и структура культурологии	8
Что такое культурология?	8
Краткая история культурологии в России	16
Культура и история: потребность в переживании социального опыта	20
Культурология как наука: проблемы систематизации социального опыта коллективной жизни людей	25
1. Статус культурологии и ее место среди наук. Цели, предмет и структура культурологического знания	25
2. Уровни научного обобщения в культурологическом знании	32
3. Фундаментальная культурология	35
4. Прикладная культурология	49
Культурология как образование: проблема формирования культурной компетентности личности	56
Часть 2. Тезаурус основных понятий культурологии	73
Культура	73
Природа и культура	78
История культуры	80
Личность и культура	83
Общество и культура	86
Порядок культурный	88
Методологии исследования культуры	90
Позитивизм	92
Эволюционизм	93
Цивилизационизм	95
Диффузионизм	97
Функционализм	99
Структурализм	101
Постмодерн	104
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Андрей Флиер
Культурология для культурологов.
Учебное пособие для магистрантов,
аспирантов и соискателей

© А. Я. Флиер, 2015.

© ООО Издательство «Согласие», 2015.

© Стулов С. А., оформление, 2015.

* * *

Предисловие

Предлагаемая вниманию читателя книга по своему жанру, безусловно, относится к категории учебных пособий. Но это весьма необычное пособие, оно рассчитано не на людей, изучающих культурологию как специальность или как общеобразовательную дисциплину (студентов, школьников, учащихся средних специальных заведений), а на специалистов, повышающих профессиональную квалификацию (магистрантов, аспирантов, соискателей), пишущих диссертационные работы по культурологии. Поэтому данное пособие лишено традиционных атрибутов учебника – контрольных вопросов и инструментария самопроверки, не разбито на короткие тематические разделы и т. п. Это пособие для тех, кто стремится заниматься практической исследовательской работой на уровне культурологии, но еще не вполне разобрался, в чем ее научная и понятийная специфика.

Разумеется, пособие не претендует на роль компендиума всего специального культурологического знания. Целью и суммой задач данной книги является совсем иное: введение молодых ученых в культурологию как в познавательную систему, в тенденцию интеллектуального осмысления социальных процессов, в специфический комплекс понятийно-категориального мышления, а также в основы культурологического понимания и переживания действительности.

Еще одной важной характеристикой книги является то, что ее автор – историк по базовому образованию. Поэтому пособие представляет собой специфическую попытку увидеть теорию и социологию культуры «глазами историка», осмыслить ее в динамике исторического развития человечества. С этим связано и то, что в тексте уделено меньше внимания проблемам философии, семиотики, психологии и другим направлениям изучения культуры.

Пособие не преследует цель систематически обучить читателя всему комплексу исследовательских методологий и методов культурологии, хотя имплицитно это знание «разлито» по всему тексту книги. Оно обучает тому, в чем заключается собственно культурологический взгляд на вещи, события, поступки, стереотипы сознания и поведения людей и прочее и чем этот взгляд отличается от подходов философских, социологических, лингвистических. Иначе говоря, пособие помогает читателю овладеть характерным набором критериев научного исследования, на основании которых его грядущая работа может быть (обязана быть) квалифицирована в качестве культурологической.

Этими задачами обусловлена и специфическая структура пособия. Книга состоит из трех автономных частей, не требующих сквозного прочтения (от первой до последней страницы разом).

Первая часть включает пять глав, представляющих собой систематическое изложение авторских взглядов на основные проблемные поля культурологического знания, которые, пожалуй, имеет смысл читать как целостный текст.

Вторая часть представляет собой Тезаурус – словарь-справочник, в котором уже изложенные систематические взгляды автора скомпонованы по другому принципу – в виде отдельных небольших статей по основным понятиям и категориям культурологии, как это принято в словарях. Обращаю внимание на то, что понятия в Тезаурусе выстроены не по алфавиту, а по проблемным полям. Те понятия, которые следуют за выделенным понятием, являются составными частями выделенного. Поэтому читателя не должно смущать неизбежное дублирование в формулировках некоторых терминов по отношению к первой и третьей частям, поскольку Тезаурус – это понятийно-категориальный словарь, и к нему обращаются со специфическими целями – найти необходимое объяснение того или иного понятия.

Третья часть решает совсем другие задачи: раскрыть перед молодым специалистом широкую палитру содержательных и жанровых возможностей культурологии, бесконечное многообразие объектов – исторических, социологических, политических и других, – которые могут стать предметом культурологического исследования и продемонстрировать, как это делается в формах теоретической или социологической статьи, аудиторной лекции, историко-фактологического исследования, теоретико-концептуального моделирования, футурологического прогноза и т. п.

Первое издание настоящей книги вышло в 2000 году в издательстве «Академический проект» и дореиздавалось в 2002 и 2003 годах. За прошедшие годы автору приходилось слышать от коллег, что это учебное пособие является одним из наиболее понятных для студентов. Вместе с тем высказывались замечания и пожелания по доработке. С учетом этих замечаний и пожеланий было подготовлено второе издание, переработанное и дополненное. В нем часть 1 подверглась новому редактированию и дополнению, часть 2 – существенному расширению, а часть 3 – почти полной переконпоновке на базе новых материалов. Автор выражает огромную благодарность всем, кто помог в этой работе своими советами, замечаниями и пожеланиями.

Часть 1. Познавательные цели и структура культурологии

Что такое культурология?

Для того чтобы более или менее адекватно представить себе, что же изучает культурология, необходимо познакомиться с современными научными представлениями о культуре.

Жизнь людей сочетает в себе биологические процессы, происходящие в их организмах, с двигательной и умственной активностью, направленной на взаимодействие с внешней средой. Целеориентированная активность (преследующая осознаваемые человеком цели) называется деятельностью. В конечном счете, любая деятельность инициируется теми или иными интересами и потребностями человека и направлена на их удовлетворение. Но люди живут не по одиночке, а коллективами (сообществами). И удовлетворение интересов и потребностей одного члена коллектива в принципе не должно нарушать интересы и мешать удовлетворению потребностей другого. Иначе совместное сосуществование людей окажется практически невозможным. Решая эту проблему, люди постепенно вырабатывают сложную систему «правил игры» – совокупность таких способов удовлетворения своих индивидуальных и групповых интересов и потребностей, которые являются социально приемлемыми и допустимыми по своей социальной цене и последствиям. Подобные «правила игры» (или, точнее, правила коллективного общежития и взаимодействия) стимулируют социальную интеграцию членов сообщества и не наносят вреда их социальной консолидированности, снимают накапливающиеся противоречия и напряжения в их совместном бытии, а по возможности и повышают уровень их солидарности, взаимопонимания и взаимосогласованности в деятельности. Эта система «правил игры», или «социальных конвенций» (стихийно достигаемых соглашений о порядке совместного существования и взаимодействия людей), и называется культурой.

Помимо того, та степень упорядоченности мира, которая естественным образом осуществляется природой, оказывается недостаточной для человека. И начиная с периода верхнего палеолита, человек приступил к работе по искусственному упорядочению мира, познанию его и упорядочению своих знаний и миропредставлений. На основании этих искусственных порядков складывались и эволюционировали межчеловеческие отношения, происходила социальная организация людей в устойчивые коллективы и регуляция взаимодействия людей в них. В конечном счете, эти искусственные порядки в деятельности и сознании и стали основными «правилами игры». То есть культура – это определенный порядок в сознании и поведении человека.

Но в процессе своей жизнедеятельности человек накапливает и социальный опыт. Этот опыт является своеобразным сепаратором тех «правил игры», по которым живет данное общество. Те «правила», которые оказываются наиболее эффективными, универсальными, приемлемыми по своей социальной цене и последствиям, закрепляются в памяти в виде традиций, обычаев, нравов, а со временем и законов. С этих позиций культура – это коллективная память о наиболее эффективных компонентах стратегии выживания, выработанной данным народом за его историю.

Описанные основания совместного бытия людей реально воплощаются во множестве разнообразных проявлений. Это искусственная материально-пространственная среда человеческого существования, «второй мир», создаваемый людьми в дополнение к первому – естественному – и насыщенный материальными и информационными продуктами челове-

ческой деятельности. Это мотивация и формы поведения и взаимодействия людей между собой. Это рациональные знания об окружающем мире и образы собственной фантазии, реализуемые людьми в различных интеллектуальных текстах или художественных произведениях, и т. п. И все это осуществляется не любыми способами, а более или менее нормированными, социально допустимыми, отобранными на основании длительного социального опыта существования данного сообщества. Разумеется, далеко не все и не всегда делается в полном соответствии с этими эталонными образцами и требованиями. По тем или иным причинам люди, удовлетворяющие свои интересы и потребности, нарушают сложившиеся «социальные конвенции» – такое поведение обычно называется «антисоциальным» и подвергается различным санкциям со стороны сообщества (от морального неодобрения до крайних форм насилия). Таким образом, в культуре цель никогда не оправдывает средства. Средства являются допустимыми, только если они культурно санкционированы (законами, религией, традициями, обычаями, господствующей моралью и т. п.).

Культура всякого сообщества складывается постепенно по мере накопления социального опыта совместной жизни и деятельности, под влиянием специфических условий места и исторической судьбы коллектива, чем обуславливается региональное и историческое своеобразие культуры того или иного народа. Ее основные функции связаны с решением задач по социальной организации людей в их коллективной жизнедеятельности, регуляции форм этой жизнедеятельности, практической и психологической адаптации людей в реально складывающихся условиях их существования, коммуницирования (обмена информацией) между членами сообщества, а также с работой механизмов социального воспроизводства общества и личности, т. е. трансляции следующим поколениям социального опыта совместного существования данного коллектива (народа, социальной группы и т. п.). Таким образом, основными результатами (продуктами) культурных процессов являются выработка и внедрение в сознание людей норм социальной адекватности жизни в данном коллективе и допустимых способов осуществления тех или иных практических или символических действий, отражающих социальный опыт данного сообщества, его исторически сложившиеся организационно-регулятивные формы, межпоколенное наследование этих традиционных форм и норм, а также их постепенная изменчивость и обновление.

Этот описанный срез относится к области социальных реалий культуры, т. е. к сфере организационной практики социального бытия, регулируемой такими подсистемами, как хозяйственная, политическая и правовая, функционирующими, разумеется, не только как специализированные отрасли деятельности, но и на уровне повседневной жизни в виде обычаев, нравов, морали и пр.

Однако люди не только механически выполняют предписанные им нормы социального общежития и поведения, но и осмысливают их, интерпретируют, систематизируют, спорят о способах их применения, переживают их или случаи их нарушения и т. п. Эти задачи решаются в рамках процессов познания, осмысления и накопления социально значимой информации, происходящих в областях философии, религии, науки и искусства, также функционирующих как на специализированном, так и на обыденном уровнях. Этот срез можно условно назвать культурой интеллектуальных рефлексий и образных интерпретаций все тех же «правил игры» коллективного существования человека. Основным продуктом, вырабатываемым этими подсистемами, являются «культурные тексты», аккумулирующие в себе теоретически обобщенный и проинтерпретированный отдельными авторами социальный опыт и выражающие его в таких феноменах, как социальные ценности и идеалы. Ценности – это по существу все те же нормы социальной адекватности, но трансформированные в образы социальной престижности, причастность к которым открывает человеку доступ к большему объему и лучшему качеству различных социальных благ (то есть средств удовлетворения интересов и потребностей, о которых речь шла с самого начала). Культура интеллектуальных

рефлексий прежде всего формирует и представляет эталонные образцы такого рода ценностей, типов нормативного поведения, этических принципов, нравственных идеалов и других социально предпочитаемых способов осуществления жизнедеятельности, связанных с задачами удовлетворения человеком своих материальных, интеллектуальных, эмоциональных, властно-распорядительных, психико-компенсаторных, статусных и иных социальных притязаний.

И, наконец, третий срез культуры включает в себя подсистемы социальной коммуникации и трансляции социального опыта от поколения к поколению (т. е. воспроизводства общества как социокультурной целостности и личности человека как адекватного члена этой целостности). Сюда относятся вербальные (словесные) и невербальные языки, системы письменности и книгоиздания, институты образования и воспитания, художественная культура, средства массовой информации, а также ряд подсистем, с помощью которых осуществляются накопление, хранение и распространение социально значимых знаний и «культурной памяти» сообщества (архивы, библиотеки, музеи, клубы и другие организации просвещения). Последние играют большую роль в процессах «окультуривания» человека, становления его как личности, как члена того или иного культурного сообщества; вне этого личности не бывает, а человек вырастает просто биологическим индивидом. В этом блоке, как правило, не создаются собственные «культурные тексты» общесоциального значения, а лишь реализуются технологии внедрения такого рода «текстов» в сознание человека.

Существенная часть культурных процессов происходит в сообществах более или менее стихийно в рамках обыденной коллективной жизни людей. Вместе с тем многие такие процессы организуются и регулируются сообществом целенаправленно. Инструментами такой организации и регуляции являются социальные институты – специализированные структуры (государственные, общественные, частные), занимающиеся производством вышеуказанных «культурных текстов», их внедрением в сознание людей, а также практическим регулированием их жизнедеятельности в соответствии с ценностными нормами принятых в данном сообществе «социальных конвенций». Эта социокультурная регуляция охватывает по существу все стороны жизни сообществ, и в ней принято выделять специализированные институты общеэкономической, общеполитической и общеправовой сфер, а также некоторые иные, более частные. Те же институты, которые производят собственно «культурные тексты» и осуществляют регуляцию в сферах интеллектуальной и духовной жизни – в религии, искусстве, образовании, информации и других, относящихся к областям познания и коммуницирования, накопления и трансляции опыта в его наиболее общих социальных параметрах, принято называть культурными институтами (в узком смысле слова «культурный»). Комплекс приемов и принципов управления культурными институтами со стороны государства и общества называется культурной политикой. Что же касается той части культурных норм, которые функционируют не в институциональной, а в повседневной жизни, то их регулятором являются культурные традиции, нравы и обычаи, исторически сложившиеся в данном сообществе. Иначе говоря, совокупность традиций, нравов и обычаев – это и есть культурная политика общества по отношению к его членам, только реализуемая не в институциональной, а в обыденной сфере социального бытия.

Однако все сказанное относится главным образом к социальному (т. е. групповому, коллективному) аспекту существования культуры. Но фактическим субъектом культурных процессов всегда является человек, который ведет себя не только как пассивный «продукт окультуривания», то есть механический исполнитель усвоенных им культурных образцов и норм, но и как их активный интерпретатор. Человек творчески развивает культурные образцы и нормы, порождает новые культурные формы и т. п. Именно в процессе такого рода интерпретаторской и инновационной практики и происходят изменения в культуре – от самых микроскопических до общей исторической эволюции. Причины подобной вари-

ативности в исполнении культурных предписаний многообразны, но наиболее распространенной является потребность в адаптации – приспособлении человека к складывающимся природным и социальным (историческим) обстоятельствам, в которых ему приходится действовать. В целях поддержания комфортного существования (и особенно состояния психологической комфортности) человек должен все время упорядочивать свои связи с окружением, приспособлять усвоенные им культурные нормы и идеалы к меняющимся условиям их применения. Такого рода гибкость, пластичность человеческой психики, способность к сочетанию жестких нормативных установок культурной традиции с их вариативно-творческим исполнением, видимо, являются необходимыми условиями психологического выживания человека в мире. С этой точки зрения культура представляет собой совокупность приобретенных в процессе социализации индивида психологических черт личности (в отличие от психических свойств, унаследованных им генетически). Таким образом, культура – это еще и главная «связующая нить» между личностью и ее социальным окружением, способ существования человека в обществе и мире.

Помимо внутренней структуры (связанной с разделением социальных функций между людьми, складывающимся в ходе их совместной жизни), культура обладает еще и имманентной динамикой. Эта динамика выражается, во-первых, в порождении новых социокультурных явлений (феноменов), изменчивости (развитии, росте, деградации и т. п.) по ходу времени уже имеющихся, а также отмирании (или изменении значения, смысла, символической нагрузки) тех, что утратили свою социальную актуальность. Во-вторых, во взаимодействии культурных феноменов между собой в процессах их функционирования. В-третьих, культурная динамика проявляется в процессах объединения отдельных культурных явлений в системные (то есть организованные, иерархизированные и т. п.) целостности и их функционировании и взаимодействии уже в качестве частей этого системного целого, а также в развитии или деградации и распаде этих культурных объединений (конфигураций). Традиционно принято делить культурную динамику на социальную, в ходе которой меняются по преимуществу лишь остроактуальные формы (продукты) социокультурного бытия человека, и историческую, в ходе которой меняются сами технологии (способы) осуществления социальной жизнедеятельности сообществ, принципы их коллективной организации и регуляции, познания и коммуникации. При этом прежние институты социального воспроизводства общества оттесняются в область приватного бытия, а их место занимают совершенно новые институты и способы трансляции социального опыта.

Все эти проблемы изучаются многими социальными и гуманитарными науками, а вопросами наиболее общего, универсального характера – формирования, существования и изменчивости культуры как целостного явления – занимается специальная отрасль знания – культурология. В отличие от социологии, изучающей наиболее общие формы коллективного существования людей, психологии, изучающей мотивацию их поведения, а также этнологии, изучающей национальные особенности их обыденного бытия, культурология исследует прежде всего культурное содержание (т. е. ценностно-смысловое) социальной жизни человека, тексты, в которых это содержание воплощается, и соответственно языки (как вербальные, так и невербальные), на которых это содержание передается от индивида к индивиду, от поколения к поколению. Культурология в целом является интегративной междисциплинарной областью знания; по некоторым определениям – интеллектуальной тенденцией познания культуры не только как предметной области, но и в значительной мере как проблемного поля смыслов коллективного человеческого существования.

Все проблемные области, рассмотренные выше, в той или иной мере относятся к сфере теории культуры. Но поскольку все явления, изучаемые культурологией, имеют какое-то историческое происхождение и, как правило, подвержены историческим изменениям, в недрах культурологической науки складывается особое направление исследований, которое

концентрируется именно на проблемах исторической динамики культуры, происхождения культурных феноменов, изменчивости фундаментальных принципов и технологий организации и осуществления социальной жизнедеятельности сообществ. Это направление получило название исторической культурологии.

Основная познавательная цель культурологии может быть определена как стремление увидеть и описать как прошлое и настоящее, так и вневременную сущность человеческой цивилизации как историю и сущность социальных норм коллективного человеческого бытия – форм социальной организации и регуляции локальных сообществ, образов их жизни, структуры и смысловых акцентов картин мира, стереотипов сознания и поведения людей минувших эпох и современности и т. п., в отличие от «классической» истории культуры, писавшейся преимущественно как история шедевров – уникальных творений человеческого гения, всегда являвшихся более или менее очевидными исключениями из массовых и типичных норм и образцов культуры эпохи.

Это не значит, что культурология уклоняется от исследования процессов интеллектуального и художественного творчества. Но и при исследовании произведений искусства, философских или религиозных текстов культуролога интересуют прежде всего источники социального заказа на эти произведения, их культурный контекст, степень идеологической ангажированности, общепринятые в то время нормы исполнения подобной деятельности, какие смыслы вкладывались в эти формы и на каких символических языках они выражались, каковы были допустимые границы интерпретаций канонических образцов, критерии оценки результатов, масштабы культурного влияния данных произведений и т. п. Культурология видит в событиях и продуктах социально-исторического бытия (включая художественные и иные произведения) прежде всего процессы и результаты реализации интересов и потребностей людей – жизнеобеспечивающих, жизнеохраняющих, познавательных, властных, сексуальных, психоадаптивных, престижно-статусных и пр. Некоторые из этих интересов существуют в индивидуализированной форме (как потребность в социальной самореализации личности), другие – в групповой. Реализация групповых интересов, как правило, связана с более или менее стихийными процессами самоорганизации людей в устойчивые коллективы и выработки ими способов и правил коллективного взаимодействия и взаимопонимания.

Но этого оказывается мало. Культура в абсолютно «замороженном» состоянии (гомеостазе со средой) может существовать только в экстремальных природно-географических условиях (приарктических или экваториальных зонах, высокогорных районах и т. п.). В более спокойных условиях и обстоятельствах жизни «социальные конвенции» совместного бытия создаются сообществами «не навсегда». Каждому новому поколению приходится с большей или меньшей радикальностью переосмысливать, обновлять, развивать или, по крайней мере, творчески реинтерпретировать их, вырабатывать новые эталонные образцы – «культурные тексты» (в религии, философии, искусстве, общественном сознании) и реализовывать их в уже новых исторических условиях существования, переводить их на новые более актуальные языки и коды культуры и транслировать следующим поколениям в постоянно обновляемом виде. А главное – производить все эти трансформации, сохраняя более или менее выраженную лояльность к историческому опыту и традициям своих предков.

Разумеется, степень радикальности такого рода трансформаций зависит от уровня развития общества и доминирующего вектора его существования: модернизационного или традиционного. Однако абсолютно «застывшие» в своей традиционности или, напротив, тотально отказывающиеся от своего культурного наследия культуры практически не встречаются.

Кажется, что традиционность и ее активная изменчивость – это взаимоисключающие установки. Но, как свидетельствует история, иным образом устойчивая коллективная жизнь у людей не получается. Это вечное противоречие между опытом «отцов» и новыми актуальными необходимостями «детей», разрешаемое в очень трудных творческих исканиях человеческого разума, в логически почти необъяснимых своими неожиданными поворотами и импровизациями эмоциях, интуициях человеческого таланта, в явных адаптивных решениях и скрытых имманентных коллизиях соперничества и компромиссов между разными ценностными установками тех или иных социальных групп – это и есть культура или, по крайней мере, то, что мы понимаем в качестве «живой культуры».

В заключение следует сказать, что культурология – это наука, изучающая не всю культуру во всех ее мыслимых аспектах, а только один, но важнейший аспект – ее социальную опосредованность, ее детерминированность коллективным характером жизнедеятельности людей и то, как она обеспечивает этот коллективный способ существования. А всю культуру в состоянии изучить лишь вся совокупность гуманитарных и социальных наук. И каждая из этих наук стремится ответить на свои специфичные вопросы. Например, история – на вопросы «что» и «когда» было в прошлом и происходит в настоящем (ведь и то, что произошло пять минут назад, – это уже история). Археология отвечает преимущественно на вопросы «как», «каким способом», «с помощью каких технологий» все это осуществлялось (строился этот храм или замешивалась глина для этих горшков) и осуществляется сейчас (археология не только аналитически реконструирует прошлое на основании его материальных следов, но должна уметь делать это и по отношению к настоящему). На эти же вопросы отвечают искусствоведение, литературоведение и другие «...ведения», представляющие собой по существу частные «археологии» разных отраслей художественной деятельности. Но это вопросы про «как» только в его материально-, интеллектуально- или художественно-технологическом смысле. Проблемы социальных технологий (форм социальных взаимодействий) при этом не затрагиваются.

А вот культурология отвечает на вопросы «почему (по какой причине)» или «зачем (с какой целью)» имеют/имели место какие-то культурные процессы, «как» они осуществляются (в социально-организационном смысле), а также «к чему все это ведет». Причем главным в этих вопросах является их устойчивый социальный ракурс: на основании каких социальных причин или с какими социальными целями протекает эта культурная динамика, с помощью каких социальных технологий и организационных форм она реализуется и к каким социально значимым последствиям она приводит. По этому признаку используемые в культурологии методологии познания можно разделить на группу «абсолютно культурологических», в равной мере отвечающих на вопросы «почему/зачем», «как» (в социальном смысле) и «к чему это ведет», и «относительно культурологических», отвечающих только на вопросы «как» и «к чему это ведет».

К группе «абсолютно культурологических» относятся:

– *эволюционизм*, объясняющий причины культурной динамики («почему») в основном потребностью общества в адаптации к меняющимся условиям его бытия (внешним и внутренним), а способ осуществления этой динамики («как») – естественным отбором форм и технологий деятельности и взаимодействия, оказавшихся наиболее социально эффективными в новых условиях (аналогично естественному отбору наиболее удачных морфологических признаков в биологической эволюции). Это приводит к последовательному усложнению социокультурных систем, движению от более простых форм и типов взаимодействий к более сложным. История мыслится как процесс поэтапного усложнения структуры и функций социальных систем;

– *функционализм*, определяющий цели культурной динамики («зачем») необходимостью в удовлетворении развивающихся интересов и потребностей людей с помощью все

новых и новых средств, способ («как») – постоянно совершенствуемой организацией работников в различные функциональные структуры (деятельностные институты), а результат – постепенным возрастанием уровня профессиональной специализированности в формах деятельности людей. История преподносится как процесс неуклонного возрастания уровней дифференцированности и специализированности в деятельности разных профессиональных групп, чем обеспечивается рост эффективности в работе и ускорение динамики социально-экономического прогресса в целом;

– *структурализм*, объясняющий цели культурных изменений («зачем») потребность в упорядочивании и повышении эффективности социальных взаимодействий между людьми, а способ («как») – упорядочиванием языка, понятийного аппарата, на котором строятся эти взаимодействия (формирование смысловых соотношений, понятийных бинарных оппозиций и пр.). Это в результате ведет к диверсификации (расчленению на многие параллельные каналы) смыслового потока социальных взаимодействий (его переориентации с более общих, идеологических оснований на более дробные, технологические), который структурируется на базе все более узко специализированных понятий, текстов, дискурсов. А сами понятия при этом постоянно верифицируются и уточняются. История понимается как процесс непрерывного уточнения понятий и текстов, описывающих и символизирующих социальное бытие, что ведет к повышению социальной эффективности основанных на этой понятийной базе взаимопониманий и взаимодействий;

– *постмодернизм*, дающий на «почему» и «как» один универсальный ответ: по причине и в режиме постоянной борьбы между тенденциями упорядочивания организационного устройства бытия и интеллектуальных представлений о нем, осуществляемых в интересах общества (социальный контекст), и интенциями индивидуального преодоления этого порядка (творчество – текст). Имеет место постоянный конфликт между культурной формой, как нормой (традицией), и культурным артефактом, как ее частной интерпретацией. В этой борьбе в исторических масштабах времени, как правило, традиция терпит поражение, а побеждает интерпретация, что в результате ведет к неуклонному возрастанию уровня социальной и интеллектуальной свободы людей на всех последовательных стадиях социальной эволюции. История осмысливается как векторно-ориентированный процесс преодоления традиции, расширения пространства свободы и возрастания степеней интеллектуальной и социальной независимости личности. Промежуточное положение между структурализмом и постмодернизмом занимает *постструктурализм*, который уже выходит на понимание извечной борьбы текста с контекстом на уровне культурных смыслов, но еще не выводит это на уровень непосредственных социальных отношений.

Вторую группу «относительно культурологических» методологий, отвечающих только на вопросы «как» и «к чему это ведет», составляют:

– *цивилизационизм*, понимающий процессы культурной динамики как процедуры кумулятивного накопления специфических местных культурных черт, что приводит ко все большей локализации культур в особых формах, называемых цивилизационными признаками. История мыслится как процесс постепенного нарастания локальной специфичности обществ, завершающийся их гибелью (по тем или иным причинам) и образованием новых обществ, проходящих тот же цикл;

– *диффузионизм*, объясняющий культурную динамику, напротив, постоянной эстафетой культурных достижений, передаваемых от народа к народу, что в результате ведет к технологическому и интеллектуальному прогрессу во всем мире. История видится процессом пространственного распространения отдельных достижений (новаций) и всеобщего социокультурного развития в этой связи.

Еще одна особенность культурологии – это уровень обобщений. Философия культуры проводит обобщения на уровне умозрительных категорий (культура-вообще, которой, естественно, в природе нет, это – теоретическая абстракция; есть только разные культуры разных социальных групп – народов, конфессий, сословий и т. п.), история культуры – на уровне непосредственно наблюдаемых и описываемых явлений (артефактов). Культурология же осуществляет свои обобщения преимущественно на уровне культурных типов: исторических – цивилизации; социальных – элитарная, народная и массовая культуры; коммуникативных – устная, письменная и экранная культуры; функциональных – культуры производителей продовольствия (крестьян), материальных производителей (горожан), интеллектуальных производителей (интеллигенции), производителей порядка (элиты) и беспорядка (криминала) и иных типах. Зачем нужна такая аналитическая типологизация? Именно затем, чтобы глубже раскрыть причины и цели тех или иных форм коллективной жизнедеятельности, ответить на вопросы «почему» и «зачем».

Разумеется, это далеко не все вопросы, которыми занимается культурология. Но это отражает основные проблемные поля общей теории культуры.

Краткая история культурологии в России

Термин «культурология» впервые был применен в 1915 году немецким философом В. Оствальдом, однако широкую известность получил с 1939 года благодаря трудам американского культурантрополога Л. А. Уайта. Уайт видел необходимость в том, чтобы вычленив из традиционной культурной антропологии (этнологии), исследовавшей преимущественно культурные различия между народами, специальную науку – культурологию, ориентированную на изучение универсальных явлений культуры, единых для разных народов. Это позволяло ставить вопрос о культуре как общем понятии, универсальной «специфической модальности человеческого бытия» (Г. С. Кнабе), создать общую теорию культуры как категории. Тем не менее, в западной науке термин «культурология» не привился, а проблема, поставленная Уайтом, исследовалась в основном в русле лингвистической философии (семиотика, структурализм, постструктурализм, постмодерн), приверженцами французской школы «Анналов» (историческая антропология), социологами американской Гарвардской школы и их последователями (структурный функционализм).

Вместе с тем культурология в течение 1960–1980-х годов начала постепенно распространяться в советской науке, а в 1990-х годах произошел своего рода «культурологический бум» прежде всего в сфере российского образования. В принципе можно проследить два основных источника отечественной культурологии.

В послевоенные десятилетия в СССР периодически проходили кампании «критики взглядов буржуазных ученых». В 1960-е годы на волне одной из таких кампаний армянский социолог Э. С. Маркарян, якобы дискутируя с Л. Уайтом, фактически ввел термин «культурология» в нашу науку и под видом критики «буржуазных концепций» начал знакомить научную общественность СССР с культурологическими концепциями Уайта и других американских «неоэволюционистов», а также с собственными комментариями к ним. В подобной инициативе первыми его поддержали ростовские ученые Ю. А. Жданов и В. Е. Давидович, ленинградцы С. Н. Артановский и М. С. Каган, свердловчанин Л. Н. Коган, к ним присоединились и московские специалисты С. А. Арутюнов, Б. С. Ерасов, Э. А. Орлова и др. Я упоминаю здесь лишь старшее поколение ученых; разумеется, среди научной молодежи апологетов этого движения было гораздо больше (включая и автора этих строк, выросшего на книгах Маркаряна). В период с середины 1960-х по начало 1990-х годов вышло уже несколько десятков книг по культурологии, написанных отечественными учеными, и около десятка переводов в основном западных социологов культуры (Э. Дюркгейма, А. Моля и др.).

В середине 1980-х годов в Институте научной информации по общественным наукам (ИНИОН АН СССР) открылась специальная лаборатория по изучению культуры, где под руководством И. Л. Галинской и С. Я. Левит начался массовый перевод на русский язык классических трудов западных философов культуры и антропологов, которые через несколько лет начали издаваться большими тиражами. Наши культурологи старшего поколения стали первыми профессиональными комментаторами этих трудов. Апогеем этой тенденции в начале 1990-х годов стало преобразование Всесоюзного НИИ культуры, занимавшегося в основном проблемами музееведения, в Российский институт культурологии. Лидером научных исследований в институте стала Э. А. Орлова – наибольший «западник» в нашей культурологии, что на несколько лет определило направленность работы института в целом. Это было одно направление возникновения российской культурологии – на базе освоения теорий западной философии, антропологии, социологии, психологии и т. п.

Но была и другая линия. В условиях идеологической зашоренности, царившей в стране, либеральная интеллигенция искала какой-то относительно легитимный способ

выражения собственного, немарксистского мироощущения в культурно значимых текстах. В основном это были представители гуманитарного знания (историки, филологи, литературоведы, искусствоведы и др.). И они нашли искомый выход в сфере так называемого культуроведения (термин Ю. В. Рождественского), которое начало проявляться в повышенном интересе к объектам старины и исторической традиции, в движении охраны национального культурного наследия и т. п. В числе этих ученых следует назвать С. С. Аверинцева, А. И. Арнольдова, Л. И. Баткина, Г. Д. Гачева, А. Я. Гуревича, П. С. Гуревича, В. В. Иванова, Д. С. Лихачёва, Ю. М. Лотмана, В. М. Межуева, Е. М. Мелетинского, Ю. В. Рождественского, В. Н. Топорова и др.

Усилиями этой группы либеральной интеллигенции формировалась другая ветвь российской культурологии, базировавшаяся прежде всего на традициях отечественной исторической, филологической и искусствоведческой наук, на лингвистических реконструкциях нравов и быта минувших времен, на изучении мифов и языческой обрядности в рамках развитой отечественной школы мифологии, на семантическом анализе искусства как источника информации о культуре прошлого, но – главное – на различных вариациях теории локальных цивилизаций, идущей еще из XIX века от Н. Я. Данилевского и возрожденной в середине XX века Л. Н. Гумилевым. Кстати, именно в середине 1980-х годов впервые в СССР на русском языке вышли книги и зарубежных классиков теории цивилизаций: О. Шпенглера и А. Тойнби. Свообразным ответвлением цивилизационных исследований, выросшим непосредственно из концепций русских «евразийцев» и этногеографических воззрений Гумилева, является школа «социоестественной истории» (Э. С. Кульпин и др.), синтезирующая современные идеи социальной синергетики и давние теории геодетерминированности исторических процессов.

Следует отметить, что огромное влияние на формирование этой ветви культурологии оказала чрезвычайно мощная традиция российского востоковедения; не будет преувеличением сказать, что российская гуманитарная культурология в существенной мере воспользовалась опытом востоковедческих исследований, распространив его на изучение русской и западной культур. Разумеется, и здесь не обошлось без обращения к достижениям зарубежных коллег: во-первых, французских семиотиков, под влиянием которых сложилась знаменитая московско-тартуская семиотическая школа во главе с Ю. М. Лотманом и Б. А. Успенским; во-вторых, французских же историков школы «Анналов», чья методика оказалась близка российским традициям изучения культуры повседневности и под воздействием которой началось формирование отечественного аналога школы ментальностей во главе с А. Я. Гуревичем, Ю. Л. Бессмертным, А. Л. Ястребицкой.

Таким образом, в течение 1960–1980-х годов в стране шло параллельное формирование двух сравнительно автономных культурологий: социальной, апеллировавшей к опыту англоамериканской и немецкой антропологии, и гуманитарной, имевшей в своей основе отечественные корни и связанной с французскими школами семиотики и «новой истории». Все 1990-е годы были посвящены попыткам объединения этих ветвей и превращения культурологии в некую «супернауку», синтезирующую в себе социально-научный и гуманитарный подходы к познанию общества и культуры.

В 1989 г. культурология была легализована как новое направление (специальность) высшего образования и как общеобразовательная дисциплина. В стране начали открываться первые культурологические кафедры, создаваться первые учебники по общеобразовательной культурологии, в чем безусловное первенство принадлежит Московскому государственному техническому университету им. Н. Э. Баумана и непосредственно Н. Г. Багдасарьян, а также Российскому открытому университету (ныне – Университет РАО) и сотрудничавшим с ним в те годы С. П. Мамонтову и Б. С. Ерасову (авторам двух первых в России учебников по общеобразовательной культурологии).

В числе основателей специального культурологического образования в стране следует назвать Г. В. Драча – в Ростове, С. Н. Иконникову – в Санкт-Петербурге, Г. И. Звереву, Т. Ф. Кузнецову и автора этих строк – в Москве.

С 1996 года культурология была введена в номенклатуру специальностей Миннауки и ВАК России. Были учреждены ученые степени доктора и кандидата культурологии, стали открываться диссертационные советы по культурологическим специальностям.

Но был и еще один фактор, определявший претензии культурологии как «супернауки». Дело в том, что основным заказчиком культурологического знания было (и в большой мере остается сейчас) образование. В 1992 году, когда из вузовских программ была убрана марксистская теория, на культурологию обратили внимание как на дисциплину, способную заменить исторический материализм. Соответственно от культурологии ожидали, что содержательно она станет «общей теорией всего», т. е. безграничным по своему размаху обществоведением (аналогично истмату). Но заказчик не учел того, что общество и его культура – это не одно и то же. А культурология изучает именно культуру (в отличие от социологии, изучающей общество). Этот социальный заказ в известной мере дезориентировал культурологов, которые в 1990-х годах занялись построением теорий общества и его динамики на базе культуры.

Хотя на этот счет было написано немало интересных работ, но нацеленность на ложный предмет изучения, в конечном счете, сыграла против культурологии. Ведь у нее были не только сторонники, но и весьма сильные противники, которые упорно боролись с наукой о культуре как сферой знаний, неизбежно конкурирующей в ряде проблемных областей с философией, а также практически со всеми социальными и гуманитарными науками. Серьезный кризис наступил в 2000 году, когда под нажимом влиятельного лобби философов и социологов и вопреки протестам Российской академии наук Министерство по делам науки и изобретений Российской Федерации издало приказ, «закрывающий» культурологию в качестве самостоятельной науки как не оправдавшей социальный заказ. Взрыв возмущения деятелей гуманитарной сферы, поддержанный известными корифеями литературы и искусства, а также негативная позиция Министерства культуры Российской Федерации привели к отмене этого приказа и выработке компромиссного решения. Культурология была восстановлена в виде двух специальностей: 1) теория и история культуры; 2) музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов. Возобновлены защиты диссертаций по культурологии. А что касается культурологического образования, то оно и не прерывалось.

Итак, «супернаука» не состоялась. Культурология, наконец, локализовала объект и предмет своего познания на культуре, ушла от организационных форм к технологиям и продуктам человеческой жизнедеятельности. Но объединения социального и гуманитарного направлений культурологии так и не произошло. Они остались сравнительно самостоятельными течениями изучения культуры, ориентированными на разные методологии. Это разделение получило даже региональное выражение. Например, московские культурологи в массе своей больше склоняются к социально-научному направлению, а санкт-петербургские – к гуманитарному (разумеется, и там, и там можно найти представителей обоих направлений, но доминирующая ориентация все же чувствуется). А ведущий научный центр – Российский институт культурологии даже организационно разделен на два этих направления.

Культурологические учебные заведения и подразделения почти все склоняются к гуманитарной культурологии. Образовательный Госстандарт 2000 года также усиливает доминирование гуманитарной составляющей в учебных планах (приблизительно 45 % – на гуманитарное и лишь 20 % – на социально-научное знание в общем объеме часов).

В 2006 году в Санкт-Петербурге было создано Российское культурологическое общество (позднее зарегистрированное под официальным названием Научно-образовательное культурологическое общество), которое призвано сыграть роль общественной академии для культурологов (в Российской академии наук пока еще нет отделения культурологии). В числе задач, которые должно решить общество, – выработка общих критериев, по которым то или иное исследование может быть отнесено к профилю «культурология», расширение номенклатуры культурологических специальностей, расширение поля социального заказа на культурологию, формирование культурологического экспертного сообщества, формирование научно-популярного сегмента культурологической науки, проведение грамотной информационной политики в интересах культурологии и пр.

На сегодняшний день культурология остается комплексно востребованной только системой образования. Вместе с тем культурологи начинают уверенно завоевывать площадки социальной коммуникации, социокультурной экспертизы, общеадминистративной референтуры. Но все это не имеет системного характера. Общество еще не осознало широких познавательных и экспертных возможностей культурологии, возможностей практического применения широкопрофильных знаний культурологов. Но это осознание постепенно начинает формироваться.

Культура и история: потребность в переживании социального опыта

Приступая к рассуждению о соотносительности истории и культуры, важно определиться в отношении к вопросу о целенаправленности истории как социального движения и достоверности ее как науки. С точки зрения философии позитивизма и опирающейся на нее социальной науки, история априорно лишена какой-либо телеологичности, целеориентированности, внутренней осмысленности и является более или менее случайным результатом коллективной жизни людей. Я бы даже рискнул определить исторический процесс как динамику практической реализации людьми коллективных форм их деятельности, а также как аккумуляцию, селекцию и трансляцию в наибольшей мере оправдавших себя образцов социального опыта по достижению этой цели. В таком случае историческое знание (наука) может быть определено как особый способ описания и систематизации наиболее значимых процессов и результатов осуществления людьми своей социальности, то есть технологий их коллективного существования.

Обращаю внимание на то, что при этом речь идет о способе, избранном нами – заинтересованными лицами – для описания событий прошлого, систематизированных нами же по тем или иным основаниям, удобным для нас. Можно систематизировать эти же события и иным образом, на других основаниях, искать иные их причины. Это приведет к совершенно иным интеллектуальным и идеологическим результатам и будет рассматриваться как особая система парадигм исторического познания (например, эволюционная или цивилизационная, но в принципе могут быть и другие). Сама по себе история не является живым существом и не может иметь каких-либо самостоятельных целей, смыслов, намерений и прочих проявлений свободной воли, свойственных человеческой личности.

Возникает вопрос, почему же история выглядит столь логичной и последовательной, что порой поражает нас своей выраженной векторностью и телеологичностью? Отвечаю известной максимой: истинно лишь то, во что мы сами веруем. Не веруйте, не убеждайте себя в особой мистике истории, и она окажется не более систематичной и последовательной, чем наша повседневная жизнь. Это мы искусственно систематизируем хронологическую последовательность событий, порой «насилуя фактуру», которую иначе не удастся описать сколько-нибудь складно. Это вовсе не значит, что реальная совокупность событий социального бытия столь же упорядочена, как, впрочем, это в равной мере не означает и того, что социальное бытие менее упорядочено, чем мы это видим или нам хочется это видеть. Вопрос в том, что каждый из нас понимает под достаточной степенью упорядоченности событий, чтобы показать ее как неотъемлемое свойство истории.

Сразу же уточню свою позицию и по вопросу различения «двух историй» – истории как совокупности реальных событий прошлого и как науки, описывающей это прошлое. На мой взгляд, практически все, что мы знаем о прошлом, – это и есть совокупность текстов, созданных теми или иными людьми (жившими прежде или нашими современниками), описавшими это прошлое с большей или меньшей степенью субъективности. Говоря о тексте, я имею в виду не только письменные документы, но и любые продукты человеческой деятельности – вещи, сооружения, произведения, поступки, суждения, – каждый из которых может быть прочитан и дешифрован как текст. Но знакомство с первоисточниками – вещественными, документальными и другими свидетельствами в их подлинной, уникальной конкретике – удел узких профессионалов, которые обобщают, систематизируют и «переводят» сумму изучаемых ими фактов на язык связного повествования, так или иначе отражающего их собственную интерпретацию и навязывающего нам авторское понимание материала. Недаром в Англии исторические исследования принято относить к сфере художествен-

ной литературы, а не науки. Я уже не говорю о степени субъективности самих исторических документов; ведь их составляли живые люди в конкретных социальных обстоятельствах, испытывавшие давление со стороны властей и т. п.

Здесь уместно вспомнить о теории «нарратива» и сослаться на авторитет Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Дерриды. Прошлое открывается для человека только в форме «повествования» о нем, совершаемого кем-либо (например, самим Господом посредством «откровения» или человеком, рискнувшим присвоить себе сакральные функции «раскрытия правды» о днях минувших). Авторизованность подобного подхода неизбежно предполагает субъективную интерпретацию прошлого, а все прочее, могущее обнаружиться в культуре за пределами такой истории, – тем более фикция (фантазмы и симулякры, по Лиотару и Бодрийяру). Таков профессиональный метод изложения истории как авторизованного рассказа, к которому я не только отношусь с полным уважением, но и сам при необходимости делаю то же самое (другого метода нет), отдавая себе отчет о масштабах личностного переживания истории и степени авторской интерпретативности в ее описании. Этот же принцип доминирует в произведениях художественной литературы и искусства, в традиционных преданиях, мифах и легендах, суммой сведений которых и этнической традицией, сформировавшейся именно в недрах религиозно-художественной культуры, в существенной мере формируется историческая эрудиция всякого общества. Я не говорю уже о конфессиональной догматике как таковой, историческая фактурная доказуемость которой в данном случае даже не обсуждается, но роль которой в наших массово распространенных взглядах на историю трудно преувеличить.

Поэтому вопрос о том, что подразумевается под историей – подлинные события или их интерпретации, данные историками, писателями, художниками, философами, религиозными пророками и так далее, в принципе не имеет значения. Все, что мы знаем об истории, базируется почти исключительно на сумме авторизованных рассказов о прошлом, в лучшем случае имеющих некоторое отношение к объективно доказуемым фактам, или совершенно недоказуемых мифологемах – социальных, конфессиональных, национальных и т. п.

Вот пример, ставший почти классическим: все мы знаем пушкинскую эпиграмму на графа М. С. Воронцова «Полумилорд, полукупец... полуподлец...». А ведь это писалось о прославленном герое Отечественной войны 1812 года, генерале, непосредственно защищавшем Багратионовы флеши под Бородином (которые по справедливости следовало бы назвать Воронцовскими флешами; Багратион непосредственно на флешах фактически не заезжал)¹, первым вошедшем в Париж в 1814 г., командире русского оккупационного корпуса во Франции (под покровительством которого зрели будущее декабристы). Конечно, у Пушкина не сложились личные отношения с генералом, и за публичное ухаживание за женой Воронцова – одной из самых красивых женщин того времени – поэт был выслан из Одессы в Кишинев. Похоже, Пушкина оскорбила не столько высылка, сколько то, что генерал от инфантерии и генерал-губернатор Таврии не снизошел до дуэли с мелким гражданским чиновником. И вот в нашем культурном сознании один из самых прославленных русских военачальников остался «полуподлецом». Не ссорьтесь с пушкинскими.

Поэтому исследователю необходимо четко различать историческое событие (или персонаж) и закрепившуюся в культурной традиции его интерпретацию.

Другой вопрос, обладает ли субъективно проинтерпретированное знание о прошлом объективной научной значимостью. Думаю, что обладает настолько, насколько такого рода значимость вообще присуща оценочному подходу, зависящему от социального контекста

¹ По рассказу М. Б. Баркляя-де-Толли, объезжавшего после сражения войска: «Потери в войсках чудовищные. Я наткнулся на полсотни солдат, окружавших раненого генерала, и спросил: “Вы что за полк, ребята?” Мне ответили: “А мы не полк. Мы дивизия графа Воронцова”».

его реализации. В отличие от физики, законы которой не поддаются интерпретации с точки зрения интересов общества (соответствует ли нашим национальным интересам закон всемирного тяготения?), гуманитарное знание всегда оценочно, всегда отражает интересы и ценности некоего сообщества, группы и т. п., что и было доказано еще философами-неокантианцами и М. Вебером. Оно значимо постольку, поскольку соответствует психологической комфортности членов данного сообщества, его самооценке и самоидентификации, выступает «оправданием» его прошлого и настоящего, особенностей культуры, нравов, обычаев и т. п.

Гуманитарное знание (включая историческое) дает возможность теоретически обобщить и отразить социальный опыт коллективного существования, накопленный многими поколениями предков. С этой точки зрения оно, так же как и искусство, обладает высочайшей социальной значимостью, становясь основой нашей психологической уверенности в себе как в обществе. При этом никаких объективных законов мироустройства оно (как и искусство) не открывает, поскольку подобные законы, как об этом свидетельствуют естественные науки, не поддаются ценностной интерпретации. Атомный вес водорода или строение ДНК не могут обладать большей ценностью для России и меньшей для Франции. А вот деятельность Карла Великого имеет, безусловно, разную ценность для французов и русских. Это значит, что в отличие от ДНК история Карла имеет разные культурные смыслы для разных обществ и интересна именно этой разностью. А из этого следует, что гуманитарные науки изучают не объективную правду о чем-либо (например, о каких-либо событиях), а ее частные и субъективные интерпретации – рефлексии свидетелей, а чаще – побочных трансляторов информации об этом. Иначе говоря, история изучает не правду о каких-либо событиях, а правду о чьих-то точках зрения (в том числе авторов исторических документов) по поводу этих событий. Это и есть нарратив.

Анализ эволюции жизни на Земле показывает, что от низших ее форм к более высоким непрерывно шло усиление значимости фактора коллективных форм существования особей, факторов социальности и ассоциированности как основного механизма популяционного выживания и воспроизводства. Межпоколенное поддержание коллективных форм жизни обеспечивает социальное воспроизводство группы, «правил игры», на основании которых коллектив сохраняет свою устойчивость. «Правила игры» не задаются извне, но вырабатываются самими членами ассоциации в процессе накопления практического опыта коллективной жизнедеятельности. У животных это происходит на уровне генетически наследуемых инстинктов, у людей – в результате разумного поведения, ориентированного на социально наследуемые культурные образцы.

Столь же показательна эволюция механизмов адаптации: у растений приспособление к изменению условий существования выражается в мутации видовых морфологических черт; у животных изменчивость видовых признаков дополняется локальной адаптацией отдельных особей и популяций посредством изменения стереотипов поведения, в частности, способностью к обучению (классический пример – цирковая дрессура). У человека же после сложения основных расовых типов морфологическая адаптация фактически свелась к незначительным элементам акселерации, главным же средством приспособления стало изменение сознания и способов поведения, особенно способов осуществления социальности или коллективного взаимодействия в процессе жизнедеятельности.

Не буду оригинальным, если назову описываемые явления коллективной человеческой жизни словом «культура». Культура людей функциональна и выступает как аналог того, что у животных мы называем биологическими механизмами выживания и популяционного воспроизводства в естественной среде. У людей такого рода механизмы работают в условиях социальной среды, то есть в ситуации взаимоотношений с человеческими коллективами. В свою очередь, практически вырабатываемые способы выживания и социального

воспроизводства в конкретных исторических условиях, описанные в динамике, и есть история того или иного сообщества. Замечательный польский писатель и культуролог Станислав Лем называл различные культуры «локальными стратегиями выживания». Круг замыкается: культура – это способ выживания и воспроизводства социального человека в истории, а смысл истории мы находим в динамике накопления социального опыта выживания и воспроизводства, то есть в культуре.

Где же в этой схеме высокие духовные порывы, творчество, креативное начало, имманентно заложенные в человеке? Отвечаю: на каждом шагу. Духовность во всех ее проявлениях – это манифестация некоторых идеальных форм осуществления социальности, то есть воплощенных социальных конвенций по поводу «правил игры» коллективного сосуществования людей. Как правило, духовность, понимаемая в таком смысле, оперирует социальными проблемами на таком уровне рефлексии, до которого основная масса человечества еще не доросла.

Таким образом, я прихожу к выводу (и подозреваю, что являюсь далеко не первым) о том, что понятия «история» и «культура» в существенной мере тождественны. История есть описание динамики того, что в статике рассматривается как культура; смысл истории в том, чтобы быть динамикой культуры, а смысл культуры в том, чтобы быть статикой истории.

Можно поставить вопрос и по-иному. В конце концов, никакой истории и культуры на свете нет. Это лишь слова, условные обозначения. Как факт существует человеческая деятельность. Ее событийный ряд мы договорились называть словом «история», совокупность форм и результатов – словом «культура». В таком случае история культуры – это событийный ряд порождения и существования форм и продуктов человеческой деятельности. При понимании того, что история и культура – лишь разные ракурсы описания человеческой деятельности, их тождество становится еще более очевидным.

Когда история и культура расходятся в этом тождестве, появляется такой феномен, как памятник. Памятник – это культурный артефакт, переживший свою актуальную историю, семантически остающийся свидетельством прошлого, но социально уже неактуальный.

Можно сказать, что культура – это предмет истории, совокупность того, что может быть систематически описано в качестве повествования (текста), создающего образ сколь угодно целостного прошлого. Культура – это также и смысл истории, значимый социальный опыт коллективной жизнедеятельности людей, который заслуживает быть систематически описанным в качестве истории. В этом случае понятия «общая история» и «история культуры» различаются весьма условно. Поэтому представляется справедливым понимать под историей культуры собственно всеобщую историю, рассматривающую исследуемый материал под определенным углом зрения ради выявления универсальных и уникальных параметров социального опыта коллективного существования и социального воспроизводства всякого конкретно-исторического общества в его уникальном пространстве и времени.

В связи с этим возникает вопрос о культурогенезе. Было ли у культуры какое-либо происхождение, начальная историческая точка отсчета? Думаю, что нет. Имел место процесс постепенной трансформации генетически наследуемых инстинктов социальности животных в социально наследуемые паттерны коллективного взаимодействия людей. Накопление этих паттернов и составило то, что мы называем культурой. Но культурогенез тем не менее имеет место и заключается в бывшем, происходящем и будущем непрерывном порождении новых культурных форм и их объединений в новые локальные системы. Культурогенез можно назвать процессом преодоления накопившейся традиции под давлением изменившихся внешних обстоятельств существования, что было, есть и будет всегда.

Таким образом, я прихожу к выводу о том, что культура и история, в сущности, представляют собой один феномен, различающийся лишь благодаря исходной позиции исследователя. Когда его интересует динамика событий, этот феномен он называет историей, если же ему интереснее статика – устойчивые компоненты ситуации или феномена, то она называется культурой. На самом деле ни в истории, ни в культуре динамика и статика сами по себе не доминируют, а лишь условно акцентуируются исследователем.

Культурология как наука: проблемы систематизации социального опыта коллективной жизни людей

1. Статус культурологии и ее место среди наук. Цели, предмет и структура культурологического знания

В современной науке наиболее распространенным и признаваемым практически всем научным сообществом является определение культуры как мира искусственных объектов и порядков, созданных людьми. В их число входят объекты и порядки:

– *материальные* – вещи, сооружения, преобразованная среда;

– *идеальные* – знания, суждения, понятия, образы, смыслы, названия и обозначения, слова, символы, знаки, изображения;

– *социальные* – принципы, на базе которых образуются различные виды коллективных объединений людей для осуществления совместной жизнедеятельности (социальные, этнические, конфессиональные и др.), лежащие в основе их социальной солидарности;

– *технологические* – разнообразные способы осуществления коллективной деятельности и коммуникации, разработанные людьми на протяжении их истории и наследуемые человеком не биологически (генетически), а только методом заучивания или подражания (в процессах воспитания, образования и практического социального взаимодействия с другими людьми), и некоторые другие. Если исходить из этого определения, то все существующие гуманитарные науки, а в некоторых аспектах – и социальные науки в конечном счете являются науками о культуре, т. е. знанием о видах, формах и результатах человеческой жизнедеятельности, что отмечал еще немецкий философ Генрих Риккерт в своей работе «Науки о природе и науки о культуре» (1903). Казалось бы, в таком случае нет никакой необходимости в существовании какой-то специальной науки о культуре – культурологии. Есть науки о природе – естественные, науки об обществе – социальные, науки о культуре – гуманитарные и, наконец, философия – метафизическое знание о конечных сущностях бытия, как природного, так социального и культурного.

Вместе с тем, социальные и гуманитарные науки делятся на две неравные группы: огромный корпус наук о рожденных в процессе разделения труда специализированных видах человеческой деятельности (экономике, праве, политике, военном деле, языке, религии, искусстве, педагогике и т. п.), выделяемых по предмету этой деятельности, и небольшая группа наук о различных общих аспектах такого рода деятельности безотносительно к ее предмету. Это прежде всего исторические науки, изучающие генезис и временную хронологию человеческой жизнедеятельности в любых ее сферах; психологические науки, исследующие закономерности психической деятельности, индивидуального и группового поведения (то есть его мотивацию); социологические науки, открывающие формы и способы объединения и взаимодействия людей в их совместной целенаправленной жизненной активности; культурологические науки, анализирующие социальные смыслы этой коллективной деятельности, консолидирующие, ценностные, нормативно-регулятивные, знаково-коммуникативные, а также социально-воспроизводящие аспекты коллективного бытия как необходимые условия образования и функционирования устойчивых социальных общностей – народов (см. табл. 1).

Таблица 1. Науки о видах и формах человеческой деятельности (социально-научное и гуманитарное знание)

Науки о формах социальной организации и регуляции	Науки о формах социальной коммуникации и трансляции опыта	Науки о видах материально-преобразующей деятельности
Юридические Политические Военные Экономические	Филологические Педагогические Искусствоведческие Религиоведческие	Технические Сельскохозяйственные
Интегративные науки о различных аспектах видов и форм человеческой деятельности		
Исторические (<i>генетическо-хронологический аспект</i>) Психологические (<i>мотивационный аспект</i>) Социологические (<i>структурно-функциональный аспект</i>) Культурологические (<i>социально-консолидирующий, нормативно-регулятивный, ценностно-смысловой, знаково-коммуникативный и социально-воспроизводящий аспекты</i>)		

Для осуществления социальных форм жизни нужны, во-первых, общие цели (основания), консолидирующие людей в их коллективном существовании, и нормы (правила), регулирующие их совместную жизнь и деятельность, а также ценности – иерархизированная система критериев оценки эффективности и приемлемости тех или иных актов и продуктов деятельности и поведения человека, различных объектов и предметов и т. п. Во-вторых, наделение объектов и явлений окружающего мира (включая самого человека и его деятельность) некими смыслами, способность к различению и систематизации этих объектов и их смыслов, а также система обозначений (символов и названий), с помощью которой осуществляется информационный обмен (социальная коммуникация) между людьми по поводу целей, предметов, способов и смыслов их деятельности.

В процессе осуществления такого рода практической и символической деятельности люди накапливают определенный опыт того, как лучше, эффективнее, экономнее, полезней, безопаснее делать все это, то есть удовлетворять свои индивидуальные и групповые интересы и потребности в ходе социального взаимодействия друг с другом. Все это называется совокупным социальным опытом данного человеческого коллектива, исторически накапливаемым и передаваемым из поколения в поколение в виде норм, правил, традиций, обычаев, нравов, знаний, учений, законов, технологических навыков и умений, чувственных образов и иных «передаточных механизмов» в ходе процессов социального воспроизводства общества и личности. Весь этот сложный комплекс функциональных средств и механизмов взаимопонимания и взаимосогласования процессов жизнедеятельности человека и изучает культурология, которую в числе многих иных определений можно назвать наукой о ценностно детерминированных основаниях социальной консолидации людей и способах осуществления коллективного характера их жизнедеятельности, о социокультурной необходимости познания и упорядочения окружающего материального и информационного мира, а также о методах воспроизводства общества как социально устойчивой и культурноспецифичной общности.

При этом если социология изучает непосредственно формы объединений людей в устойчивые коллективы (социумы и иные социальные группы) и вопросы взаимодействия между ними, то культурология исследует по преимуществу «тексты», «правила игры»,

«социальные конвенции», регулирующие их совместное общежитие и опредмеченные в продуктах их деятельности, манифестированные и зафиксированные в каких-то письменных документах или ритуальных формах поведения, в художественных образах, философских сентенциях и прочем, выраженные на тех или иных «языках культуры» и транслируемые из поколения в поколение в виде традиций, нравов, обрядов, норм, правил и тому подобных регулятивных установок коллективной жизнедеятельности людей, называемых чертами своеобразия их культуры.

Здесь следует определиться с одним принципиально важным условием, о котором многие, как правило, забывают. Предмет культурологического познания – отнюдь не «вся культура»; это по силам лишь всей совокупности социальных и гуманитарных наук. Отнюдь не любое исследование, включающее в свое заглавие слово «культура», может быть отнесено к профилю культурологии. Культурология ограничивает свою «познавательную площадку» именно описанным комплексом нормативно-регулятивных, ценностно-смысловых, знаково-коммуникативных и социально-воспроизводящих механизмов и средств, обеспечивающих коллективный характер форм жизнедеятельности людей и процедуры межпоколенной передачи социального опыта. На каком эмпирическом материале изучаются эти проблемы, не важно. Можно на любом, вплоть до привычки жевать резинку или практики каннибализма. Но исследование должно быть сконцентрировано именно в этом проблемном поле. Тогда это будет называться культурологией, выявляющей глубинные социальные смыслы в любой сфере человеческой деятельности.

Именно этот аспект можно назвать культурой в узком смысле как процесс порождения, функционирования и воспроизводства некоторого набора социальных норм, сплачивающих данный коллектив людей в устойчивое сообщество, задающих его членам необходимые знания и навыки, языки коммуникации и оценочные критерии, правила бытового общежития и нормативного этикета, эталоны социальной адекватности и образы престижности, границы социальных притязаний и прочие атрибуты социокультурной компетентности, необходимые для полноценной социальной жизни в данном сообществе. В данном случае под социальными нормами (в отличие от технологических норм) понимаются разделяемые в более или менее массовом порядке императивные, разрешительные или запретительные установки на те или иные способы осуществления различной деятельности или взаимодействия между людьми (способы удовлетворения тех или иных личных и групповых интересов и потребностей, необходимостей и притязаний). Их содержание в значительной мере определяется доминирующими в данном сообществе нравственными, этическими, мировоззренческими и другими принципами.

Говоря о нормах, я, естественно, имею в виду весьма широкий комплекс социально-регулятивных установок: мораль и нравственность обыденного поведения или служебного этикета (осуществляемые осмысленно); законодательно закрепленные императивы и запреты, разрешения и запрещения на те или иные поведенческие акты, суждения или оценки (что обычно связано с какой-то системой социальных поощрений или санкций); образцы сознания и поведения, воспроизводящие устойчивые социальные и культурные стереотипы почти в автоматическом режиме (например, бытовая вежливость или демонстрация пиетета перед человеком с более высоким социальным статусом), что ныне принято называть «ментальностью»; образцы поступков и решений, которые воспроизводятся не буквально, но с общей ориентацией на исходные эталоны (например, религиозные или художественные каноны); различные обрядовые и ритуальные, этикетные и церемониальные формы поведения, имеющие преимущественно статусно-демонстративную функцию «маркера причастности» человека к ситуации; и наконец, вся система ценностных установок и ориентаций, присущих тому или иному сообществу, вне которых упорядоченная жизнь в сообществе практически невозможна.

Источником такого рода норм служит исторический социальный опыт коллективных форм жизнедеятельности людей, накапливаемый сообществом и передаваемый из поколения в поколение в виде вышперечисленных установок. Разумеется, по мере изменения социальных условий жизнедеятельности какие-то из норм теряют актуальность и отмирают, иные модернизируются, одновременно формируются и внедряются в общественную практику совершенно новые нормы, порождаемые новыми условиями бытия и т. п. Есть все основания предполагать, что система социальных норм и является квинтэссенцией культуры как таковой, порождаемой в процессе накопления и аккумуляции социального опыта, его селекции и выделения наиболее оправдавших себя образцов проявления сознания (суждений, оценок) и осуществления деятельности.

Эти образцы закрепляются в практике людей посредством нормирования и стандартизации допустимых форм их поведения и суждений как наиболее социально приемлемых, символизируются в наглядных формах, внедряются в актуальную социальную практику и особенно в системы коммуникации, межпоколенной трансляции культуры, модернизации, изменчивости и т. п. Такого рода нормативно-регулятивные процессы определяют основные формы взаимодействия людей практически в любых областях их социальной активности: от высших проявлений интеллектуального и художественного творчества до криминальной борьбы за существование. Это и есть основное системообразующее ядро всякой конкретно-исторической культуры.

Возникает вопрос, как в эту жесткую нормативно-регулятивную модель вписывается феномен творчества, без которого невозможно представить себе сколько-нибудь развитую культуру? Как представляется, творчество является вполне органичной составляющей этой модели, поскольку любое применение норм и стандартов (любой степени жесткости) связано с их определенной интерпретацией, адаптивным варьированием черт используемой формы в зависимости от конкретных условий и обстоятельств, сложившихся в месте и времени применения и т. п. Творческий акт – интеллектуальный, художественный, духовно-провидческий, научно-познавательный, конструктивно-технический и т. п. – это акт создания нового культурного феномена (формы, смысла, образа, способа и пр.), мотивированный и стимулированный какой-то еще не решенной проблемой (природной или социальной), внутренним социальным или культурно-ценностным конфликтом (вплоть до личного взаимонепонимания), нехваткой необходимых знаний, опыта, состоянием психологической фрустрации, эмоционального дисбаланса, что, как правило, так или иначе связано с ситуациями взаимоотношений автора (творца) со своим социальным окружением (другими людьми).

Вместе с тем инерция накопленного социального опыта была жестким регулятором всякого творчества, которое всегда (даже если речь шла о творчестве художественном) затрагивало некие базисные установки правил коллективного существования людей, их взаимопонимания, согласия в оценках, трактовках и т. п. Разумеется, в сообществах с различной степенью традиционности общего социокультурного устройства творческие достижения и открытия реализовывались с разной мерой терпимости или нетерпимости к новациям. Нам не следует забывать, что творчество в основном было и остается нормативно-регулятивным явлением культуры (и, как правило, определенно ангажированным, целенаправленно заказанным тем или иным «заказчиком»), сколь бы экстравагантные манифестации ни сопровождали ту или иную конкретную акцию того или иного творца и сколь бы искренними ни были его субъективные устремления.

В изучении социального нормирования и ценностной иерархизированности любых форм жизнедеятельности людей, механизмов формирования и функционирования, языков символического выражения и межпоколенной трансляции этих социальных норм культурологию не может заменить ни одна отраслевая наука, каждая из которых исследует преиму-

щественно технологические нормы в той или иной сфере деятельности, а не социально-ценностные.

Суть социально-ценностного нормирования заключается в том, что человек избирает способ достижения преследуемой цели не столько по признакам его (способа) практической эффективности, экономности и т. п. (что, разумеется, остается весьма важным критерием выбора), сколько по признакам допустимых социальной цены и социальных последствий применения этого способа. Подобного рода ограничения могут иметь как глобальный, так и совершенно локальный характер, но в принципе каждое социальное действие индивида, так или иначе, корректируется такими регуляторами. В культуре цель никогда не оправдывает средства. Только социальная приемлемость средств делает и цель культурно оправданной.

Любое культурологическое исследование (если оно действительно культурологическое) является актом дешифровки глубинных социальных смыслов, сокрытых в чертах изучаемого явления или события. Ибо всякое явление и событие, рассмотренное в культурологическом ракурсе, является текстом, содержащим в себе явные и скрытые смыслы. Этот «текст» нужно прочесть и выявить содержащиеся в нем смыслы. Но культуролога интересуют не любые смыслы (а всякое явление или событие, как культурный текст, несет в себе неисчислимое количество разных содержаний и смыслов), а именно социально значимые смыслы, то есть смыслы, касающиеся способов поддержания коллективной формы существования людей. А это и есть те самые социально-ценностные нормы, о которых шла речь выше.

Таким образом, объектом (то есть исследуемой сферой жизни, наблюдаемой объективно) научных интересов культурологов являются, по существу, любые виды и формы человеческой жизнедеятельности (точно так же, как у историков, психологов и социологов), а предметом научного анализа (то есть непосредственно изучаемым аспектом или свойством, выявляемым и выделяемым в объекте среди иных его аспектов и свойств) становятся прежде всего его нормативно-регулятивные, ценностно-смысловые, знаково-коммуникативные и социально-воспроизводящие механизмы, регулирующие всякую социальную практику и в особенности взаимодействие и взаимопонимание между людьми. В этом смысле культурология является наукой, изучающей не человека и общество как таковые, а способы коллективного существования людей, формирующие из толпы организованное общество. Эти способы в совокупности и представляют собой культуру данного общества.

Нормативно-регулятивный аспект социальной жизни, изучаемый культурологией, представляет собой прежде всего совокупность определенных экстраутилитарных принципов в человеческой жизнедеятельности, под которыми понимаются такие формы детерминации активности человека, которые обычно не имеют прямого и непосредственного отношения к преследуемой цели по существу, но не позволяют человеку использовать любой способ для достижения цели, а требуют от него выбора способа, наиболее приемлемого по нравственным, мировоззренческим, этическим и иным ценностным соображениям и правилам, распространенным в данном обществе. При этом основным критерием приемлемости этого способа как социально допустимого выступает его непосредственное или опосредованное (в долгосрочной перспективе) влияние на уровень социальной консолидированности членов данного сообщества, то есть его социальная значимость для поддержания коллективного характера жизни людей. Таким образом, культурология – это наука о способах (технологиях) осуществления коллективной жизни людей (в отличие от социологии, изучающей главным образом структурные формы этой коллективной жизни) и о договоренностях (социальных конвенциях) по поводу допустимости и приемлемости тех или иных способов удовлетворения их интересов и потребностей.

Ценностно-смысловой аспект культуры представляет собой совокупность тем или иным образом систематизированных (упорядоченных) знаний людей об окружающем их мире и его смыслах, а также ценностно-иерархизированного социального опыта (опыта коллективного сожительства и взаимодействия), накопленного людьми на протяжении их истории. В конечном счете, культура может быть представлена и как система знаний и представлений людей, рассмотренная через призму их социального опыта, наделяющего эти знания определенными значащими для человека смыслами. Эти знания, смыслы и социальный опыт концентрируются как в институциональной области (систематизированных научных и технологических знаниях, религиозных и философских учениях, законах, художественных образах и пр., транслируемых в формах систематического обучения), так и в конвенциональной сфере (существующей и функционирующей в виде обычаев, нравов, народной мудрости, этикета, ритуала, вкусов, оценок, норм бытового общежития и общения и пр.). Подавляющее большинство знаний и представлений человека о природе и обществе, истории и настоящем, самом себе и других людях, способах производства или потребления чего-либо и т. п., так или иначе «обслуживают» коллективный характер их жизнедеятельности. Таким образом, культурология – это и наука о процессах формирования у разных человеческих коллективов комплексов их социально значимых знаний и социального опыта, в совокупности созидающих осмысленную и упорядоченную картину мира, отражающую специфику исторической судьбы данного сообщества.

В этом вопросе присутствует еще одна очень сложная проблема. Совершая какие-либо действия, высказывая какие-либо суждения, познавая что-либо, человек упорядочивает окружающий его мир (или актуальный его фрагмент) по некоторым принципам, принятым его сообществом и культурой (видимо, преимущественно утилитарным, а также экстраутилитарным в обозначенном выше смысле), то есть совершает эти действия как социально детерминированные, согласованные с социумом или не вызывающие возражений у социума. Но человек одновременно переживает то, что он делает, говорит, узнает и пр. Что значит «переживает» с антропологической точки зрения? Очевидно, где-то в глубинах своей психики он точно так же упорядочивает информацию, но по каким-то другим, видимо, ценностно-эмоциональным принципам, что дает ему возможность психологически принять (или смириться) то, что он совершает, индивидуально проинтерпретировать собственные действия (не обязательно вынося эту интерпретацию на чей-то суд) и т. п. В случае, если человек вполне удовлетворен своими действиями, он выражает радость по этому поводу, а если глубоко неудовлетворен, в дело вступает такой сложный механизм как совесть, связанная с функцией нравственной самопроверки личности. Точно так же человек переживает действия и суждения других людей, то есть постоянно оценивает их соответствие его персональным взглядам на социальную допустимость и приемлемость.

К числу главных предметных областей культурологии относится и исследование знаково-коммуникативных процессов информационных связей между людьми. В отличие от наук лингвистического профиля культурологию интересуют не технические механизмы порождения, фиксации, кодирования, передачи и декодирования информации, а сами культурно-смысловые содержания, составляющие предмет этих информационных обменов между людьми и выраженные в определенных символах, знаках, значениях, чувственных образах и т. п. В конечном счете, содержание этих информационных обменов между людьми по преимуществу сводится к обсуждению все тех же «правил игры», непосредственно или опосредствованно регулирующих или обеспечивающих их совместное существование. При этом информационные обмены могут осуществляться как на естественных языках, так и на вспомогательных (пиктографических, мимико-жестовых, языками церемониального поведения, художественных образов и иной символики). Отсюда культурология –

это и наука о содержании процессов социальной коммуникации и о социальном функционировании языков этой коммуникации.

И, наконец, культурология – это наука о процессах и способах социального воспроизводства общества и личности – межпоколенной трансляции социального и культурного опыта – норм и правил, знаний и смыслов, ценностей и символов, языков их обозначения и т. п. Социальное воспроизводство общества возможно только методом специального обучения и воспитания его членов – личностей, в совокупности составляющих его массив, на что направлены усилия систем образования, просвещения, религии, искусства, специализированных культурных институтов, средств массовой информации и пр. При этом воспроизводятся не только лояльные члены общества («продукты» данной культуры, владеющие языками коммуникации и средствами социальной конкурентоспособности в этом обществе), но и активные участники социальных процессов («потребители» и «производители» культуры); а также в каких-то масштабах воспроизводится и антисоциальная среда (люди, паразитирующие за счет умелого нарушения действующих социальных и культурных норм).

На позитивное воспроизводство направлены процессы социализации личности (воспитания индивида в традициях социальной адекватности нормам жизнедеятельности, обычаям взаимодействия и размаху социальных притязаний, приемлемых в данном обществе), а также инкультурации личности (обучения индивида должной культурной компетентности в ценностно-смысловых порядках и установках этого общества). Таким образом, всякое общество, воспитывая своих лояльных членов, по существу стремится воспроизвести легитимный социальный порядок, господствующий в данном коллективе на данном этапе его истории. Социальное воспроизводство – это прежде всего воспроизводство порядка коллективных форм и содержаний жизнедеятельности, то есть культуры.

У читателя на основе всего прочитанного может сложиться впечатление, что культурология в первую очередь – это наука о прошлом. Ведь социальный опыт, на основе которого складывается всякая культура, – это то, что уже миновало и было ретроспективно осмыслено потомками. Это верно. И если бы культурология как наука имела бы многовековую историю, то такое суждение было бы вполне обоснованным. Но XX век среди прочего характерен и тем, что в течение его начала складывается новая культурная парадигма. Суть ее в том, что культура стала постепенно утрачивать свою жесткую обращенность только в прошлое. Культуру стало интересовать и будущее.

Конечно, интерес к будущему не изобретение XX века. Если Античность и Средневековье не очень беспокоились о земном будущем человечества, то уже в эпоху Ренессанса появились первые социальные утопии, а Просвещение жестко поставило вопрос о направленности истории и содержании исторического прогресса. Марксистская модель коммунизма была наиболее радикальной и проработанной утопией будущего. Но в XIX веке этим были обеспокоены преимущественно интеллектуалы. И, пожалуй, только в XX веке предощущение будущего стало доминировать в культуре массового общества (в том числе и идея коммунизма).

Именно в XX веке получили такое развитие научная и ненаучная фантастика, литературные утопии и антиутопии, жанр фэнтези в литературе и кино, не говоря уже о научной футурологии и социальной прогностике, которые к концу века вошли в число наиболее востребованных направлений науки. В XX веке планы и программы развития на несколько лет вперед стали нормой управленческой практики. Говоря образно, если вчера мы получали социальный опыт, обсуждая уже сыгранный спектакль, то сегодня мы получаем опыт, репетируя спектакль предстоящий. Сейчас мы обретаем опыт, превентивно переживая будущее.

Культурология, родившаяся в середине XX века, не могла не впитать в себя эту новую тенденцию. Разумеется, пока еще развитие футурологии не продвинулось столь далеко, чтобы она стала культурной футурологией. Но дело идет именно к этому. Следует ожи-

дать, что сравнительно скоро обществом будет востребована культурологическая экспертиза планов социального развития стран и регионов, проектов в различных областях деятельности. Слишком часто мы обжигались на том, что не могли грамотно предвидеть культурных последствий наших действий, не могли просчитать социальной цены тех или иных намерений. Теперь культурология внедряется в число прогностических наук. Это не значит, что она совсем уйдет от изучения культуры прошлого. Но с каждым новым поколением специалистов культурология во все большей мере начнет превращаться в науку о культуре будущего.

2. Уровни научного обобщения в культурологическом знании

Присутствие культурологии в системе научного знания обнаруживается в двух проявлениях. Во-первых, как специфический культурологический метод и уровень обобщения любого анализируемого материала в рамках любых наук социального и гуманитарного профиля. Во-вторых, как самостоятельная область социального и гуманитарного научного познания культуры «в узком смысле», основное проблемное поле исследований которой было обрисовано выше.

Начнем с первого определения. Любая предметная или аспектная наука или группа наук (в частности, из перечня, приведенного в *табл. 1*) включает некоторое число более или менее самостоятельных внутринаучных дисциплин (или субдисциплин), которые можно разделить на три уровня углубления в изучаемый предмет и обобщения полученных о нем знаний. На высшем уровне, который традиционно называют «философией области познания или сферы деятельности» (философией истории, философией экономики, философией политики, философией образования, философией искусства, социальной философией и т. п.), как правило, решаются познавательные и рефлексивные задачи наиболее общего осмысления предмета познания или деятельности, формулирования его сути (онтологии, смысла), места в системе мироздания и основных ценностных (для человека) параметров. Напротив, самый нижний уровень познания какой-либо области человеческой практики – эмпирический – обращен к выявлению, описанию, атрибуции и технико-технологическому определению непосредственных функций, причин и значений того или иного явления (объекта), исследуемого в конкретно-исторической уникальности тех обстоятельств места и времени и иных условий, в которых исследуемый объект «застигнут» и описывается. Между этими двумя уровнями изучения – метафизической философской онтологизацией классов (категорий) явлений и эмпирическим описанием во всей их конкретно-исторической неповторимости – выделяются теории среднего уровня, в рамках которых анализируются устойчиво повторяющиеся и, как правило, упорядоченные последовательности явлений человеческого бытия, имеющие более или менее системный характер.

Это и есть культурологический профиль исследований и обобщений, относящийся к зоне «теорий среднего уровня», занимающих промежуток между метафизикой и непосредственной эмпирикой изучаемой стороны жизни. Такого рода зоны «теорий среднего уровня» существуют фактически в любых областях знаний о человеке и его деятельности: в исторических науках – это теории формаций и цивилизаций, в социальных науках – теории организаций и социальных институтов, в искусствоведении – теории художественных стилей, в экономике – теории способов производства и т. п. На этом уровне создаются модельные концептуальные построения, описывающие не то, как данная область жизнедеятельности функционирует вообще (при любых обстоятельствах) и каковы границы условий ее существования, а то, какими способами она адаптируется к меняющимся условиям, как сама себя воспроизводит в упорядоченном состоянии и поддерживает приемлемый режим своего функционирования, какие системные построения в данной структуре возникают в тех

или иных макроисторических условиях, каковы причины и механизмы, порождающие упорядоченный характер реакции данной структуры на новые условия и ее конструктивную активность применительно к меняющимся условиям и т. п.

Примеры подобного рода можно привести из области любых социальных и гуманитарных наук: экономической, политической, филологической, искусствоведческой и др. В рамках каждой из них можно выделить некое поле исследований, касающихся работы экстраутилитарных, ценностно-нормативных механизмов организации, регуляции и коммуникации людей в соответствующих областях жизнедеятельности, а также способов их межпоколенного воспроизводства, которые даже на уровне обыденного сознания принято называть экономической культурой, политической культурой, языковой культурой и пр. Этот особый ракурс научного обобщения с полным основанием может быть назван культурологическим, ибо он обращен к специфическому предмету – социальной регуляции всякой деятельности, занимающему промежуточное положение между собственно технологическими проблемами данного вида деятельности и ее философской онтологией, рассматривающей наиболее общие и, как правило, исторически неизменные закономерности функционирования соответствующих видов.

В принципе речь идет о том, что в любой области познания видов и форм человеческой жизнедеятельности помимо уровня философских обобщений, касающегося вопросов сущности и базовых закономерностей, определяющих тот или иной вид деятельности и ее результаты (продукты), и уровня предметных обобщений, связанного с вопросами непосредственных технологий, организации и обеспечения деятельности, можно выделить и специфический уровень социокультурных обобщений. Последний исследует историю данного вида деятельности (ее генетический аспект), психологию (мотивационный аспект), социологию (организационно-функциональный аспект) и культуру данного вида деятельности (ценностно-нормативный и семантико-коммуникативный аспекты). Эти четыре ракурса исследований и обобщений лишь опосредованно связаны с предметом самой деятельности, но акцентированы на проблеме субъекта этой деятельности, ее исполнителя, на мотивации, организации и экстраутилитарной регуляции его участия в процессе (см. табл. 2).

Таблица 2. Уровни научного обобщения в познании видов человеческой деятельности

Уровни обобщений и предметное содержание обобщений знаний	Внеисторический аспект	Исторический аспект
1. Уровень философско-теоретических обобщений		
Философия вида деятельности	Сущность вида деятельности и его познаваемость	
Теория вида деятельности	Структура, динамика и социальные функции вида деятельности в их исторической эволюции	
	Методология изучения вида деятельности	Становление и историческая эволюция теоретических воззрений на виды деятельности

Уровни обобщений и предметное содержание обобщений знаний	Внеисторический аспект	Исторический аспект
2. Уровень социально-культурных обобщений		
Психология вида деятельности	Психологические основания деятельности	
Социология вида деятельности	Функциональная организация субъектов деятельности	
Культурология вида деятельности	Ценностно-нормативная и семантико-коммуникативная регуляция вида деятельности	
3. Уровень предметных обобщений		
Технология вида деятельности	Становление и историческая эволюция практических способов (форм) осуществления данной деятельности	
Организация вида деятельности	Становление и историческая эволюция структурно-организационных форм осуществления данной деятельности	
Обеспечение вида деятельности	Становление и историческая эволюция подготовки кадров для данного вида деятельности, ее ресурсного, энергетического и инструментального обеспечения	

Таким образом, в любой области социального и гуманитарного знания может иметь место культурологический подход к определенным социально-нормативным функциям изу-

чаемой сферы жизнедеятельности, к процессам формирования специализированных «профессиональных культур» и специфической символики «языка форм» этого вида деятельности, выраженной в таких направлениях исследований, как культурология экономики, культурология политики, культурология религии, культурология искусства и т. п.

Самостоятельная область знания – собственно культурология. Это отдельная группа наук, изучающая тот же самый комплекс ценностно-нормативных и семантико-коммуникативных механизмов социальной организации, регуляции и информационной деятельности людей, но уже не в ракурсе выявления их роли в осуществлении той или иной специализированной деятельности, а с целями определения наиболее фундаментальных характеристик и закономерностей становления и функционирования этого комплекса во всей социальной практике человека. Этот комплекс изучается в качестве некой целостности, как одна из важнейших подсистем мотивации и регуляции поведения людей и рефлексии ими мотивов и форм собственного поведения (как в профессиональной, так и в обыденной сферах жизни), а также как система институциональных органов («культурных институтов»), занимающихся производством, хранением и внедрением необходимых для такой деятельности «культурных текстов», с помощью которых осуществляются социализация и инкультурация человеческой личности и практическая регуляция ее социальной активности.

Цели и задачи культурологии как специальной области знания, очевидно, следует определять посредством моделирования самой структуры культурологической науки.

В культурологии (как, впрочем, и в большинстве других наук) принято выделять два «крыла»: фундаментальное и прикладное. При этом цель фундаментальной культурологии – изучение культурных процессов и явлений, возникающих и функционирующих по преимуществу стихийно, на основании общих закономерностей протекания социокультурной жизни людей. Прикладная же культурология изучает, планирует и разрабатывает методику целенаправленного прогнозирования и управления социокультурными процессами в рамках государственной социальной и культурной политики, осуществляемой специализированными культурными институтами и общественными организациями.

3. Фундаментальная культурология

Реально в практике фундаментальной культурологии с большей или меньшей очевидностью формируются три основных направления исследований (выделяемых по объектной сфере):

– *социальная культурология*, акцентирующая внимание на социокультурных процессах и явлениях, порождаемых людьми в ходе их совместной жизнедеятельности и «объективирующая» человека в формах его социальной практики (то есть абстрагирующаяся от его личностных, индивидуализирующих черт как творца и потребителя культурных реалий и рассматривающая его как условного функционального субъекта культурных процессов);

– *психология культуры*, сосредоточенная, напротив, на вопросах «субъективации» культурной личности, проявляющейся в ее творческом, интерпретативном подходе к культурным нормам, образцам и стереотипам, заданным «социальными конвенциями» общества; психологической мотивации лояльности и нелояльности индивида по отношению к общепринятым образцам поведения и суждений и иных выражениях как «окультуренности» личности, так и ее неустранимого индивидуализма в вопросах «исполнения» культурных норм, проблемах социального воспроизводства общества посредством культурного воспроизводства его субъектов (инкультурированных личностей);

– *культурная семантика*, изучающая культурные феномены прежде всего как средство коммуникации между обществом и личностью, между индивидами внутри сообщества,

между различными сообществами как культурными целостностями, как систему информационных носителей, с помощью которых кодируется, хранится и транслируется социально значимая информация (культура, социальный опыт), выраженная на том или ином вербальном или невербальном языке, в символических чертах технологий и продуктов (результатов) всякой человеческой деятельности и т. п. (см. табл. 3).

Несмотря на кажущееся существенное различие объектов исследования (культура общества, культурные черты личности и языки коммуникации между обществами и личностями), подлинный предмет исследования во всех перечисленных направлениях культурологии остается единым: социально-интегрирующие, ценностно-нормативные, регулятивно-коммуникативные и социально-воспроизводящие механизмы организации жизнедеятельности людей. Более того, на самом деле речь идет о единственном механизме – культуре, исполняющей все эти многообразные социальные функции.

Хочу обратить внимание на то, что в предлагаемой структуре культурологического знания не выделяется история культуры или историческая культурология как самостоятельное направление исследований культуры. Это не значит, что данному направлению мною не придается должного значения. Скорее напротив. Я полагаю, что все рассматриваемые здесь направления культурологии так или иначе интегрируют в себе теоретическое и историческое начала. Может быть, в этом и заключена некая имманентная специфика собственно культурологического подхода, отличающая этот ракурс от всех прочих. Этот подход не может быть совершенно теоретическим, абстрагированным от исторической конкретики бытия человеческого общества и культурного многообразия таких локальных сообществ, иначе он превращается в чистую схоластику. Но он не может быть и исключительно историко-фактологическим, «свободным» от теоретического обобщения исследуемого материала, его типологизации, поисков неких культурных универсалий, объединяющих историческое многообразие культур в культуру как категорию.

Таким образом, в каждом из рассматриваемых здесь направлений культурологии естественным образом присутствуют и теория культуры, и историческая культурология – научный подход с позиций изучения исторической динамики исследуемых явлений и процессов. Вопрос лишь в том, до какой степени именно на этой динамике делается исследовательский акцент. Когда такой акцент преобладает, мы можем назвать это сочинение историко-культурологическим вне зависимости от того, написано ли оно в жанре социальной или психологической культурологии или же культурной семантики.

Вместе с тем, чисто организационное (объектное) выделение исторической культурологии в одну из культурологических специальностей представляется оправданным. В рамках такой специальности могут концентрироваться работы, делающие акцент на исторической динамике существования культуры и на исследовании культуры в ее эмпирических проявлениях. Хотя, еще раз подчеркиваю, любое исследование, не затрагивающее проблемы генезиса и исторической динамики анализируемого объекта, по большому счету не является полноценно культурологическим. Вопрос лишь в акцентировке.

Вышеперечисленные направления фундаментальной культурологии могут быть иерархизированы по следующим четырем уровням выделения исследовательских объектов и научного обобщения полученных результатов:

- уровень изучения наиболее общих закономерностей протекания культурных процессов;
- уровень изучения культурных явлений и процессов, имеющих системный характер;
- уровень изучения не системных, но устойчиво повторяющихся явлений и процессов;
- уровень изучения единичных (уникальных) явлений и событий.

Таблица 3. Уровни научного обобщения и структура фундаментального культурологического знания

Уровни	Социальная культурология	Психология культуры	Культурная семантика
1. Обобщения на уровне общих закономерностей	Теория исторической и социальной динамики культуры	Социокультурная теория групп и личности	Семантическая теория культуры
2. Обобщения на уровне системных явлений культуры	Культурология системных объектов (социальных, этнических, политических и других конфигураций; образов жизни, картин мира и пр.)	Психология группового взаимодействия и социального воспроизводства личности (социализация и инкультурация)	Культурология семантических систем межличностного и массового обмена; социально идентифицирующих и кумулятивных систем
3. Обобщения на уровне устойчиво повторяющихся явлений	Культурология упорядоченных последовательностей и культурных форм	Культурология ментальностей	Культурология семантических форм
4. Обобщения на уровне единичных явлений	Культурология артефактов (объектов)	Культурология творчества	Культурология индивидуализирующих культурных черт

Социальная культурология

Высший уровень исследований и научных обобщений в области социальной культурологии – это обобщения в масштабе общих закономерностей, детерминирующих культурные явления и процессы в целом как особые категории коллективного человеческого существования. Это уровень общей теории культуры, разумеется, не исчерпывающий только область ее социальных проблем, но в существенной мере основанной на процессе коллективной жизнедеятельности людей как главном, порождающем культуру факторе.

К числу основных проблем общей теории культуры могут быть отнесены такие, как формирование категориального и понятийно-терминологического аппарата культурологии, методологий и методов ее исследования, разработка общих объяснительных концепций морфологии (структуры) культуры как системы (или совокупности систем) и ее типологии (многообразия форм и их распределения в пространстве и времени), социальной стратификации и этнической дифференциации культуры, социальной и исторической динамики культуры (теории культурных процессов), систематизация функций культуры по отношению

к человеку и обществу, исследование закономерностей соотнесенности социального и индивидуального в культуре, мотивации творчества и порождения культурных инноваций, исследование проблем пространства и времени в культуре, жизни культурных явлений и т. п.

Основная задача этого уровня обобщения знаний о культуре – создание системы способов и инструментария для исследования культуры. Теория культуры не столько стремится объяснить, что такое культура (это такое же неисчерпаемое понятие, как и жизнь, и ученые не тешат себя надеждой прийти к окончательному определению и того, и другого), сколько выяснить, каким способом можно познать культуру, как тем или иным образом можно систематизировать знания о ней, построить теоретические модели, иллюстрирующие те или иные культурные функции и процессы, и, наконец, каким образом можно применить это знание к задачам управления социальными процессами.

Второй уровень – обобщение явлений системного порядка. Известно, что значительная часть культурных феноменов существует не автономно, а объединяется в функциональные структуры системного характера. Эти совокупности организационно-регулятивно-селективно-коммуникативных составляющих человеческой жизни работают как системные целостности, функциональные механизмы по «отлаживанию» коллективного существования и взаимодействия людей, по нормированию и стандартизации некоторых социально значимых аспектов их сознания и поведения, обмену информацией, прогнозированию действий друг друга, по взаимообучению и корректированию, межпоколенной трансляции накопленного социального опыта и т. п. Компоненты подобных культурных систем тесно взаимосвязаны, взаимообусловлены и социально эффективны в своих функциях только тогда, когда работают «в сборке».

Классические примеры подобных систем:

– *язык*, по-настоящему функциональный только в системном единстве своих лексических, грамматических, фонетических, графических, артикуляционных, интонационных и прочих составляющих;

– *мораль*, действующая как системная совокупность нравственных императивов – разрешений и запретов, взаимодополняющих, уточняющих, отчасти даже дублирующих друг друга и к тому же структурно и функционально иерархизированных, что и положено всякой системной организации;

– *этничность* – весьма иерархизированная система реальных и мифических образов и маркеров – поведенческих и символических стереотипов национальной идентичности, языковой, культурной и социально-политической консолидации людей, чувства психологического комфорта от процессов, поддерживающих и повышающих уровень этнической солидарности, защищенности, мобилизованности членов сообщества и т. п.;

– *социальная престижность* – также высокоиерархизированный системный комплекс материальных (в имущественном и денежном выражении), служебных (чин, должность), ролевых (авторитет, влияние, конъюнктурные связи), социально-статусных (происхождение, образование, вхождение в «элитные круги»), поведенческих (этикет, церемониал), языковых (профессиональный жаргон), внешне маркирующих (одежда, украшения, регалии) и иных параметров, демонстрирующих социально-ролевой статус личности. Культурологические исследования этого уровня с известной долей условности можно назвать культурологией системных объектов. Поскольку типология подобных объектов весьма обширна, целесообразно выделить несколько частных направлений, каждое из которых по предметно-объектным признакам может претендовать на статус самостоятельной науки культурологического цикла. Таковы, например:

– социокulturология, занимающаяся культурными системами, формирующимися в процессе межгрупповой дифференциации социальных функций и общей социальной стратификации общества – специфической культурой классов, сословий, социально-профессио-

нальных констелляций, ячеек социальных сетей, политических и конфессиональных структур и пр.;

– этнокультурология, исследующая культурные системы (конфигурации), складывающиеся по этнотерриториальному, этнополитическому, этносоциальному и этноконфессиональному признакам, доклассовые этноплеменные и позднейшие этнические и субэтнические культуры как системно-иерархические нормативные комплексы, основанные преимущественно на внеинституциональных (традиционных) и мемориальных механизмах поддержания и трансляции регулятивных установок социального бытия, а также национальные культуры, складывающиеся по политическому признаку и базирующиеся преимущественно на прогностических основаниях социальной консолидации («национальных проектах»);

– историческая культурология, изучающая и моделирующая различные исторические варианты социокультурных систем сообществ, находящихся на разных ступенях общей эволюции, воплощающих разные стадийные типы, уровни сложности и различные принципы социальной организации и регуляции коллективной жизни людей, разные варианты и результаты работы адаптационных механизмов, коммуникативных каналов, моделей социокультурной модернизации и пр.; в число объектов исторической культурологии по необходимости могут включаться и современные культурные явления и события, как уже состоявшиеся или уже происшедшие, хотя и совсем недавно. Разумеется, этот перечень охватывает лишь те научные направления, которые обращены к наиболее значимым типам системных объектов культуры, и не исчерпывает всю реальную типологию подобных объектов.

Третий уровень связан с научными исследованиями и обобщениями феноменов, хотя и не обладающих выраженными признаками системного характера, но отличающихся, как правило, устойчивой повторяемостью в употреблении и более или менее явной упорядоченностью способа практического использования в тех или иных ситуациях. К феноменам такого рода можно отнести: нормы и стереотипы сознания и поведения в различных жизненных сферах (традиция приветствовать друг друга при встрече и прощаться при расставании), эталонные образцы, вариативно воспроизводимые в различных конкретных ситуациях (стилевые признаки искусства); паттерны сознания, обычно воспроизводимые автоматически (например, повышенная этикетность поведения по отношению к человеку с более высоким статусом); различного рода ритуальные и церемониальные формы поведения, проявляющиеся независимо от их практической актуальности (многие религиозные по происхождению элементы социальных обрядов, исполняемые неверующими людьми), и другие явления подобного рода, которые обобщенно можно определить как культурные формы. В отличие от артефактов культуры, представляющих собой частные случаи реализации этих форм, варьирующие и интерпретирующие их в зависимости от конкретных обстоятельств места и времени, сами формы являются именно базовыми протообразцами, воспроизводимыми (или, по крайней мере, разрешенными к использованию) в данной культурной системе или конфигурации.

Этот уровень исследований и обобщений можно было бы назвать культурологией упорядоченных последовательностей и культурных форм.

Основания для выделения этого уровня в самостоятельное предметное поле исследований видятся в том, что именно культурная форма (норма, паттерн, стереотип, образец, ментальная структура и т. п.) служит основной, базовой, «атомарной» единицей культуры. Она отличается, как правило, формальной (по совокупности наблюдаемых признаков) и функциональной автономностью, дискретностью и самодостаточностью, устойчивостью в использовании, синхронной и диахронной транслируемостью, тиражируемостью, выраженной функциональной обусловленностью генезиса и высокой полисемантической.

Некоторые культурные формы отмечены в столь повсеместном употреблении, что за ними закрепился статус культурных универсалий.

Культурные комплексы (конфигурации) более высокого ранга – системного и мозаичного характера – являются уже «сборками» из различных культурных форм, а культурные артефакты – частными случаями их употребления (порой в неполном или невыраженном виде).

Вместе с тем многие культурные формы воплощаются не только в чертах отдельных продуктов деятельности людей (вещей, понятий, произведений, образов, социальных структур и т. п.), но и в определенных свойствах процессов этой деятельности, регулируемых такими же нормативными установлениями, например, в обрядах и ритуалах. Традиционный свадебный или похоронный обряд – сам по себе уже культурная форма (разумеется, речь идет именно о базовой форме подобного обряда, а не о конкретном случае его реализации некими людьми в некоей ситуации с возможными отклонениями от канонического образца). То есть культурная форма – не только продукт (результат) какого-либо действия, имеющий канонически, традиционно, законодательно, статусно, обыденно или иным образом заданные параметры (черты, свойства), но в той же мере и технология (способ) получения требуемого результата. Причем каноничность самой технологии нередко (особенно в традиционных обществах) оказывается более значимой, нежели черты полученного результата.

Важнейшее свойство культурных форм – определенная упорядоченность их применения по отношению друг к другу в той или иной культурной системе (разные уровни совместимости, взаимодополняемости, взаимозаменяемости, взаимопоглощаемости и т. п.) и более или менее устойчивое воспроизводство этих форм в многообразии их артефактов. Форма, утратившая свою социальную актуальность и переставшая воспроизводиться в новых артефактах, либо совсем отмирает в памяти людей, либо сохраняется в качестве исторического памятника, то есть чисто мемориального образца, не реализующего свою первоначальную социальную (или по крайней мере семантическую) функцию, но свидетельствующего о культуре минувших эпох.

Культурная форма среди прочих своих свойств, как правило, включает в себе и некоторый порядок (правила) ее практического употребления (использования). Именно поэтому культурные формы могут быть охарактеризованы как более или менее упорядоченные феномены культуры (хотя далеко не всегда системные; этот параметр относится уже к иному пласту измерений культуры). Если провести параллель с лингвистикой, то культурные формы могут быть обозначены как «фразеологический запас языка культуры» (в вербальном языке, как одной из важнейших подсистем культуры, фразы – высказывания законченной мысли – являются основными культурными формами данной подсистемы).

Наконец, четвертый уровень исследований и обобщений относится к единично наблюдаемым явлениям, то есть культурологии артефактов. Под «единичностью» в данном случае понимается то, что каждый артефакт, воспроизводя ту или иную, даже весьма типичную и распространенную, культурную форму, под воздействием специфических условий места и времени, индивидуальных личностных характеристик и вкусовых пристрастий людей, а также массы иных общих и частных, закономерных и случайных обстоятельств практически никогда не бывает абсолютно тождествен исходной форме, а является лишь ее адаптивным вариантом с теми или иными уникальными отличительными особенностями. Разумеется, такого рода особенности обычно отсутствуют при механическом тиражировании той или иной формы. В этом случае весь «тираж» может рассматриваться как единый артефакт данной формы.

Несколько более сложной представляется задача разведения понятий «культурная форма» и «артефакт» в науке, философии, искусстве, где создаваемые авторами формы (тексты) предназначены для индивидуального восприятия, а не вариативного воспроизводства

иными людьми. Такой тип культурной формы называется произведением, единственным в своем роде, а статус артефакта подобной формы, видимо, относится к частным случаям потребления этих форм, т. е. индивидуальной интерпретации этого произведения его потребителем. Например, два человека, читающие одну и ту же книгу, по-разному понимают и интерпретируют прочитанное, главным образом по причине различий в индивидуальном социальном и культурном опыте. Эти индивидуальные варианты восприятия произведения и есть артефакты данной культурной формы. Помимо того, к уровню артефакта можно отнести цитирование, заимствование сюжетных ходов, идей или образных характеристик и иные случаи частичного использования элементов «чужой» культурной формы.

Основной критерий различия видится в том, что всякая культурная форма генетически новационна: она создается для нового решения новой конкретной функциональной задачи (прежними решениями служат уже существующие формы). А артефакты – это уже продукты более или менее массового использования данного «решения» как исходного образца, варьируемого применительно к условиям употребления, и ничего принципиально новационного (по сравнению с исходной формой) в артефактах, как правило, не содержится (уникальность индивидуальной интерпретации вовсе не обязательно является новационной).

В конечном счете все то, что мы обычно понимаем под историей культуры в ее эмпирическом аспекте, есть более или менее систематизированное описание тысяч и миллионов артефактов, вариативно воплощающих сравнительно ограниченное число базовых культурных форм, объединенных в большинстве своем в еще более ограниченное число культурных систем и конфигураций. Таким образом, культурология артефакта как научное направление и есть история культуры в ее наиболее традиционном (фактографическом) понимании.

Психология культуры

Следующая составляющая фундаментальной культурологии – психология культуры. Она изучает проблемы личности как создателя и потребителя культуры, механизмы социализации и инкультурации личности, генезис человеческой индивидуальности в культурном пространстве.

Очевидно, что, хотя культура является продуктом конвенциональным, порождаемым, интегрируемым в общественную жизнь и используемым практически на основе добровольного согласия людей думать и поступать именно таким образом, а не каким-то иным, реальный создатель всякой культурной формы и артефакта, – как правило, конкретный человек. И исполнители всех многообразных культурных установлений, норм, обычаев – отдельные люди. Поэтому рассмотрение культуры только в ее коллективном, «объективированном» аспекте не может быть достаточно полным без введения в аналитическое поле исследований проблемы «культуры личности». В принципе структуру психолого-культурологического знания можно выстроить также по вышеописанным ступеням – уровням обобщения, аналогично структуре социальной культурологии.

Первым (высшим) уровнем обобщений наиболее характерных закономерностей психологии культуры должна стать общая социокультурная теория групп и личности, изучающая индивидуальную организацию структуры социального опыта и связанное с этим групповое взаимодействие. Это уровень изучения человека как исполнителя и интерпретатора культурных установлений общества, в котором он живет и которое формирует и корректирует основные параметры его сознания, поведения и деятельности; уровень анализа основных механизмов регулятивного управления социокультурной детерминацией поведения личности, а также причин, ведущих к нарушениям этого управления и вызывающих отклонения от общекультурных и социальных форм в поведении человека.

В рамках общей социокультурной теории личности разрабатываются и основные методологические установки исследований в области психологии культуры.

Второй уровень обобщений явлений системного порядка, по всей видимости, может быть назван психологией группового взаимодействия и социального воспроизводства личности. Он акцентирован на теории и методике социокультурного воспитания личности, поскольку наиболее системным во всем процессе социокультурного бытия человека представляется именно функционирование механизмов интеграции индивида в комплекс норм и установлений, свойственных культуре межличностных взаимодействий, принятых в данном обществе. Здесь можно выделить три самостоятельные подсистемы.

Во-первых, механизмы социализации личности, то есть введения ее в общие знания об окружающем мире и вовлечения в различные виды социальной практики. В процессе общей социализации человек усваивает совокупный исторический опыт социального общежития и взаимодействия, накопленный данным сообществом и частично заимствованный у других сообществ. Хотя большинство механизмов социализации личности функционирует сравнительно автономно друг от друга, совокупный результат их воздействия в виде параметров социализированности индивида (уровня его органичной включенности в многообразные социальные взаимосвязи и ролевые функции) получается высокосистемным, составляющие элементы его теснейшим образом взаимосвязаны и взаимодетерминированы, тем или иным образом иерархизированы и т. п. Изучение механизмов социализации личности имеет также важное прикладное значение прежде всего для системы образования, законодательства, правоохранной практики и пр.

Во-вторых, механизмы инкультурации личности, то есть введения ее в систему нормативно-ценностных регуляторов социальной практики, в иерархию этих ценностей, семантическую систему их символизации, нормы их употребления, использования, понимания, в границы интерпретирования и т. п. Как и в случае с социализацией личности, процесс инкультурации представляет собой такое же освоение исторического опыта социального взаимодействия между людьми, но преломленного сквозь призму смыслов, значений и всей ценностной иерархии элементов этого опыта. При этом главное – внесение человеком своих индивидуализирующих корректив в усвоенные системы знаний, умений и навыков общей социализации и инкультурации, формирование (как правило, латентное) своей личностной микросистемы социокультурных свойств, отличающей именно данного индивида и выражающейся в неповторимом индивидуальном стиле жизнедеятельности и характерном «почерке» его личной культуры. И точно так же сравнительно автономное функционирование различных механизмов инкультурации в результате формирует высокосистематизированный комплекс ценностных ориентаций индивида, иерархизированную систему нравственных императивов и запретов, этических и эстетических предпочтений и т. п. С прикладной точки зрения процессы инкультурации создают комплекс культурной компетентности индивида в обществе проживания.

В-третьих, механизмы социокультурной самоидентификации личности, т. е. самоопределения человека в социокультурном пространстве его проживания, установления им своей политической, этнической, социальной и конфессиональной идентичности и т. п.

Процессы социокультурной самоидентификации личности начинаются в раннем детстве (первоначально по отношению к семье, позднее по отношению ко все более расширяющемуся полю социального окружения) и продолжаются на протяжении всей жизни, в каких-то элементах расширяясь, в иных случаях изменяясь, порой в чем-то утрачивая свою актуальность и т. д., постоянно корректируя и объективирующие, и индивидуализирующие социокультурные параметры личности как в восприятии ее окружением, так и в ее собственном самоощущении и соотношении себя с другими людьми. Разумеется, важнейшая составляющая такого рода самоидентификации (помимо понимания того, что есть собственное Я) –

достижение комфортного для данного индивида вхождения в эту среду, чувства солидарности с ней, ощущения своей защищенности в этом сообществе, в наибольшей мере формируемые процессами общей социализации и инкультурации личности.

Следует отметить, что события второго уровня, относящиеся к социокультурному воспитанию личности, осуществляются в процессе социального взаимодействия. Поэтому одним из важнейших направлений исследований в этой области являются вопросы технологии социальных взаимодействий, включающие коммуникативный (обмен информацией), интерактивный (взаимодействие) и перцептивный (восприятие друг друга) аспекты.

Мне представляется, что именно на этом уровне выработки стандартных психологических компонентов и сознания личности, становления ее общей социальной адекватности и культурной компетентности, комплекса социальных притязаний, разделения ролей и функций, общей социальной конкурентоспособности и других признаков «легитимного участника существующего общественного порядка» заметно возрастает роль вышеупомянутой проблемы личностного переживания индивидом его собственного места в обществе и истории, социального статуса, степени комплементарности (и в том числе эмоциональной) отношения к нему окружающих людей, его «совестливой» оценки собственных действий и т. п. Именно на этом уровне возникают разнообразные напряжения и конфликты межличностного характера, а также состояния культурно обусловленной психологической фрустрации индивида.

Я полагаю, что у этой проблемы есть несколько независимых причин. Во-первых, тысячелетиями вырабатывавшаяся привычка людей к солидарности на конфронтационных основаниях, уходящая корнями в архаическое противостояние «мы» – «они». Все существующие религии и национальные идеологии ныне манифестируют свою терпимость к другим религиям и национальным идентичностям, однако исторический опыт не дает оснований доверять этим манифестациям. Сформированное на принципах собственного культуроцентризма сознание требует негативного отношения к «культуре другого». Отсутствие инвектив в адрес иной культуры может быть истолковано как недостаточная лояльность к собственной. Социальные отношения становятся двухполюсными: любовь к «своему» обязательно должна сопрягаться с неприязнью к «чужому».

Но есть и другая причина фрустрации, уже личностного порядка. В процессе своей социализации и инкультурации человек учится не только соблюдать доминирующие в обществе порядки, но и индивидуально интерпретировать их, критиковать, предлагать альтернативные варианты, наконец, просто адаптироваться к не предусмотренным данным порядком обстоятельствам и пр. Эти случаи нестандартного социокультурного поведения индивида можно дифференцировать на адаптивные, творческие, девиантные по медицинским причинам, протестные (криминальные) и экстравагантные формы привлечения внимания к себе (разумеется, приводимый перечень далек от полноты). Тем не менее, за каждым таким случаем стоит феномен личностного переживания каких-то событий, то есть их внутреннего (совестливого) упорядочивания не по общепринятым меркам, что провоцирует состояние внутреннего психического дискомфорта у данной личности. Выходом из подобной фрустрации с равной степенью вероятности могут стать выдающийся творческий акт или криминальное действие. Хочу подчеркнуть, что я принципиально не касаюсь случаев медицинской патологии, хотя и с ними ситуация крайне сложна. Речь идет только о культурно-девиантном поведении, в основании которого лежит несоответствие (или неполное соответствие) общепринятых норм и способов упорядочения мира (вещей, идей, социальных отношений и т. п.) и индивидуальных принципов и критериев такого упорядочения, свойственных данной личности, что выливается в действие таких феноменов (абсолютно культурных по своему характеру), как нравственное переживание, сочувствие и др.

Наконец, третья причина фрустрации: человек нуждается в любви. Существует характерное позитивистское объяснение феномена половой любви, апеллирующее к такому ее биологическому основанию, как нарушение адреналинового баланса в крови, благодаря чему оказавшийся в этом состоянии человек испытывает определенный психологический дискомфорт и начинает подсознательно искать в своем окружении напарника (напарницу), страдающих от того же. Их альянс (как сексуальный, так и эмоциональный) подавляет этот дискомфорт². Остается не очень понятным, почему люди продолжают любить друг друга и при уже подавленном дискомфорте. Не отрицая несомненную биологическую подоснову любви, я полагаю все же, что этот феномен является в существенной мере культурным. В нем проявляется, может быть, одна из самых выраженных потребностей человека в Другом как эмоциональном отражении собственной индивидуальности и личной свободы, а также потребность в максимально четком разделении приватной и общественной сторон жизни. Человек ищет подтверждения тому, что «я хороший», и находит это подтверждение в том, что «меня любят». Любовь – это высшая форма социального одобрения, наряду со славой. Наверное, поэтому человек так стремится и к тому, и другому. Именно поэтому между любовью половой, дружеской и родственной так много сходства. Впрочем, по мнению многих мыслителей, любовь – это та же дружба, но сопровождаемая сексуальными отношениями. Я бы оставил этот вопрос на рассмотрение философов.

Так или иначе, но культура любви (типология допустимых, приветствуемых и запрещенных сексуальных и эмоциональных отношений) является одной из наиболее выразительных характеристик любой локальной культуры, уровня ее антропоцентричности, мифологичности, общей типологии социальных отношений и взаимодействий, развитости в ней художественного начала, но главное – вопроса о человеческой личности и ее свободе. Потому что любовь – это одно из важнейших проявлений личной свободы, которую не могли взять под контроль никакие социальные системы.

Третий уровень обобщений психологии культуры связан с изучением формирования комплексов устойчивых социокультурных стереотипов, норм, паттернов, ментальностей в сознании и поведении индивидов. Его можно назвать культурологией ментальностей.

При этом имеется в виду совокупность определенных социокультурных установок сознания и навыков поведения, усвоенных в процессе социализации и инкультурации индивида до автоматизма и «срабатывающих» в различных жизненных ситуациях почти механически. Чем выше уровень социализированности и инкультурированности человека в социальной среде, тем большей «номенклатурой» подобных норм и стереотипов владеет индивид и тем свободнее и вариативнее он всем этим пользуется. В конечном счете, эта «номенклатура» ментальностей и составляет ядро латентной культуры всякой личности, а то, что принято называть «культурным поведением» человека, заключается в основном в правильном, близком к социальному эталону использовании компонентов этой «номенклатуры».

Упоминание ментальности неизбежно влечет за собой определение понятия «повседневность» как особой категории социальной жизни людей. Не претендуя на исчерпывающее объяснение этого феномена, я полагаю, что наряду с так называемым макросоциальным разделением труда, социальных ролей и функций в общественном производстве происходит аналогичный процесс и на микросоциальном уровне приватной, семейной, территориально-соседской жизни индивида. Повседневное бытие предполагает исполнение личностью определенных социальных ролей по отношению к людям, с которыми она не находится в служебных отношениях, хотя сам характер этих ролей и функций принципиально не отличается от официальных, только зиждется на иных основаниях: личной симпатии и антипатии, то есть все на том же феномене личного переживания, о котором шла речь выше.

² Полушутливая версия о «происхождении любви» Э. А. Орловой, изложенная в личной беседе с автором.

Кроме того, повседневность, как правило, неотрывна от тривиальности, обыденности, совершения действий в «штатной» ситуации, обычно преобладающей в бытовых отношениях. Служебная деятельность в большей мере связана с инновационной активностью личности, с поиском, импровизацией. Точно так же и ментальность – это стереотип сознания, который «срабатывает» только в «штатных» (то есть «культурно предусмотренных») ситуациях.

Так же как и в социальной культуре общества, где культурные формы играют роль «кирпичиков», заключающих в себе основное функциональное и семантическое содержание культуры, из которых складываются «постройки» культурных систем, и в культуре личности ее ментальности (а по существу все те же культурные нормы, формы, паттерны, только усвоенные до автоматизма воспроизводства и реализуемые в индивидуально-вариативном виде, чаще всего в повседневной ситуации) являются такими же «кирпичиками», из которых складывается личностная социокультурная система каждого индивида в его обыденном социальном поведении, а, в конечном счете, – тот комплекс заметных внешнему наблюдателю черт, который принято называть специфическими нравами и обычаями данного народа (в противоположность его «высокой» художественной, религиозной или политической культуре).

Разумеется, ментальные проявления личности не исчерпываются одним повседневным уровнем их демонстрации; они играют заметную роль и в общественной (официальной) жизни индивида. Вспомним классические примеры вежливой британской ментальности, где принято автоматически говорить «спасибо, сэр!», даже получив пощечину; прагматичной американской («если ты такой умный, то почему такой бедный?»); или специфической русской ментальности, где так и не произошло четкого разделения служебных и личных отношений при исполнении должностных обязанностей («ты мне друг или милиционер?»), что уже три века остается предметом издевательств отечественной литературы. Тем не менее, самым выразительным «полем» манифестации национальных ментальностей все-таки остается сфера приватной жизни людей. Четвертый уровень обобщений в психологии культуры может быть определен как культурология инновационной (творческой) деятельности людей. Четвертый номер этого уровня вовсе не означает четверостепенности этого явления и этой научной проблемы. Напротив, способность человека к инновационной деятельности, к творческому преобразованию мира, выходу за рамки жестких нормативно-регулятивных стереотипов сознания и поведения (разумеется, в пределах социальной приемлемости параметров такого выхода) – наиважнейший феномен социокультурного развития человечества, поступательного эволюционного движения исторического процесса, развития всей системы знаний, технологий, интеллектуальных и духовных откровений и т. п. Выше, говоря о «врожденной потребности» личности выходить за рамки культурных норм и ограничений, я уже неоднократно останавливался на своей трактовке феномена творчества.

В рамках исследований психологии инновационной деятельности (коррелирующей с социологическими теориями внедрения инноваций и общей модернизации) можно выделить несколько ключевых проблем, нуждающихся во всестороннем изучении:

– механизмы индивидуального восприятия и интерпретации культурных явлений личностью (в первую очередь вопросы корреляции между типовой, культурно обусловленной интерпретацией и ее индивидуальной вариативностью);

– механизмы порождения новационных решений, детерминированных адаптационной необходимостью (под влиянием изменившихся условий природного или социального окружения);

– механизмы новационных решений, детерминированных логикой рационализации технологий в каких-то сферах деятельности;

– механизмы новационных актов, детерминированных психологической потребностью индивида в самовыражении;

– психология интереса к познанию и открытию нового;

– психология интереса к распространению знания, истины и пр.

Исследования в области психологии творчества и восприятия искусства, ведущиеся преимущественно искусствоведами, эстетиками, педагогами и психологами и приносящие немало важных открытий, ограничены узкой методологической базой, почти не апеллирующей к культурно-антропологическим парадигмам познания (результат «ведомственной неприязни» искусствоведов к антропологии), чрезмерно привязаны к метафизическим категориям (типа «духовности» – популярной, но абсолютно не операциональной с точки зрения научного познания категории), что существенно понижает их научную эвристичность.

Психологию культуры можно представить как науку, исследующую культуру человеческой личности по четырем аспектам: общие закономерности формирования культурно обусловленных черт личности; механизмы систематического «обучения» индивида культуре и его самоидентификации в ней; механизмы «использования» индивидом обретенных культурных знаний и навыков в режиме их простого воспроизводства; наконец, механизмы «преодоления» индивидом традиционных культурных ограничений и выхода на поисковую, инновационную, творческую парадигму сознания и деятельности.

Культурная семантика

Третьим основным направлением фундаментальной культурологии является культурная семантика – наука, изучающая знаковую и коммуникативную функции культуры.

Упомянутые социальные функции культуры (как коллективная, так и индивидуальная) отражают процессы, происходящие только в режиме постоянного общения между людьми внутри сообщества, между сообществами, их региональными группировками и т. п. Таким образом, любой культурный процесс, помимо организационной, регулятивной и селективной составляющих, непременно включает в себя еще и коммуникативную функцию системы механизмов обмена информацией между людьми, вне действия которой их совместная жизнедеятельность становится практически невозможной.

Основные социальные функции этого информационно-коммуникативного аспекта культуры заключаются, по-видимому, в следующем:

– актуальное согласование людьми их целей, намерений, планов и способов осуществления любых форм жизнедеятельности (особенно совместной деятельности);

– корректирующие информационные обмены в процессе уже осуществляемой деятельности;

– согласованная оценка результатов деятельности и степени их соответствия изначальным намерениям;

– обобщение результатов деятельности в той или иной сфере и согласование наиболее эффективных (утилитарно) и приемлемых (экстраутилитарно) приемов и способов ее осуществления (то есть выработки норм);

– трансляция этих норм в синхронном и диахронном планах (то есть передача опыта деятельности и взаимодействия как современникам, так и следующим поколениям);

– накопление, фиксация и трансляция знаний и представлений об окружающем мире и т. п. Для реализации этих информационных задач людям необходимо разработать единый язык, точнее, комплекс нескольких функционально специализированных языков, понятных и приемлемых для всех членов сообщества. При этом объекты наблюдаемого, реального мира предметов, процессов и явлений, а также мира представляемых явлений (не наблюдаемых эмпирически – фантазий, мечтаний, объектов религиозных верований и пр.) обре-

тают своих символических «двойников» – кодирующие знаки, обозначающие эти объекты в условной форме лексических символов (слов вербального языка, произносимых или написанных), пиктограмм (рисунков, более или менее узнаваемо изображающих объекты), графических символов (изображений, условно обозначающих смысл понятий – цифры, нотные знаки, эмблемы, гербы, флаги и пр.), вещественных символов (специфических черт в продуктах материальной деятельности, несущих смысловую нагрузку не только утилитарно-функционального, но и экстраутилитарного свойства – стилевые признаки вещей и сооружений, черты социальной престижности в одежде и предметах обихода, национально маркирующие черты в предметах материальной культуры, религиозная символика предметов культа, храмов и погребальных сооружений и пр.), символических действий (узнаваемо или условно имитирующих, обозначающих какие-либо явления, процессы или их смыслы – обряды, ритуалы, этикетное и церемониальное поведение, игры, репетиции и в определенном смысле все художественное творчество) и т. п.

Исследованием всех многообразных языков социальной коммуникации, механизмов их действия, принципов формирования и функционирования этого «символического мира» культуры как способа обозначения и транслирования социального опыта и занимается семиотика, включающая в себя семантику, синтаксис и прагматику.

Здесь, как и в рассмотренных выше направлениях, можно выделить четыре уровня объектов познания и научного обобщения.

Высший (первый) уровень связан с разработкой общей теории семантических порядков в культуре, их функций в работе механизмов социальной коммуникации и процессах социализации и инкультурации личности, в общих организационно-регулятивных и селективных процессах в культуре, в закреплении и нормировании смысловых и ценностных параметров культурных явлений, но главное – с изучением процессов накопления, фиксации и трансляции социально-культурного опыта сообществ, наращивания его информационной базы от поколения к поколению и методов его передачи. На этом уровне моделируются общая структура семантического поля культуры, динамика социально-коммуникативных процессов, типология семантических объектов, разрабатывается методология культурно-семантических исследований и т. п.

Второй уровень – культурология семантических систем. Очевидно, что языки культурной коммуникации могут эффективно функционировать только в качестве более или менее систематизированных образований, чем определяются их лексическая и грамматическая компактность, доступность для изучения и понимания, универсальность, пластичность, неограниченная способность к саморазвитию и т. п. Среди наиболее социально значимых функций социальной коммуникации могут быть перечислены:

- система межличностного информационного обмена, обеспечивающая социальное взаимодействие между индивидами в культуре, фиксирующая и транслирующая информацию в звуковой и графической формах как на вербальном (словесном), так и на различных невербальных языках, передающая сообщения как непосредственно, так и дистанционно и отличающаяся, как правило, целенаправленной избирательностью по отношению к объектам информирования;

- система массовой информации как совокупность приемов и технических средств для передачи социально значимой информации одновременно большому числу объектов информирования, определяемых неизбирательно, преследующая цели (помимо собственно информационных) пропаганды, манипулирования сознанием информируемых и т. п.;

- социально-идентифицирующая система как совокупность индивидуальных имен и названий, наглядных образов (символов, эмблем, стилевых признаков, знаков престижности) и символических действий (обрядов, ритуалов, этикетного и церемониального поведе-

ния), предназначенных специально для маркирования социальной принадлежности, социального статуса и роли людей, вещей, объектов, территорий и пр.;

– кумулятивно-информационная система как совокупность приемов и форм по накоплению и сохранению информации как актуального, так и мемориального характера (т. е. утратившей непосредственную социальную актуальность и функциональность, сохраняемую в виде материальных памятников, текстов, специальных мемориальных сооружений и в иных формах) и организации доступа к ней заинтересованных лиц. Системный характер этого уровня функционирования культурной семантики иллюстрируется классическим примером вербального языка как наиболее характерного аналога рассматриваемого явления.

Третий уровень исследований и обобщений – культурология семантических форм. В принципе все культурные формы, хотя и в разной мере, обладают семантическими параметрами. Это одно из имманентных свойств любой формы, определяющих ее «культурность». Любая вещь, созданная руками человека, любой человеческий поступок, форма социальной организации или акт взаимодействия, помимо чисто утилитарной функции, обладают чертами знака, во-первых, маркирующего саму эту функцию, во-вторых, информирующего окружающих о множестве атрибутивных параметров данного объекта (или процесса). В этом ракурсе любое культурное явление или событие может быть прочитано как своеобразный текст, несущий определенные социально значимые смыслы. Благодаря этому археологи и могут атрибутировать свои находки, будь то уникальное произведение искусства или ремесла или же элементарные черепки от типовой посуды.

С учетом этой неперенной семантической любой культурной формы членение объектов культуры на материальные и духовные в принципе утрачивает смысл. Во всяком случае, в рамках культурологических методологий такое членение совершенно не эвристично, не позволяет исследователю узнать о культуре что-либо новое. Другое дело, что существует целый пласт культурных форм, семантическая функция которых является основной (например, слова языка, художественные произведения, религиозные обряды и др.). Однако и семантические признаки здесь овеществлены и реализованы в деятельности исполнителей как вполне материальные феномены. Нередко объективно определить доминантную функцию утилитарного или семантического начал в той или иной культурной форме практически невозможно. Как, к примеру, развести материальное (утилитарное) и духовное (семантическое) в архитектуре? Теория семантики культурных форм в равной мере обращена как к формам с преобладающей семантической функцией, так и к тем, в которых преобладает утилитарная или обе функции примерно равнозначны.

В соответствии с обозначенным ранее определением культурной формы как новационного образца для последующего вариативного воспроизводства в артефактах культуры вопрос об объекте исследований семантики культурных форм рассматривается в том же ключе. Речь идет о семантических свойствах не реальных конкретно-исторических объектов (артефактов), а именно о новационных образцах, впервые (в данном сообществе или в данной культурной системе, конфигурации) воплощающих тот или иной семантический образ, задающих принцип (модель) решения той или иной семантической задачи (то есть способ символизации некоего смысла, идеи, ценности). Последующее существование такого семантического образа в данной локальной культуре может длиться бесконечно долго и воплощаться в сколь угодно большом числе исторических артефактов. Однако в основе всех их, так или иначе, будет лежать некоторый первоначальный образец – культурная форма и ее символически обозначаемые параметры (семантемы).

Среди основных объектов исследовательского внимания, связанных с изучением семантики культурных форм, можно назвать:

– исторический генезис семантики той или иной формы и ее внедрение в социальную практику; семантическую генетику (родство с иными формами);

- социальную и идейную функциональность этой семантемы;
- герменевтику (специально закодированные или просто забытые со временем смысловые пласты, символизируемые идеи и пр.);
- место в различных культурных подсистемах (по существу, ее полифункциональность и полисемантичесность, порождаемые тем, что большинство культурных форм обычно включено одновременно в несколько культурных подсистем – социальных, этнических, политических, конфессиональных и других, выполняя при этом весьма различающиеся утилитарные и символические функции);
- масштабы и порядок практического использования данной семантемы в той или иной культурной подсистеме;
- особенности процессов диффузии (заимствования) и наследования (в качестве традиции), характерные для этой формы;
- историческую и семантическую изменчивость (эволюцию, как формальных черт, так и смысловых параметров) вплоть до утраты первоначальных функций (деонтологизация) и смысла (десемантизация) этой формы и т. п.

Четвертый уровень исследований и обобщений в области культурной семантики может быть назван культурологией индивидуализирующей маркировки объектов. В данном случае речь идет об индивидуализирующих тот или иной культурный артефакт семантических признаках. Очевидно, что семантика любого культурного объекта может быть разделена на несколько смысловых пластов: черты, относящиеся к общим параметрам используемой культурно-семантической системы; черты, отражающие специфику данной культурной формы (образца); черты, индивидуализирующие (маркирующие) изучаемый объект в качестве единичного артефакта, отличающие его от иных артефактов той же культурной формы в той же системе. Уникальность индивидуальных семантических признаков (маркеров) каждого культурного объекта в принципе определяется теми же причинами, что и индивидуальная функциональная специфика всякого конкретно-исторического артефакта культуры. Поэтому анализ маркирующей семантики культурных объектов относится к области преимущественно эмпирических, конкретно-исторических культурологических исследований и близок к конкретно-историческим исследованиям культурных объектов.

В целом фундаментальная культурология исследует процессы и формы интеграции и взаимодействия людей на основе их общих ценностей или, выражаясь антропологически, оснований для социальной солидарности. Подобное знание отнюдь не исчерпывает всего необходимого знания о человеке и обществе, но без него изучение человека и общества лишается одного из наиболее «цементирующих», интегрирующих коллективные формы жизни начал.

4. Прикладная культурология

Другая область культурологической науки с полным основанием может быть названа прикладной культурологией, поскольку решает задачи познания не объективных закономерностей развития культурных явлений, не описания и интерпретации событий истории культуры, а изучения и формирования принципов и технологий целенаправленного управления культурными процессами (разумеется, в пределах тех параметров, которыми можно и нужно управлять).

Ключевой проблемой прикладной культурологии является как раз решение комплекса вопросов о том, какие параметры социокультурных процессов нуждаются в прогнозировании, проектировании и управленческом регулировании, какие цели при этом должны преследоваться, какие методы и средства употребляться, какие типы объектов культуры и куль-

турных процессов должны избираться в качестве управляемых, на каком уровне и на какой стадии должно осуществляться это управление.

С точки зрения решения всех этих вопросов прикладная культурология органично делится на два самостоятельных научных направления: проблематику институциональных социокультурных взаимодействий и проблематику внеинституциональных социокультурных взаимодействий. При этом первое направление осуществляется в рамках любых организационных структур (государственных, общественных, частных), основная цель деятельности которых – производство особого рода «текстов» (как в вербальной, так и в невербальной форме) нормативно-ценностного характера и организаций, выявляющих, изучающих, накапливающих, реставрирующих и обеспечивающих доступ потребителя к ним, осуществляющих учебные, просветительские и воспитательные мероприятия по усвоению людьми этих «текстов». Под внеинституциональными взаимодействиями имеются в виду инициативное межличностное взаимодействие частных лиц (не регулируемое специально), преследующее цели взаимоинформирования и обмена мнением по поводу тех же нормативно-ценностных «текстов», взаимообучение адекватному поведению в соответствии с регулятивными установками этих «текстов» и т. п. При этом подобный информационный обмен между людьми в целевом и содержательном отношении не является технологическим в рамках их профессиональной деятельности.

Границы между институциональными и внеинституциональными культурными процессами очень условны, так же как и перечень структур, которые можно отнести к культурным институтам. Например, в рамках классического определения культурного института как организации, производящей, транслирующей или сохраняющей культурные «тексты», наиболее типичными институтами являются различные религиозные структуры, научные учреждения, а также все типы учебных заведений. Однако в силу исторически сложившихся традиций ведомственного разделения религия в нашем обществе не относится к отрасли культуры (впрочем, и сама церковная иерархия навряд ли согласится с таким отнесением) и поэтому в зону рассмотрения культурных институтов не попадает. Что же касается научных и учебных заведений, то по тем же самым административно-ведомственным причинам я вынужден ограничиться в своем анализе лишь теми, которые занимаются научными исследованиями и подготовкой специалистов непосредственно в области культуры, в ее узковедомственном, административном смысле – в области художественной культуры, библиотечного и музейно-выставочного дела, охраны и реставрации культурно-исторического наследия, а также культурно-досуговой, массово-просветительской, клубной, зрелищной и художественно-самодеятельной сферы.

В действительности номенклатура культурных институтов общества намного шире. Сюда входят и упоминавшиеся религиозные конфессии, и организации (включая нетрадиционные), быть может, более всех иных занятые распространением ценностно-нормативных установок; и многочисленные государственные учреждения и подразделения политико-идеологического и законотворческого профиля (например, идеологические отделы в бывшей КПСС и политорганы в армии были типичными культурными институтами узкопрофильной направленности); и разнообразные общественные организации – от политических партий до профессиональных союзов, клубов и кружков по интересам; воспитательные, просветительские и образовательные заведения; средства массовой информации, издательства и иные культурно-коммуникативные органы; учреждения по функционально-эстетической организации среды обитания людей (архитектурно-градостроительные, дизайнерские и пр.); рекламные и туристические структуры; вся система спортивного воспитания и профессионального спорта (физическая культура, культура тела, здоровья, красоты, как и эротическая культура, всегда были существенными составляющими культурной жизни человека в целом). Определенной «сверхзадачей» функционирова-

ния как культурных институтов, так и внеинституциональных социокультурных контактов являются создание системы «текстов», регулирующих сознание и поведение людей в соответствии с ценностными установками общества, а также разработка методики правильного и эффективного использования подобных «текстов», порой манипулирования сознанием и поведением людей. В целом к культурным институтам можно отнести все многообразие организаций, которые стимулируют и мотивируют добровольное социально-адекватное поведение людей. Разумеется, на внеинституциональном уровне постановка и решение такого рода задач имеют латентный характер.

Рассмотрим проблематику культурологии институциональных и внеинституциональных социокультурных взаимодействий, тоже разделив ее на уровни. Но здесь сложность заключается в том, что в обоих названных случаях их уровни не коррелируют между собой, поэтому они отражены в разных таблицах. Начнем с культурологии институциональных социокультурных взаимодействий.

Таблица 4. Уровни институциональных социокультурных взаимодействий

Теория и методика институциональных социокультурных взаимодействий
Теория культурной политики
Теория и методика институциональных социокультурных взаимодействий
Теория культурной политики
Теория и методика деятельности культурных институтов
Институциональные аспекты обыденной и массовой культуры

Проработкой решений в области институциональных взаимодействий на теоретическом уровне призваны заниматься теория и методика институциональных социокультурных взаимодействий. Здесь исследуются наиболее общие теоретические и методические вопросы формальных взаимодействий различных институциональных систем между собой. Например, взаимосоотнесенность и принципы взаимодействия между системами культуры и образования, культуры и науки, культуры и массовой информации в рамках актуальных политических целеустановок государства. Взаимосоотнесенность и взаимодействие различных отраслей, курируемых Министерством культуры Российской Федерации, скажем, актуального искусства и системы охраны культурного наследия. В эту сферу попадает и международное культурное сотрудничество, рассматриваемое на уровне наиболее общих его принципов. Это первый уровень наиболее общих проблем данной области знаний.

Второй уровень здесь, безусловно, – общая теория культурной политики. Именно на этом уровне должны разрабатываться базовые параметры иерархии социокультурных ценностных ориентиров общества, система приоритетов его социального бытия, социокультурные нормы взаимодействия между основными государственными, общественными институтами и личностью. Здесь же формулируются социокультурные основания и конкретные цели деятельности собственно культурных институтов, продумывается стратегия поддержки социально-стратифицированных образов жизни разных групп населения, ведется мониторинг динамики социокультурных запросов основных социальных и профессиональных групп, намечаются основные ориентиры национальной и религиозной политики, национально-государственной идеологии, соотносятся принципы культурной политики с параметрами социальной, экономической, научной и образовательной политики, а также решаются

иные вопросы соответствующего масштаба. Одновременно должна определяться методология, на основании которой будет происходить практическая реализация всех этих целей.

Совершенно ясно, что разработчиком культурной политики должно быть не только Министерство культуры РФ, а весь комплекс высших органов государственной власти при постоянной консультативной и экспертной поддержке со стороны научных организаций, художественной и вузовской общественности, СМИ и т. п. Выработка основных ориентиров культурной политики, в конечном счете, – это забота всего общества; культурная политика рождается как отклик на комплекс объективных потребностей общества в тех или иных ценностных принципах и установлениях. Функции научных подразделений, занимающихся этими вопросами, заключаются в сборе, обобщении и систематизации «социального заказа», а также в представлении его властным органам в качестве научно обоснованного прогноза, касающегося основных принципов и направлений культурной политики в стране.

Культурная политика – это совокупность идеологических принципов и практических мер, осуществляемых через образование, просветительские, досуговые, научные, религиозные, творческие, издательские, коммуникационные, социально-организационные и иные государственные и общественные институты по всесторонней и углубленной социализации и инкультурации населения. Подчеркиваю: цель культурной политики – не «всестороннее развитие культуры» (оно происходит стихийно, без какого-либо государственного вмешательства), а систематизация и регулирование процессов социализации и инкультурации людей, мотивации их добровольного социально адекватного поведения. То, что в социологии называется – социальный контроль, только в данном случае осуществляемый не средствами насилия (как это делается в «политической» политике), а путем апелляции к ценностным ориентациям людей. Объект культурной политики – человек, а культура – лишь средство (точнее, одно из основных средств) обеспечения социальной адекватности его сознания и поведения в обществе.

Третий уровень прикладной культурологии этого направления может быть назван теорией и методикой деятельности культурных институтов. Функцией культурных институтов является реализация той самой культурной политики по социализации и инкультурации человеческой личности, проводимой целенаправленным и систематическим образом в разнообразных формах воздействия на индивида и устойчивые социальные группы населения.

Подведомственные Министерству культуры РФ, региональным и муниципальным органам власти культурные институты могут быть сгруппированы по функциональному признаку в несколько подсистем.

Во-первых, институты по непосредственной социокультурной работе с населением, в числе которых можно выделить:

– *институты просвещенческого профиля* (библиотеки, музеи, выставки, мемориальные сооружения и комплексы нехудожественного плана, организации просветительно-лекционного жанра и т. п.);

– *институты эстетического воспитания* (художественные музеи и выставки, концертные организации, кинопрокат, структуры по проведению различных художественно-зрелищных мероприятий и пр.);

– *культурно-досуговые институты* (клубы, дворцы культуры, детские досуговые учреждения, структуры самодеятельного художественного, декоративно-прикладного и иного творчества и т. п.). Во-вторых, творческие институты (театры, студии, оркестры, ансамбли, съемочные группы, художественно-производственные мастерские и иного рода художественные коллективы, творческие союзы, объединения и организации художественно-творческого профиля).

В-третьих, культуроохранные институты (органы по учету, охране и использованию памятников культурно-исторического наследия, реставрационные мастерские и т. п.).

При этом многие культурные институты сочетают в себе несколько функций. Так, музей является одновременно и культуроохранным, и реставрационным, и просветительским учреждением, а театр – и творческим, и зрелищным институтом. Разумеется, усилиями только перечисленных типов культурных институтов невозможно решить задачу социализации и инкультурации личности. Поэтому эффективность культурной политики в значительной мере зависит от ее межотраслевого характера и скоординированности работы различных управленческих структур (культуры, науки, образования, архитектуры, печати, телевидения и радио, федеральных и особенно муниципальных органов власти и т. п.).

Что касается задач культурологической науки, связанных с проблемами деятельности культурных институтов перечисленных типов, то среди основных можно назвать: разработку общих социальных и методологических оснований работы культурных институтов в современных условиях; уточнение социальных функций, целей и задач их деятельности; разработку современных методов и технологий институциональной социокультурной работы, межотраслевого и внутриотраслевого взаимодействия разнопрофильных культурных институтов, специализированных методик социокультурной работы с особыми группами населения (инвалидами, заключенными и освободившимися, ветеранами, лицами с отклоняющимся поведением и т. п.).

Другой профиль культурологических исследований по проблемам социокультурной деятельности на уровне институтов связан с вопросами подготовки профессиональных кадров для работы в сфере культуры. Здесь следует отметить два основных направления: подготовку кадров для художественной деятельности (непосредственно творческой – художников, музыкантов, актеров, танцоров, театральных и кинорежиссеров и пр.; художественно-теоретической – критиков, историков и теоретиков искусства, исследователей-фольклористов и пр.; вспомогательной – технических работников театров, киностудий, телевидения, художественных менеджеров, аукционеров и др.; преподавателей и руководителей для сферы художественной самодеятельности) и подготовку кадров для работы в учреждениях культуры нехудожественного профиля (библиотечных, музейных, клубных работников, постановщиков зрелищных мероприятий, социальных педагогов и т. п.) и преподавателей многочисленных художественных и нехудожественных дисциплин для учебных заведений отрасли.

Задачи культурологической науки по отношению к образовательной сфере аналогичны описанным в предыдущем блоке: мониторинг «социального заказа» на число, структуру рабочих мест и особенности квалификации специалистов в области культуры; разработка оснований и принципов целостной политики в области художественного и культурно-просветительского образования; уточнение целей и задач этого образования; выстраивание баланса между общегуманитарным, общеспециальным и специализированным компонентами образования в сфере культуры; разработка социально обоснованных концепций содержания образования этого типа; разработка образовательных методологий, методик и учебно-методической литературы по различным дисциплинам в области культуры и искусства.

Четвертый уровень культурологических исследований институционального направления относится к проблемам институциональных аспектов обыденной и массовой культуры.

Фактология обыденной народной культуры считается неплохо изученной этнографами, отмечающими абсолютное преобладание в ней явлений конвенционального порядка. Однако ряд феноменов этого культурного пласта может рассматриваться и как институциональный. К такого рода феноменам относятся: некоторые социальные обряды, имеющие религиозное происхождение и продолжающиеся осуществляться нередко под руководством священников по традиционным сценариям (свадьбы, похороны и т. п.); политические митинги и манифестации, демонстрации и иные идеологические мероприятия, обычно также проводимые под чьим-то институциональным руководством; художественная само-

деятельность, которой, как правило, тоже руководят профессионалы, и некоторые другие. Изучение и систематизация этих феноменов, поиск культурно-антропологических объяснений специфики их форм в недрах обыденной культуры людей, думается, имеют широкие научные перспективы.

Не менее интересный объект изучения – массовая культура. Согласно современным культурологическим представлениям, этот феномен занимает промежуточное положение между специализированными (профессиональными) формами деятельности и обыденной (неспециализированной) культурой населения. При этом социальная функция массовой культуры видится прежде всего в роли своеобразного адаптатора, «переводчика» явлений специализированной культуры на язык обыденного восприятия.

Таким образом, несмотря на обилие и разнообразие культурных институтов в обществе, проблема научной проработки социально-функциональных оснований и целей их деятельности, разработки целостной программы ценностно-нормативной регуляции жизнедеятельности общества, комплексной межотраслевой культурной политики еще весьма далека от удовлетворительного решения. И поле деятельности специалистов-культурологов по этим проблемам представляется необъятным.

Другим направлением прикладной культурологии является культурология внеинституциональных социокультурных взаимодействий. Изучение этого проблемного поля также можно развести на четыре уровня.

Таблица 5. Уровни внеинституциональных социокультурных взаимодействий

Теория и методика внеинституциональных социокультурных взаимодействий
Теория неформальных социокультурных взаимодействий между социальными группами
Культурология взаимодействий между личностью и референтными группами
Культурология индивидуальных межличностных взаимодействий

Наиболее капитальным уровнем этой сферы видятся теория и методика внеинституциональных социокультурных взаимодействий. Здесь исследователю приходится иметь дело не с политическими, образовательными, художественными и иными социокультурными институтами, а с плохо систематизируемыми и слабо формализуемыми по своему характеру межгрупповыми и межличностными социокультурными контактами и взаимодействиями различного уровня интенсивности. Впрочем, эти недостатки вовсе не свидетельствуют о низкой эффективности. Любой родитель хорошо знает, сколь эффективным может быть воздействие на ребенка со стороны «дворовой компании» – одной из наиболее типичных внеинституциональных социокультурных ячеек взаимодействия. По существу, эта сфера служит не столько зоной собственно культурологических исследований, сколько площадкой применения социологических, психологических и педагогических концепций, теорий, методологий и методик при изучении проблем, имеющих важное социокультурное содержание.

Уровень теории неформальных социокультурных взаимодействий между социальными группами связан с социологическими теориями социальных сетей и их ячеек (семей, служебных или учебных подразделений, компаний по интересам и т. п.) и иных малых социальных групп (устойчивых коллективов людей, находящихся в непосредственном личном знакомстве и постоянном коммуницировании друг с другом), с общей теорией социальной

коммуникации, теорией «референтных групп», с проблемами типологизации видов групповых интересов, элитных групп, лидерства и т. п.

Культурологический аспект этого круга проблем связан с изучением механизмов формирования и функционирования в такого рода группах общих и специфических ценностно-нормативных установок, обусловленности их характеристик самой типологией этих групп и поиском принципов и методов, по меньшей мере, опосредованного регулятивного влияния на социально-ценностную направленность установок подобных групп.

Третий уровень – культурология взаимодействий между личностью и референтными группами – по сути «развертывание» теорий и концепций вышеописанного уровня в плоскости их практической методологии и технологии, выявление наиболее типичных, матричных или – переводя проблему на язык культурологических категорий – паттерных (образцовых) ситуаций, рассмотрение этих проблем в ракурсе методик групповой психологии и педагогики.

Четвертый уровень – культурология индивидуальных межличностных взаимодействий рассматривает те же проблемы на еще более низком уровне выработки индивидуальных форм психологически комфортного межличностного общения, поиска общих интересов (прежде всего экстраутилитарных), совпадений во взглядах, оценках, интерпретациях (что изучается преимущественно в парадигмах социально-психологических концепций).

Таким образом, прикладная культурология – это наука, находящаяся на стыке фундаментальной культурологии с политологией, юриспруденцией, прикладной социологией, психологией, педагогикой и стремящаяся использовать их методики и технологии по практическому воздействию на сознание и поведение людей в интересах регулирования культурно-ценностных установок последних.

* * *

В завершение этой главы следует сказать, что предложенная схема структурирования культурологического знания во многом носит идеальный характер, хотя и учитывает исторически сложившуюся структуру отечественной культурологической науки. Вместе с тем культурология, несомненно, будет структурно развиваться. В числе наиболее перспективных содержательных направлений можно выделить: теорию культурного наследия, остро необходимую современной культуuroохранной практике государства, теорию трансляции социального опыта, которая может сыграть значимую роль в развитии педагогических и воспитательных концепций, теорию социокультурного воспроизводства нации, актуальность которой усиливают процессы глобализации, так или иначе «размывающие» устойчивость национальной культурной традиции.

Из вышесказанного более или менее очевидно, что одной из ключевых категорий культуры как социальной системы является понятие «культурный текст», носителем смыслов и содержаний которого, воплощенных в той или иной форме (на том или ином языке), в конечном счете, может являться практически любой социально значимый и культурно обусловленный поступок или продукт (результат) предметно-материальной, интеллектуальной, художественной или социальной (организационной или регулятивной) деятельности человека (в оптимальном случае – записанный словами естественного языка с помощью того или иного шрифта). Людями, умеющими читать эти тексты, расшифровывать их смысловую наполненность в сложных «ребусах» культурных форм, являются культурологи. Это умение понимать культуру прошлого и предвидеть культуру будущего может (и должно) быть использовано для проведения экспертизы любых проектов социального развития для определения их наиболее вероятных социокультурных последствий.

Культурология как образование: проблема формирования культурной компетентности личности

Какими бы высокими словами мы ни пытались обозначить задачи образования по трансляции общих и специализированных знаний, воспроизводству культуры и ее базовых ценностей и традиций, нам неизбежно придется признать, что образование прежде всего воспроизводит существующий общественный порядок, подготавливая социализированных, компетентных и по возможности лояльных участников коллективной жизни, соблюдающих нормы, правила и законы, принятые в данном обществе. Разумеется, в разных сообществах складываются разные критерии лояльности. Тем не менее, трудно представить себе настолько плюралистичную общественную систему, где бы действовали учебные заведения, легально готовящие нарушителей и ниспровергателей господствующих в данном государстве порядков. Сколь бы образование ни было деидеологизированным, оно так или иначе не может быть полностью изолированным от решения задач социального воспитания личности, более или менее адаптированной к действующим нормам общественного порядка.

На признании самоценности феномена социального порядка как одной из определяющих сторон культуры всякого сообщества строится современное культурологическое понимание места элиты в системе социальных страт. Элита – это группа, не только наиболее обеспеченная, образованная, утонченная, имеющая приоритетный доступ к комплексу социальных благ, но главным образом выполняющая функцию поддержания и воспроизводства существующего общественного порядка и связанной с ним системы культурных норм, регулирующих поведение и сознание людей. Хочу подчеркнуть, что эта функция элиты не только политическая, но в такой же мере и культурная, хотя сама элита нередко является лишь ее социальным заказчиком, а интеллигенция – исполнителем. С этой точки зрения показательно, что интеллигенция, будучи непосредственным производителем и транслятором культурных текстов, эталонных для данной общественной системы, сама в категорию правящей элиты, как правило, не вписывается. Во всяком случае, мне, как историку, не приходилось слышать об обществах, где социальные порядки диктовались бы интеллигенцией как практически функционирующей элитой.

Таким образом, добровольно, за плату или под угрозой репрессий интеллигенция создает эталонные для данного общественного порядка культурные тексты, манифестирующие и систематизирующие то, что он (порядок) хочет от людей. Разумеется, речь идет не о «грубых» пожеланиях власти, вводимых методами насилия, но о добровольном соглашении между личностью и властью, обещающей человеку безопасность, гарантированность прав, расширение доступа к материальным и духовным благам как вознаграждение за политическую лояльность и социальную адекватность. Подобная политика по отношению к согражданам свойственна не одним лишь тоталитарным режимам, а любой сколь угодно вменяемой власти (уровень вменяемости которой как раз измеряется ее способностью сводить до минимума масштабы услуг полиции, компенсируя это расширением услуг интеллигенции и действенностью создаваемых ею культурных текстов).

Сами культурные тексты при этом могут относиться к различным жанрам, будучи религиозными, философскими, научными, художественными, публицистическими. Одним из наиболее эффективных комплексов такого рода текстов, работающих на воспроизводство актуального общественного порядка, является образование. Напомню, что в числе основных задач, решаемых общим образованием, можно перечислить:

– *просвещение учащихся*, усвоение ими наиболее общих научных знаний о природе, человеке, обществе, основных языках и кодах социальной коммуникации, обобщенного исторического социального опыта людей;

– *формирование мировоззренческих установок учащихся*, их взглядов на сущность природы, человека и общества, а также на системный характер их взаимодействия;

– *социализацию учащихся*, ознакомление их с основными принципами осуществления социального взаимодействия, разделения общественного труда, социально-функциональными ролями человека и способами его вхождения в общественную практику;

– *инкультурацию учащихся*, введение их в систему основных ценностно-смысловых и нормативно-регулятивных установок культуры, критериев оценок и принципов отбора социально приемлемых форм и способов осуществления деятельности, принятых в обществе проживания, в систему действующих языков культуры и социальной коммуникации;

– *развитие креативных способностей учащихся*, умений решать нестандартные задачи и приращивать новые знания в дополнение к уже имеющимся.

Что касается профессионального образования, то его общеобразовательная составляющая в принципе преследует аналогичные цели, только решаемые на более высоком интеллектуальном уровне, как правило, привязанном к особенностям осваиваемой специальности.

Если суммировать все сказанное с точки зрения самого социокультурного знания, то эти задачи в сферах как общего, так и специального образования могут быть определены как изучение:

– исторических и современных форм социальной организации, регуляции и коллективной самоидентификации людей в любых срезах их совместной жизнедеятельности (специализированной и обыденной практики);

– исторических и современных форм и средств социальной коммуникации (как общего, так и специального профиля), а также средств накопления, аккумуляции и трансляции социального опыта;

– основных способов познания реальной или воображаемой действительности и опыта интерпретации этого знания;

– основных ценностно-смысловых значений, оценочных критериев и иерархий, принципов нормирования технологий и продуктов (результатов) любой человеческой деятельности;

– вопросов социокультурного становления, самоидентификации, интеллектуальной и деятельностной самоорганизации человеческой личности, проблем творчества, культурной инноватики и т. п., а также некоторые иные задачи.

Перечисленные вопросы входят в систему знаний о любой сфере как специализированной, так и обыденной деятельности людей, а в областях знаний философского, социального, гуманитарного и художественного профилей составляют основу содержания соответствующих учебных дисциплин и направлений.

Таким образом, в отличие от естественно-научного и технического знания социокультурное знание сконцентрировано не столько на объекте, предмете и технологии социальной практики и познания, сколько на их субъекте – человеке, исследуя мотивационные, социально-организационные, регулятивные, информационно-коммуникативные и инновативотворческие аспекты, а также интерпретативно-оценочные критерии его деятельности, что в целом аккумулируется в совокупном социальном опыте людей, составляющем основу их культуры.

Одним из важнейших направлений повышения эффективности при решении перечисленных задач образования является его культурологизация, т. е. введение элементов систематизированного культурологического знания во все сегменты как общего, так и специального образования, а также подготовка специалистов-культурологов, ориентированных на решение соответствующих образовательных задач.

Хотя содержание общего образования формируется путем сочетания многих предметных областей, на самом деле по совокупности речь идет о комплексном обучении человека самой обычной и одновременно самой экзотической из всех специальностей – профессии полноценного члена общества. Подобный комплекс систематических знаний и представлений, умений и навыков, традиций и ценностных ориентаций может быть назван системой культурной компетентности личности.

Это понятие означает прежде всего ту условно достаточную степень социализированности и инкультурированности индивида в обществе, которая позволяет ему свободно понимать, использовать и вариативно интерпретировать всю сумму обыденных (неспециализированных) знаний, а отчасти и специализированных, но вошедших в обыденный обиход, составляющих норму общесоциальной эрудированности человека в данной среде, сумму правил, образцов, законов, обычаев, запретов, этикетных установок и иных регулятивов поведения, вербальных и невербальных языков коммуницирования, систему общепринятых символов, мировоззренческих оснований, идеологических и ценностных ориентаций, непосредственных оценок, социальных и мифологических иерархий и т. п. Культурная компетентность личности может быть охарактеризована и как определенного рода утонченность параметров ее социальной адекватности, как идеальная форма ее проявления.

В этом сложном феномене можно выделить по крайней мере четыре структурные составляющие:

– *компетентность по отношению к институциональным нормам социальной организации* – основным социальным институтам, экономическим, политическим, правовым и конфессиональным структурам, учреждениям, установлениям и иерархиям; этот уровень компетентности обеспечивается в основном специализированными учебными дисциплинами общеобразовательного цикла – экономикой, политологией, правоведением, обществоведением;

– *компетентность по отношению к конвенциональным нормам социальной и культурной регуляции* – национальным и сословным традициям, господствующей морали, ценностям, нравственности, мировоззрению, оценочным критериям, нормам этикета, обычаям, обрядам, обыденной эрудиции в социальных и гуманитарных знаниях, что обеспечивается в учебном процессе в основном такими дисциплинами, как история, философия, социология, этнология, искусствоведение, этика, эстетика и др.;

– *компетентность по отношению к кратковременным, но остроактуальным образцам социальной престижности* – моде, имиджу, стилю, символам, регалиям, социальным статусам, интеллектуальным и эстетическим течениям и пр.; обучение компетентности такого рода, как правило, растворено в элементах многих гуманитарных дисциплин, но может быть обеспечено и специальными факультативными курсами;

– *компетентность, выраженная в уровне полноты и свободы владения языками социальной коммуникации* – естественным разговорным (устным и письменным), специальными языками и социальными (профессиональными) жаргонами, языками принятых в данном обществе этикета и церемониала, политической, религиозной, социальной и этнографической символикой, семантикой атрибутики престижности, социальной маркировки и пр.; знания в этой области учащимся дают прежде всего дисциплины лингво-филологического и исторического циклов.

Разумеется, существенную часть элементов такого рода культурной компетентности человек усваивает и осваивает еще с детства и постоянно корректирует ее в ходе общения со своим окружением на протяжении всей жизни. В формировании представлений человека о правилах бытового общежития и нормах социального взаимодействия с другими людьми решающую роль играют навыки, полученные еще в процессе воспитания в семье; социальную, историческую и художественную фактуру, в которой эти правила воплощаются и выра-

жаются, человек изучает главным образом в средней школе, вычитывает в художественной, философской и иной литературе, усваивает из произведений искусства, получает по каналам СМИ и т. п. По существу, почти все смысловое наполнение сказок и назидательных поучений для детей, содержание уроков истории, литературы и других гуманитарных предметов в школе, точно так же как и основное содержание большинства религиозных учений и существенная часть философии, посвящены описанию поучительных примеров правильного и предпочтительного социального поведения и отношения к людям (это называется добром) и неправильного, осуждаемого поведения (называемого злом).

Совершенно очевидно, что содержание образования и черты выстраиваемой культурной компетентности человека должны соответствовать социокультурному типу данного общества и воспроизводить личность, более или менее модальную для этого типа. При этом одной из самых сложных задач для системы образования являются не столько эффективность методики и сложность организационных форм собственно обучения, сколько адекватное понимание наиболее существенных типологических признаков и черт той культурно-ценностной системы, которая реально доминирует в обществе, заказывается правящей элитой и должна реализовываться в социальной практике. Иначе говоря, проблема образования состоит не в методе обучения, а в той культурной типологии, которую оно должно воспроизводить.

Среди множества оснований, выделяемых современной наукой для построения исторических культурных типологий, мне представляется весьма эвристичной классификация, базирующаяся на типе социальной солидарности (или консолидации) и соответствующих ему основаниях социокультурной идентичности человека, характерных для того или иного общества. Например, это кровнородственная или территориально-соседская солидарность в архаическую эпоху, преимущественно сословные и политико-религиозные принципы социальной консолидации и самоопределения людей в аграрных цивилизациях, для буржуазных индустриальных обществ наиболее характерна солидарность и идентичность, ориентированные на этнонациональные политико-экономические интересы, а для современного постиндустриального общества – солидарность, основанная, как я полагаю, на разных степенях свободы социальной самореализации. В конечном счете, всякая устойчиво воспроизводимая система общественного порядка – это и есть тип социальной солидарности, реализуемый в данном обществе. Более того, я считаю вполне корректным определение культуры в целом как системы нормативных конвенций, обслуживающих тот или иной тип социальной солидарности людей. Разумеется, это далеко не единственная возможная дефиниция культуры; просто в данном случае речь идет именно об этой ее социальной функции.

Таким образом, перед отечественным образованием встает очень сложная задача определения того, какого рода культурная компетентность требуется ныне живущим и следующим за нами поколениям русских людей, то есть какой социокультурный тип общества с соответствующими параметрами социальной солидарности и личностной идентичности наше образование должно обеспечивать.

В современных развитых обществах, называемых постиндустриальными, в последние десятилетия просматривается тенденция к определенной эволюции социокультурной типологии, в том числе по параметрам оснований социальной солидарности, социокультурной идентичности и статусных характеристик личности. Эта тенденция обычно характеризуется как транслокальная, направленная на преодоление исторической инерции солидарности конфронтационного типа (то есть когда «наши» выявляются только через оппозицию к «не нашим»), стремящаяся к мультикультурному синтезу различных культурных установок, в том числе Запада и Востока, высоких технологий и архаических традиций, разнообразных информационных кодов, культурных языков и т. п. Одной из важнейших черт этой тенденции является поиск технологий так называемых «мягких социальных взаимодей-

ствий», выражающихся во всемерном развитии систем социального участия, общественных связей, политкорректности, социально-культурной и социально-психологической реабилитации людей, испытывающих трудности в общении, а также того направления образовательно-воспитательной деятельности, которое в нашей стране получило название социальной педагогики. Отчасти с этой направленностью корректировки социальных отношений связано и всеобщее увлечение психоанализом, стремлением людей снять свою подсознательную склонность к агрессии не средствами уличного хулиганства, а с помощью специалистов-психологов. Основания для общественной консолидации при этом просматриваются преимущественно как экономико-социальные, базирующиеся на избыточном производстве различных социальных благ, что теоретически должно снимать проблему социальной конкуренции (как при коммунизме) и объединять людей в возрастающей динамике потребления этих благ (как при капитализме). На практике, конечно, до подобной социальной идиллии еще далеко, а вот проблема понижения культурной конфронтации и напряженности в развитых обществах, становящихся все более многонациональными, судя по всему, начинает сдвигаться с «мертвой точки».

Одновременно с этими теоретическими основаниями в постиндустриальном мире наблюдается стихийная тенденция социальной консолидации людей, объединенных общим стремлением к тому или иному уровню свободы в возможностях социальной самореализации. Представляется, что это не политическое, а именно социокультурное основание для консолидации, поскольку за этим стоят ценностные установки: людям более традиционных культурно-ценностных ориентаций требуется меньше свободы в допустимых формах самореализации, люди, менее скованные традициями, ищут большей свободы. Так формируются течения фундаменталистов и авангардистов, ориентированных на разные культурно-ценностные иерархии.

Другим важнейшим условием для становления новой социокультурной идентичности гражданина современного общества является понижение социальной значимости традиционных статусных маркеров личности, таких, как сословное происхождение, национальность, раса, вероисповедание. Эти признаки, ранее игравшие большую роль в формировании социального положения и определении ролевых функций человека, постепенно вытесняются в нишу сугубо частных личностных проявлений, вкусов и пристрастий, в то время как основными статусообразующими характеристиками личности становятся параметры ее профессионализма: образованность, специализированность, квалификация, актуальность профессии и динамика должностного роста. Отсюда основными составляющими социокультурной компетентности человека в подобном обществе становятся не столько знания классических образцов гуманитарной культуры (это знание постепенно вытесняется из области общей эрудиции личности также в зону сугубо профессиональной компетентности), сколько психологическая мобильность и коммуникабельность индивида, его социальная адаптация и культурная толерантность. Хочется подчеркнуть, что перечисленные характеристики вовсе не отменяют функционирования более традиционных черт культурной компетентности; последние просто понизили уровень своей общесоциальной значимости, оказались оттесненными преимущественно в сферу частных межличностных отношений между людьми. Дети традиционной книжной культуры постепенно вытесняются из мира делового общения детьми актуальной экранной культуры и концентрируются в основном в мире частного (досугового) общения.

Разумеется, современная Россия еще очень далека от такого уровня социокультурной трансформации. Сегодня мы фактически вернулись к решению задач середины XIX века: формированию устойчивой национальной политико-экономической системы. Отсюда и актуальные параметры личностной культурной компетентности современных русских людей, которые должна закладывать образовательная система, в принципе близки

к эпохе становления буржуазных наций. Вопрос в том, кто и как это будет делать: национал-патриоты (вне зависимости от цвета их знамен) или люди, отдающие себе отчет в том, что культура – это одно из универсальных оснований для массового насилия? Ведь история свидетельствует: путь от защиты национальной самобытности культуры до открытия Освенцима и Дахау на самом деле очень короток. Йозеф Геббельс тоже начинал с культуртрегерства.

Актуализацией всех этих проблем и была порождена в нашей стране новая профессия культуролога – специалиста по грамотному, научно обоснованному выявлению и интерпретации национально-культурных особенностей нашего исторического и современного бытия; создателя и воспитателя новой, соответствующей историческим реалиям культурной компетентности наших сограждан, в которой по возможности должна сочетаться органичная толерантность к иным культурам с чувством национального культурного достоинства, но только с акцентом не на конфронтацию, а на консолидацию со всем человечеством.

Разумеется, социокультурная идентичность личности и ее культурная адекватность обществу формируются не только средствами образования, но и средствами воспитания, всем комплексом культурных традиций, социальными и политико-экономическими условиями жизни, многообразием социальных коммуникаций с семьей, родственниками, друзьями, коллегами, соседями и т. п.

В числе такого рода составляющих социальной идентичности современного человека важное место занимают представления и ощущения, связанные с его чувством общности и солидарности со своим народом, любовью и интересом к национальной истории и культуре, литературе и искусству, психологическим комфортом при пользовании родным языком и привычными мировоззренческими, поведенческими, оценочными стереотипами и иными культурными формами, эмоциональным тяготением к своей этнокультурной, социальной и религиозной среде, ее обычаям, манерам, взглядам, вкусам и ностальгией в случае недостаточности всего этого.

Этот набор образов, знаний, эмоциональных привычек и тяготений этно- и социально-культурного самоощущения складывается на протяжении всей жизни человека, однако, его самые яркие составляющие несомненно формируются в сознании и подсознании индивида еще в детско-юношеском возрасте, в процессе его воспитания и обучения. Как правило, намерения по формированию такого рода комплексов консолидирующего самосознания у учащихся более или менее откровенно декларируются в целях и содержании учебных программ по национальной истории, литературе и родному языку, географии, социологии, антропологии, религиоведению, истории искусства в большинстве стран мира. В конечном счете, образование и воспитание закладывают в сознание человека именно те особенности консолидирующего чувства, образцы поведения и мироощущения, образы и нормы солидарности и идентичности, которые наиболее актуальны на данном историческом этапе развития общества, соответствуют культурным традициям и нормам его социального воспроизводства, принципам социализации и инкультурации его членов. Безусловно, в разные периоды истории и в разных сообществах наблюдалась и различная актуальность тех или иных форм манифестации личностью ее единства и солидарности с обществом проживания, что находило соответствующее отражение в содержании образования и воспитания.

В дальнейшем при рассмотрении этого вопроса я буду использовать понятие «национальное воспитание», имея в виду не только этнический аспект слова «национальный», но в равной мере совокупность его социально-классовых, функционально-профессиональных, политико-идеологических, религиозных и иных аспектов, играющих существенную роль в формировании, поддержании и воспроизводстве социокультурного единства коллектива. Помимо того, будут рассматриваться прежде всего вопросы воспитания социокуль-

турной идентичности человека, которая (в избранном мною контексте) является наглядным проявлением доминирующего в обществе типа социальной солидарности.

В первобытную эпоху, как свидетельствует этнография, групповая идентичность человека определялась преимущественно по языку, на котором он говорил, и тотему, свидетельствовавшему о его происхождении из того или иного рода. На стадии разложения первобытного строя (эпоха «варварства») в комплексе маркеров социальной идентичности индивида постепенно начали набирать силу признаки его политической и религиозной принадлежности, т. е. добровольного членства в данном племени, подчинения его обычаям и нравам, а также ритуалам племенного религиозного культа. При этом «национально ориентированное» обучение и воспитание детей заключалось в усвоении ими языка племени, социальных и культовых обрядов и ритуалов, обычаев, нравов и этикета, мировоззренческих и ценностных установок, то есть всего комплекса черт обыденной культуры, которые принято называть этнографическими.

На следующей стадии социокультурного развития, которую можно назвать эпохой аграрных цивилизаций (по более привычной для нас формационной схеме этому периоду соответствуют рабовладение и феодализм), вопрос об этнических признаках человека не то чтобы не возникал вообще, но отличался некоторой размытостью, быть может, в силу своей незначительной актуальности в системе социальных отношений того времени. В эту эпоху социальная идентификация личности строилась преимущественно на таких параметрах, как религиозная или конфессиональная принадлежность; состояние «во владении» (в подданстве, рабстве, на службе) у того или иного государства, государя, сеньора, хозяина; сословное или кастовое происхождение; цеховая принадлежность; местность, откуда человек родом (или которая является его родовым владением); личное имя и прозвище (или родовое имя у аристократов). При этом такие важнейшие маркирующие характеристики, как язык и социальные обычаи, в большинстве сословных обществ были сравнительно малозначимы с точки зрения различения людей на «своих» и «чужих». Редкие исключения из этого правила (Китай, Греция), где совершенное владение местным языком и этикетными нормами рассматривалось как признак «цивилизованности» человека, его полноценной включенности в местную социокультурную среду, только подчеркивали преобладающую индифферентность к этим вопросам в других сообществах. Исключительная значимость политико-конфессионального аспекта в социальной идентичности человека еще больше обозначилась с утверждением универсальных мировых религий (буддизма, христианства, ислама), теоретически вообще «отменявших» какие-либо этнические различия среди своих адептов.

Роль образования в «национальном воспитании» в рассматриваемую эпоху представляется столь же размытой, как и само этническое чувство людей того времени. Во всяком случае, очень трудно представить себе монастырскую школу, средневековый университет, медресе или домашнее воспитание и обучение в крестьянской, ремесленной и даже в аристократической среде, где бы учили «быть патриотом, любить свою Родину, хранить и развивать родную культуру и национальный язык». Понятие «родина» относилось к местности или населенному пункту, откуда человек родом, и не имело национально-государственного смысла. Патриотизм был проявлением верности конкретному хозяину, сеньору, государю. Этноплеменная история народов пассивно сохранялась в фольклорных преданиях, исторических хрониках и описаниях путешественников, но, судя по всему, почти не использовалась в образовательных процессах, как малоактуальная. Лингвистическое обучение было связано по преимуществу с культовыми языками, имеющими непосредственное отношение к религиозной эрудиции обучаемого. В целом наиболее актуальным содержанием образования были смыслы, образы, организационные формы и обряды религии, приверженность которой человек наследовал от своей семьи; смыслы, этикетные формы и нормы поведе-

ния, соответствующие его сословному происхождению и статусу; профессиональные знания, навыки и умения, связанные с его будущей социальной деятельностью и ролью. Именно религиозная и социально-поведенческая, ролевая адекватность человека среде и рассматривалась прежде всего как признак вполне достаточной общей образованности. Поскольку собственно этнические характеристики культуры порождаются главным образом стихийно формирующейся общностью языка и обычаев людей, то в эпоху, предшествовавшую становлению буржуазных наций, национальных государств и идеологий, эти параметры еще не обладали жесткой нормативностью в масштабах всего этноса, а существовали преимущественно в виде местных, цеховых, кастовых и прочих вариаций некоторых общепринятых образцов, не отличались большой специфичностью в сравнении с этническими чертами культурно близких соседних народов, не были сопоставимы по своей социальной актуальности с политическими, религиозными и сословными регуляторами жизни общества и т. п. Может быть, поэтому черты как собственной, так и «чужой» этнической специфики и проблемы межэтнических отношений (в отличие от межгосударственных и межконфессиональных) в то время еще не могли быть в должной мере систематизированы и обобщены, а главное – отрефлексированы общественным сознанием настолько, чтобы стать предметом целенаправленного изучения в системе образования. Совокупность основных параметров и характеристик культурной компетентности человека в доиндустриальную эпоху сводилась главным образом к необходимой эрудированности в религиозно-обрядовых и сословно-этикетных составляющих образа жизни того или иного общества. В большинстве обществ этой эпохи органичное владение индивидом данными культурными образцами поведения автоматически придавало ему статус «своего» или по крайней мере «культурно родственного» человека.

Ситуация с «национальным воспитанием» начала меняться на рубеже Средневековья и Нового времени – с постепенным переходом на индустриальные технологии материального производства, Великими географическими открытиями, изобретением книгопечатания, Ренессансом, Реформацией, Просвещением, буржуазными революциями и т. п. Формирующийся новый тип социальной организации сообществ – тип буржуазных или индустриальных городских цивилизаций, основанных на снижении роли сословных, религиозных и иных ограничений в деятельности и более интенсивном использовании трудовых и творческих способностей людей, на условиях свободной конкуренции самореализующихся личностей, постепенном становлении всеобщей грамотности, росте объемов и динамики циркулирования информации, демократизации процедур самоуправления общества, создал и новый тип культуры – национальный. Разумеется, основой становления этого типа культуры явилось формирование наций – коллективов сограждан государств (или их экономически самодостаточных регионов с выраженной этнической спецификой), объединенных общностью интересов не только мемориального (традиционного) и актуального (производственно-дистрибутивного), но также и прогностического характера, что, как правило, связано с целеустановкой на прогресс, на политико-экономическое и социально-культурное развитие и повышение благосостояния всей нации как целостности.

Национальный тип культуры отличается от сословного принципиально более высоким уровнем унифицированности своих черт и стандартизации параметров культурной компетентности человека в обществе. Это достигается прежде всего посредством всеобщего просвещения (начального или среднего образования), внедряющего определенные национальные стандарты общей научной, социальной и гуманитарной эрудированности личности, ее «рекомендуемых» мировоззренческих установок и ценностных ориентаций. Другим важнейшим механизмом функционирования национальной культуры являются средства массовой информации (СМИ), формирующие в общенациональном масштабе общественное мнение, систему предпочтений, стереотипы поведения, вкусы, моду и т. п. и обеспечи-

вающие совместно с институтами политической демократии взаимосвязь между обществом и властью. И, наконец, еще один важнейший регулятор динамики национальной культуры – культурная политика, проводимая правящими элитами и преследующая цели манифестации стандартов социальной адекватности (соответствующих интересам и идеологии этих элит) в качестве эталонов социальной престижности, которые уже внедряются в сознание людей через каналы образования, СМИ, политической пропаганды, деятельность различных культурных институтов (сферы искусств и организованного досуга, музеев, библиотек и т. п.).

Конечно, все это возникло не сразу. Становление первых наций в Европе и Америке в течение XVI–XIX веков протекало не только в борьбе с архаическими формами социальной организации, но и в ожесточенной конкуренции друг с другом за территории, капиталы, политическое доминирование, ресурсы. Все это требовало серьезной социальной мобилизации обществ; и на раннем этапе формирования наций идейным основанием для такого рода мобилизации стало их этническое самоопределение, консолидация на основе лозунга «защиты национальных интересов», построения национальных (ориентированных на этнические ценности) культур и пр. Это породило в общественном сознании волну так называемого национального романтизма, крайним выражением которого позднее стали национал-шовинизм и нацизм, но более или менее выраженные этноцентрические интенции были свойственны практически всем «национальным капитализмам» на ранних этапах их становления.

Рост интереса к проблемам этничности был связан также с колониальными завоеваниями и непосредственным столкновением европейцев с коренными народами других континентов, многие из которых находились на архаичных уровнях развития, что среди прочего потребовало изучения этих этносов, сравнения их культур с европейскими, осознания собственной этничности как культурного феномена и пр. Все это прямо или косвенно способствовало росту национального самосознания формирующихся индустриальных наций, развитию их интереса к собственному прошлому, активизации исторических, археологических и этнографических исследований и т. п. Именно в XVII–XVIII веках наряду с «божественной» и естественной историей возникает как наука социальная история, начинаются системные лингвистические и фольклорные исследования, формируется интерес не только к «высокой» (стилевой), но и к народной художественной и бытовой (этнографической) культуре, в учебных заведениях помимо древних языков начинают изучать современные иностранные, а также собственный родной язык как специальную область знаний. Привычный нам со школьных времен традиционный набор социально-гуманитарных дисциплин в системе образования фактически сложился именно в эпоху Просвещения и порожденного им «национального романтизма», идеологического самоутверждения молодых наций в осмыслении собственной истории и культуры.

Культурная компетентность личности эпохи «национального романтизма» имела выраженное тяготение к эрудированности в области национальной истории, литературы, искусства, мифологии и т. п. По существу то, что мы сегодня называем развитой гуманитарной культурой личности, складывалось именно под влиянием идей «национального романтизма» и основывалось прежде всего на хорошем знании истории (не столько в ее профессиональном научном, сколько в художественно-литературном изложении). Культурная компетентность описываемого типа – это сознание рядового (массового) обывателя, мистифицированное ничуть не меньше, чем у религиозных фанатиков «темного Средневековья». Только предмет мистификации здесь уже несколько иной: «другие» хуже «наших» не потому, что неправильно веруют в Бога или говорят на своем «дурацком» языке (это приобретенные, а, следовательно, изменяемые в процессе миссионерской деятельности признаки), а потому что имеют врожденные «плохие» черты – цвет кожи, форму носа и другие генетические признаки, потому что у «наших» власть принадлежит передовому классу или перспектив-

ной нации, а у «других» все не так. Таким образом, культурная идентичность эпохи «национального романтизма» обрела все более агрессивный характер. Защита национальной самобытности все чаще становилась универсальным основанием для насилия по отношению к другим народам (точно так же, как в эпоху Средневековья таким универсальным основанием для массового насилия была «чистота» религиозного вероисповедания).

По существу, этот самый «национальный романтизм» и стал главной мировоззренческой основой содержания социально-гуманитарных дисциплин в национальных образовательных стандартах большинства индустриальных обществ Нового времени. Любой учебник по истории, литературе и иному гуманитарному предмету убеждал учащегося в величии его нации, героической и славной национальной истории, безусловной правоте и благородстве его народа во всех прошлых и настоящих деяниях, в страданиях и унижениях, которые он претерпел от своих соседей, в его выдающихся по своеобразию и мировой значимости культуре, литературе, искусстве и пр. При этом содержание учебных дисциплин строилось преимущественно на так называемой конфронтационной солидарности – консолидации на основе неприязни к другим, самооправдания за счет чьего-то обвинения, самовосхваления за счет чьего-то унижения и т. п. Разумеется, этнонациональная идеология развитых стран XVII – первой половины XX века не сводилась только к примитивному расизму и национализму. В общественной дискуссии на эту тему постоянно присутствовали и мотивы национальной толерантности, оправдывающие «цивилизаторскую миссию белого человека» за пределами Европы соображениями гуманности и помощи отсталым народам в их развитии. Популяризации идей интернационализма способствовал и пример национальной политики СССР (по крайней мере, в демонстрируемых Западу ее достижениях), а также негативный опыт нацизма.

Опыт советского интернационализма по-своему любопытен. Реальная интернационалистская политика продержалась в СССР лишь на протяжении первых двух послереволюционных десятилетий; к концу 1930-х годов советская национальная идеология эволюционировала к традиционному государственно-патриотическому подходу, с четкой иерархией статусов разных народов, приоритетов в отношениях к ним, хотя в большинстве случаев место того или иного этноса в этой иерархии определялось скорее актуальными политическими соображениями, нежели национальными предрассудками власти. Признавалось политически и идеологически резонным сохранять, развивать и демонстрировать национальную культурную самобытность одних народов и одновременно способствовать скорейшей ассимиляции и уходу с «исторической сцены» некоторых других (политически неперспективных). От одной переписи населения к другой этническое многообразие населения СССР постоянно понижалось; но в этом можно усмотреть не какую-либо субъективную неприязнь к «вычеркиваемым» народам, а преимущественно проявление циничной «политической целесообразности».

Таким же образом с позиций откровенного политического резонерства преподносилась этнополитика и в системе советского образования с конца 30-х по конец 80-х годов – вопросы «национальной самобытности культуры народов СССР», «культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию», «России – родины гениев и мировых научных открытий», а также принципиальные установки «сталинской национальной политики» (позднее – без упоминания имени вождя, но с полным сохранением его идейного наследия). Учебники были заполнены декларациями о процветающей в стране дружбе народов, и в этом не было никакого лукавства, поскольку сама эта дружба трактовалась не как стихийный продукт исторического взаимодействия народов, а прежде всего как протокольное политическое мероприятие, отражающее «мудрую национальную политику партии».

Гораздо серьезнее обстояло дело с такими составляющими социокультурной идентичности и правообеспеченности граждан СССР, как их социальное происхождение и политико-идеологическая лояльность. Первое сохраняло свою актуальность в вопросах обеспечения общегражданских прав личности, по крайней мере, до «хрущевской оттепели» 1950-х годов, а в вопросах приема в КПСС, устройства на ответственную и идеологически значимую работу и ином «эксклюзивном» доступе к дефицитным социальным благам и высокому социальному статусу – фактически до «горбачевской перестройки» 1980-х. Политико-идеологическая лояльность, выражавшаяся в очень сложном и многоплановом комплексе демонстративных, ритуализированных действий человека в общественно-производственной сфере его жизни (идеологически лояльных и «грамотных» выступлений на собраниях, участии в официальных политических мероприятиях и манифестациях, демонстративном атеизме, «западоненавистничестве», а ранее – в известный период – добровольном доносительстве на идеологически «неблагонадежных» и т. п.), играла существенную роль в статусном росте и устойчивости индивида на протяжении всей советской эпохи.

Бурные события XX века – мировые войны, коммунизм, нацизм, геноцид миллионов людей, массовая деколонизация 1960-х годов – существенным образом изменили отношение, как к национальной, так и к социальной, религиозной и иной идеологически обоснованной розни между людьми в общественном мнении большинства стран мира. Слово «национализм» стало почти ругательным. Интеллектуальная мысль в очередной раз в истории человечества активизировалась в поисках неконфронтационных форм социальной и национальной солидарности и ненасильственных методов разрешения социальных и национальных противоречий. Такого рода перемена в общественных целеустановках оказалась связанной с новым этапом технологической и социальной эволюции – постепенным переходом наиболее активно модернизирующихся сообществ на постиндустриальный уровень развития, самоорганизации и регуляции.

Принципиально важным событием, радикальным образом повлиявшим как на направленность социальной динамики сообществ в целом, так и на состояние национально-культурной сферы их бытия в частности, стала так называемая информационная революция второй половины XX века, в результате которой стали формироваться глобальные информационные сети, транснациональные мультимедийные системы и т. п. Нации, бывшие до недавнего времени сравнительно замкнутыми «информационными организмами», отгороженными от соседей языковыми, технико-коммуникативными, политико-идеологическими и иными изолирующими средствами самодостаточного бытия, стали в информационном смысле более «прозрачными». Соответствующим образом возросли их культурная открытость, способность к взаимобмену культурными формами, новациями, опытом. Впервые в истории человечества появилась техническая возможность формирования не только региональных, но и общепланетарных коммуникативно-деятельностных систем, поначалу в узкоспециализированных отраслях знания и практики, а затем и в общедоступных областях социокультурной жизни (глобальная связь, масс-медиа, реклама, дистантное образование, полифункциональные информационные системы по типу Интернета и др.).

Размывание сословно-классовых социокультурных различий, существенно трансформировавшихся уже в период индустриальной цивилизации, вступило в новую стадию, характерную все большей дробностью и глубокой специализированностью социально-функциональной стратификации населения постиндустриальных обществ. Ныне такого рода стратифицированность уже фактически не определяется различием в происхождении людей и в более ограниченном, чем раньше, масштабе – различием в их материальном достатке. В современную эпоху социальная стратификация во всевозрастающей мере определяется профилем, глубиной и качеством образования, получаемого каждым человеком персонально. А это создает принципиально новую ситуацию, практически не встречавшуюся

ранее в истории: социокультурная компетентность человека впервые становится персонифицирующим признаком его личности, чертой его индивидуальности, приобретаемой главным образом посредством образования и личного духовно-интеллектуального развития, а не в связи с происхождением или принадлежностью к той или иной социальной, этнической, конфессиональной и иной группе. Каждая личность во все большей мере становится автономным интерпретатором усвоенных культурных образцов и творцом новых (по крайней мере, для персонального употребления), все менее ограниченной в этом праве какими-либо традиционными запретами (что не в последнюю очередь связано с ростом технических возможностей для такого рода культурной «монадизации» членов современного общества).

В таких условиях размежевание людей по национальным, социальным, религиозным и иным классическим признакам во все большей мере начинает вытеснять их группировка по профессионально-образовательному уровню и статусу и в особенности – размежевание на «традиционалистов» и «авангардистов», то есть людей, склонных к традиционным формам социальной самореализации и стремящихся к самореализации, свободной от ограничительных действующими традициями.

Впрочем, в социокультурном устройстве человечества, несмотря на наблюдаемую векторность глобального развития в направлении, называемом цивилизационным прогрессом (постепенным усложнением социальной организации общества, его научно-технической обеспеченности, системы технологий, инструментария, информационного и энергетического обеспечения в любых областях деятельности и т. п., уже давно подмеченным философами и антропологами-эволюционистами), на локальном, социально-практическом уровне постоянно наблюдается компенсаторная уравновешенность разнонаправленных тенденций. В наше время это проявляется, в частности, во взаимозависимости процессов углубления персональной культурной самодостаточности каждой личности и возрастания массовости в реализации различных форм социокультурной солидарности, росте культурного плюрализма и релятивизма, информационно-культурной глобализации всех форм жизни.

Одним из наиболее наглядных проявлений последней тенденции стала молодежная массовая культура, которая за последние четыре десятилетия фактически превратилась в образец мультикультурности, гетерогенности, как принципа развития, не стесненной видимыми рамками национальных традиций и ограничений по возможностям синтеза и использования различных культурных форм, языков и стилей. Это в равной мере касается как источников подобного многообразия, так и границ распространения культурной продукции.

Другой влиятельной тенденцией, имеющей «мультикультурную» направленность и во многом определяющей развитие интеллектуальных рефлексий и художественных поисков последних десятилетий, является постмодернизм, сформулировавший теоретические основы понимания и интерпретации вышеописанных тенденций культурного синкретизма, релятивизма, формально-стилевой «всеядности», сугубой условности и конвенциональности культурных норм. В соответствии с постмодернистской парадигмой мозаика исторических локальных культур и системность их самобытных черт являются случайными, фантомными, неоднородными, неустойчивыми, а то, что принято называть нормой и традицией, представляется в существенной мере плодом ангажированного воображения исследователей, абсолютизирующих относительно повторяющиеся явления в качестве обязательно повторяющихся и т. п. В этом же ряду следует упомянуть и современные этнологические и социологические концепции социального конструктивизма, ставящие под сомнение сам факт существования этносов как реальных социальных групп, и трактующие этничность как некоторую мозаику культурных черт населения определенной территории, произвольно выделяемую и субъективно описываемую этнографами ради удобства ее классификации, а чаще всего – являющуюся интеллектуальной конструкцией, создаваемой с идеологическими целями.

Еще один очень важный вопрос, поднятый философией постмодернизма, – вопрос о границах социальной полезности культуры. Мы привыкли к тому, что наша культура – это лучшее, что у нас есть. Такую установку сознания нам задала эпоха Просвещения. А куда же при этом делось худшее? Разве это не наша культура? Разве преступность и насилие не порождены господствующей культурой как протест против социокультурной зарегулированности нашей жизни (преступность) и как средство насаждения желательного социокультурного порядка (насилие)? Но и это еще не все. Культура, по большому счету, является инструментом существования локальных социальных групп – народов. В интересах народов культура подавляет индивида, «обобществляя» его, заставляя его «служить обществу» и жить по его законам. А если индивид не хочет? На современном уровне развития демократии и либерализма вопрос о праве индивида иметь собственные, отличные от общественных интересы стал очень актуальным. Как в условиях господствующей традиционной культуры можно реализовать требуемый ныне уровень либерализма и уважения к интересам индивида?

Разумеется, любая философия так или иначе посвящена критике существующих социальных и интеллектуальных порядков, т. е. культуры. Другое дело, что большинство философов даже не задумывалось над этим скрытым смыслом своих рассуждений. Зигмунд Фрейд был первым, кто выступил с осознанной критикой культуры за то, что она подавляет отдельного человека и своими запретами провоцирует его психические недуги. Но только постмодернизм напрямую поставил вопрос о поиске какой-то новой культуры, учитывающей не только интересы общества, но интересы отдельного человека.

Мои оппоненты могут заметить, что в противоположность всему сказанному о доминирующих ныне тенденциях понижения значимости национального и религиозного (а, в конечном счете, и культурного) начала в жизни людей именно сейчас во всем мире наблюдается активный рост национального и религиозного фундаментализма. Разумеется, рассматриваемым здесь тенденциям в современном мире сопутствуют и совершенно противоположные тенденции (рост национального и традиционного самосознания, религиозный фундаментализм, взрыв этнического сепаратизма и экстремизма, распад многонациональных империй и федеративных образований и т. п.). Не стоит забывать, что сегодня на Земле одновременно сосуществуют многие сотни человеческих общностей – наций, этносов, этнографических и племенных групп, находящихся на самых разных стадиях социальной эволюции, демонстрирующих все известные науке типы социокультурной организации и уровни развития. В их числе немало этносов, находящихся в переходном состоянии – в процессах становления сословных обществ на базе родоплеменной структуры типа «военной демократии» или буржуазных наций на основе феодальных народностей. Как правило, именно среди подобных групп и наблюдаются наиболее агрессивные проявления сепаратизма, национализма, фундаментализма и другие формы конфронтационного самоутверждения. Разумеется, из этого правила есть исключения, но они единичны. Речь идет о явных аутсайдерах социального развития, и все их негативные проявления – это «истерика проигравших», попытка исторически вытесняемых культурных тенденций добиться создания защитных резерваций для себя, в которые будет ограничен доступ современности. Именно ощущение наступающего краха традиционализма вызывает крайние формы национального и религиозного экстремизма, выразившегося в росте национального и религиозного терроризма.

Формирование и освоение новой, «постнациональной» картины мира в разных сообществах и разных социальных стратах происходят очень неравномерно. Помимо той части молодежи, для которой такого рода культурная плюральность является одним из характерных маркеров групповой идентичности, в этой мультикультурной ситуации легче адаптируются люди, являющиеся высококвалифицированными профессионалами в какой-либо значимой отрасли знания и деятельности, имеющие опыт реального международного

сотрудничества, обучения или работы за границей и т. п. Поэтому описываемая картина мира в целом быстрее укореняется в обществах с более высоким уровнем профессионализации и специализации (а, следовательно, и образованности) населения, более вовлеченного в международное разделение труда; там, где знания и технологии, экономические и информационные потребности, социальные и эстетические интересы людей действительно не имеют национальных границ. В таких обществах высококлассные специалисты, как правило, ведут довольно мобильный образ профессиональной деятельности, не только постоянно бывая в зарубежных командировках, но и неоднократно, нередко подолгу работая в разных странах, где на их профессионализм имеется спрос. Таким образом, складывается новое понимание категорий «космополит» и «гражданин мира». Это уже люди не «вне наций», а высококвалифицированные профессионалы «интернационального применения». Следует учитывать и то, что высокоразвитые страны являются основными зонами притяжения потоков эмиграции (как из стран третьего мира, так и широчайшего обмена специалистами между собой), так что ситуация «вавилонского смешения» племен и языков там имеет наиболее практическое выражение.

Таким образом, перед современным обществом раскрываются три подхода к формированию основополагающих характеристик культурной компетентности, которые неизбежно затрагивают и содержание образования как чрезвычайно значимого механизма формирования и социального воспроизводства этого общества.

Первый из них можно назвать донациональным, традиционалистским или этнографическим. В рамках этого подхода культура трактуется как сумма фольклорных обычаев и традиций повседневной жизни преимущественно сельского населения, при этом сами этносы рассматриваются как чисто декоративные образования («хранители народных обрядов и ритуалов»), не имеющие никаких специфических политических интересов и способные легко вписаться в любую политико-идеологическую схему, которую им предложат исторические обстоятельства (властители, правящая элита и т. п.). Главные свойства, которые при этом желают видеть в культуре, – абсолютная традиционность, консерватизм обычаев и обрядов, отторжение любой социальной модернизации. Это подход, в существенной мере характерный для дореволюционной национальной политики России и возрожденный в 1930-х годах в СССР в ритуальной дружбе народов, нацеленной на контролирование реальных политических и социально-экономических противоречий между социальными и этническими группами. Воспитание учащихся в ключе подобного понимания культуры в целом и «национального вопроса» в культурном развитии в частности ориентировано на отождествление национального с этнографическим, утверждение приоритета фольклорной (этнографической) культуры над специализированной (элитарной, профессиональной), определение функций культурной жизни прежде всего как системы воспроизводства традиций, охраны художественного и этнографического наследия. Отношение к социальным, религиозным и даже политическим аспектам культурного бытия людей также регулируется степенью их традиционности, пластичности, идеологической пассивности. Вместе с тем нельзя не отметить и хорошо развитую в этом подходе теорию сохранения реликтовых этносов вместе с кормящей их природной средой, то есть принцип резерваций, удачно зарекомендовавший себя в случаях с архаическими сообществами, зависимыми от устойчивости ландшафтных условий обитания.

Второй подход является собственно национальным. В его основе лежит большая или меньшая по выраженности абсолютизация этнокультурных и религиозных различий между народами в их социально-экономических, политических, идеологических, ценностных и прочих интересах и такая же абсолютизация социально-классовых противоречий между разными стратами внутри каждого народа, а главное – сомнение в возможности «стратегического компромисса» между этносами и классами в этих вопросах. Крайними

проявлениями такого подхода являются нацизм и большевизм, более умеренными – разного рода «почвенничество», «национал-патриотизм», «коммунизм», «государственничество» и т. п. В конечном счете, именно эта социально-национальная идеология (при разных уровнях своего радикализма) обычно свойственна формирующимся и развивающимся буржуазным нациям и до последнего времени являлась наиболее типичной при рассмотрении вопросов национальных и социальных отношений в содержании образования большинства стран. Сегодня ведущими интеллектуальными авторитетами мира эта идеология признается не только безнравственной, но и противоречащей тенденциям развития человечества, постепенно превращающегося в системное содружество наций.

Третий подход – постнациональный. В его основе лежат такие вышеупомянутые принципы, как неконфронтационная солидарность людей; объединение человечества вокруг общих ценностей перед лицом грозящих экологической, военной и техногенной катастроф; отношение к этносам и социальным стратам как к носителям локальных комплексов исторического социального опыта, очень различных, но принципиально не противоречащих друг другу, доступных пониманию со стороны, совместимых, синтезируемых в своих культурных чертах; доминирующие толерантность, плюрализм и релятивизм во всех вопросах культурной формы (в отличие от системы культурных содержаний, в целом остающейся на просвещенческо-прогрессивистских позициях) и эклектичная мультикультурность как принцип формообразования; «отмена» национальности как одного из «публичных» маркеров социальной идентичности человека, «вытеснение» этого вопроса в область частной жизни индивида (так же как вопросов его социального происхождения, религиозной веры, идеологии и членства в политических партиях, состояния в браке, сексуальной ориентации и т. п.) и пр. Разумеется, все эти идейные установки вполне тривиальны и разрабатывались многими поколениями мыслителей на протяжении тысячелетий. Просто, как уже говорилось выше, благодаря «информационной революции» и переходу к постиндустриальным технологиям производства, управления и коммуникации у человечества впервые возникла техническая возможность реализовать по крайней мере некоторые из идей подавления конфликтного потенциала этничности.

Вместе с тем при всей важности этнонационального аспекта в становлении культурной компетентности граждан того или иного общества не менее значимой в этом вопросе остается и социальная стратифицированность этого общества. Разумеется, в современных индустриальных и тем более постиндустриальных обществах социальная структура весьма далека от прежних сословно-классовых характеристик. Здесь скорее следует говорить о полностью инкультурированных группах и группах мигрантов «внешнего пролетариата», находящихся на различных стадиях ассимиляции и инкультурации в стране пребывания. Существенную роль в управлении этими процессами играет общая тенденция западных обществ в выработке так называемых мягких технологий социального взаимодействия, выражающихся порой в парадоксальных проявлениях пресловутой политкорректности (особенно в ее национально-расовом, сексуальном и гендерном проявлениях), заметном в последние годы смягчении жесткости политико-идеологической пропаганды (не только антикоммунистической, что уже потеряло практическую актуальность, но и пропаганды западной культуры как эталонной).

В России ситуация с этими вопросами усложняется в связи с фактически деградировавшей прежней системой социальной структуры общества, сломом прежних путей и каналов осуществления социальной мобильности населения, трансформацией прежних элит и не наладившейся системой их воспроизводства, а также еще практически не сформировавшейся новой структурой социальных страт. В этих условиях говорить о каких-либо параметрах общенациональной культурной компетентности для большинства российского населения не приходится. Даже такое важное средство выравнивания черт культур-

ной адекватности, как государственные образовательные стандарты, в очень небольшой степени способно повлиять на эту ситуацию, поскольку задает в качестве общенациональной нормы параметры гуманитарной эрудиции интеллигентской субкультуры. Из мирового опыта известно, что интеллигентская субкультура (субкультура городских интеллектуальных производителей) по определению не может стать общенациональным и общесоциальным образцом, хотя в рамках российской национальной традиции понятие «культурности» человека в существенной мере сводится к уровню его гуманитарной эрудированности (в отличие от западной традиции, где «культурность» – это прежде всего социальная адекватность и воспитанность, соответствующая реальному социальному статусу личности, т. е. социальная адекватность). Специалистам памятли попытки советской культурной политики сталинских времен использовать городскую интеллигентскую субкультуру (то есть по существу классическую русскую культуру XIX века) как основу для формирования общесоветской «народной культуры».

Интеллигентность в ее социально-функциональном преломлении – это интеллектуальная специализация сравнительно небольшой группы талантливых, образованных, широко эрудированных и специальным образом мотивированных людей на рефлексию и формулирование тех самых «правил игры» социального общежития, о которых шла речь в начале. Это особенный (эксклюзивный) социальный заказ, распространяющийся на очень небольшую часть населения. Ни одно общество не может позволить себе специализировать на этой рефлексии более 5 % сограждан. Ни в одной нации не найдется большего процента людей с требуемым уровнем природных интеллектуальных способностей, с соответствующей креативной психоэнергетикой, уровнем социальных амбиций и т. п., и соответственно интеллигентская субкультура не может быть актуальной даже для большинства городского населения.

В отсутствии среди населения России сколько-нибудь заметного «среднего слоя» – по материальному достатку и социальным притязаниям – проблема формирования параметров общенациональных стандартов социальной адекватности и культурной компетентности приобретает виртуальный характер. Теоретически эта задача должна решаться в рамках двух параллельно развивающихся тенденций. Во-первых, в виде стихийного процесса нормативно-ценностной адаптации населения к реалиям социально-экономического состояния общества. Какие бы великодержавные амбиции ни волновали умы и сердца наших сограждан, совершенно очевидно, что рано или поздно эти амбиции подвергнутся существенной корректировке на основании признания реальных возможностей страны с точки зрения ее места в общем мироустройстве. Только люди с расшатанной психикой могут претендовать на великодержавный статус при том уровне экономического достатка основной массы населения, который в настоящее время наблюдается. А это, в свою очередь, задает определенные социальные ожидания от жизни и культурные требования к себе и окружающим, которые и станут наиболее объективным выражением исторически возможной (на данном отрезке времени) культурной компетентности основной массы населения. Разумеется, интеллигенция сохранит культурный уровень, отражающий пиковые достижения общества в прошлом, и будет беречь его «до лучших времен». Во-вторых, параметры исторически и социально доступной для данного времени культурной компетентности должны отслеживаться, систематизироваться, рефлексироваться и публично формулироваться усилиями специалистов, профессионально изучающих социальные процессы в стране и стимулирующих скорейшее созревание и внедрение необходимых ценностных ориентиров в массовое сознание, трансляцию их подрастающим поколениям посредством воспитания и образования.

Собственно, это и есть основная задача специалистов-культурологов, которых следует готовить не только для охраны художественных ценностей, но и для изучения проблем культурной компетентности людей разных национальностей и социального положения, живу-

щих в одной стране, по единым законам и – желательно – в единой культурно-ценностной системе. Совершенно очевидно, что понимаемая через такие социальные функции культурология наиболее естественным образом тяготеет именно к системе образования. В каком-то смысле культурологию даже можно рассматривать как науку, дополняющую педагогику: педагогика разрабатывает методы трансляции учащимся фундаментальных знаний и актуальных образцов культурной компетентности, а культурология призвана формировать наиболее общее содержание той культурной компетентности, которая транслируется средствами педагогики. К сожалению, до подобной образовательной идиллии еще далеко; но культурология в целом развивается и в этом направлении. А это вселяет надежду, что профессиональная рефлексия по поводу феномена культурной компетентности и социальной адекватности современной личности рано или поздно будет востребована обществом.

Часть 2. Тезаурус основных понятий культурологии

Культура

КУЛЬТУРА (лат. cultura) – первоначально – возделанная почва, позднее – воспитание, образование, нравственное и интеллектуальное развитие (т. е. социальное возделывание) человека. В греческом языке близкое по значению понятие обозначалась словом «пайдейя», в китайском – «вэнь». В западноевропейском Средневековье и Возрождении слово «культура» встречается крайне редко, означая просто грамотность. Активное использование категории «культура» в Европе началось с эпохи Просвещения. В России это слово стали употреблять в основном в последней трети XIX в. сначала в исторической науке и публицистике, позднее – в философии и других сферах.

В начале XX в. в работах О. Шпенглера родилась традиция противопоставлять цивилизацию (достигнутый уровень научно-технического прогресса и материального обеспечения образа жизни) и духовную культуру (по существу, сферы религии и искусства, а также уровень гуманитарной эрудированности человека). Впрочем, такое противопоставление утвердилось преимущественно в философии и гуманитарных науках (кроме культурологии), в социальных науках оно не прижилось.

В современной научной трактовке культура – совокупность искусственных порядков и объектов, созданных людьми в дополнение к природным, хотя это определение отражает преимущественно социально-антропологический подход к культуре. Оно противоречит данным этологии – науки о социальном поведении людей и животных, которая по мере накопления эмпирического материала все больше приходит к выводу, что социальное поведение высших млекопитающих – это уже культура в ее эмбриональном проявлении. Гуманитарная культурология склоняется к аксиологическому определению: культура – это как набор ценностей (наиболее ценных достижений) человеческого Бытия. Наиболее научно обоснованным нам представляется определение, принятое в этнологии: культура – это социальный опыт коллективного существования людей, накапливаемый и передающийся из поколения поколению. Характерно, что это определение вписывается даже в постмодернистский подход к культуре как к тексту, принципиально противостоящий любым классическим определениям. Культура – это совокупность текстов (вербальных и невербальных), фиксирующих исторический социальный опыт и т. п. Суммируя все эти подходы, мы позволяем себе заявить:

Культура это:

– совокупность порядков («социальных конвенций»), организующих коллективы людей в процессах их жизнедеятельности;

– мир нормативов, форм деятельности и образов сознания, аккумулированных и отобранных социальным опытом как приемлемых с точки зрения консолидации и воспроизводства общества как социальной целостности и воплощенных в «социальных конвенциях», регулирующих жизнь общества;

– совокупность принципов, регулирующих сознание и поведение личности, мотивирующих ее уже не столько биологическими, сколько социальными интересами и потребностями, общепринятыми нормами и правилами их удовлетворения, воплощенными в системах социальных целей, идеалов, ценностей, правил, обычаев, стандартов, методов социализации и инкультурации, и опредмеченных в специфических чертах технологий и продуктов человеческой деятельности, в нормах социального взаимодействия;

– «возделанная среда» обитания людей, построенная посредством специфических человеческих способов (технологий) деятельности и насыщенная продуктами (результатами) этой деятельности;

– мир познания – накопления знаний, интеллектуальных и образных рефлексий бытия, способов и результатов расширения и упорядочивания представлений о мире с целью его практического преобразования, расширения объемов производства, распределения и потребления социальных благ;

– мир символических обозначений явлений и понятий – языков и образов, созданный людьми с целью фиксации и трансляции социально значимой информации, знаний, представлений, опыта, идей и т. п.;

– мир «культурных текстов», фиксирующих все формы социального опыта в различных знаковых системах;

– мир коммуникаций, обмена информацией в различных формах;

– мир творчества – открытия новых технологий материального и духовного производства и т. д.

Обобщая, можно сказать, что культура – это система упорядоченности в мире вещей, организованных территорий, процессов и продуктов человеческой деятельности, организационных форм человеческой общности, межличностных и коллективных взаимоотношений, коммуникаций, человеческого сознания и поведения, созданная и поддерживаемая самими людьми. Обязательным признаком является то, что культура – это *порядок* в представлениях и деятельности людей, противостоящий Хаосу, неупорядоченности, что в каких-то пределах имеет место в природе.

Вместе с тем необходимо различать понятия «культура» и «общество», «культура» и «человек». Культура – это то, что регулирует совместное существование людей, сознание и поведение отдельного человека и превращает толпу в общество, индивида в личность. Культура – это принятая в каждом обществе система взаимоотношений между людьми по поводу их коллективной жизнедеятельности, это то, что пролегает между людьми и связывает их в устойчивую общность.

Нужно помнить так же и о том, что культуры – как самостоятельной субстанции – в принципе нет. Это только слово, условно обозначающее совокупность форм человеческой жизнедеятельности и продуктов этой жизнедеятельности (материальных, интеллектуальных, образных и пр.). Можно обозначать эту совокупность и по-другому, но люди «договорились» называть ее словом «культура». Точно так же нет и истории. Это тоже условное обозначение динамики человеческой жизнедеятельности в макровременном измерении (в микровременном измерении история называется социальной практикой). Поэтому, рассуждая о культуре и истории, нужно не забывать того, что на самом деле имеется в виду.

Итак, то, что мы называем «культурой», является продуктом совместной жизнедеятельности людей, системой согласованных процедур и способов их коллективного существования и взаимодействия, обозначений и оценок, социальной консолидации во имя достижения общих целей, упорядоченных правил и социально приемлемых технологий удовлетворения групповых и индивидуальных интересов и потребностей (как материальных, так и познавательных, символических, оценочных). Но она не механическая сумма всех актов жизнедеятельности. Ее ядро – это свод «правил игры» коллективного существования, выработанная людьми система нормативных технологий и оценочных критериев по осуществлению тех или иных социально значимых интеллектуальных и практических действий (при различной степени жесткости их регуляции).

В отличие от биологических свойств человека, культура не наследуется генетически, а усваивается только методом обучения. С точки зрения этой концепции, снимается вопрос

о существовании единой *универсальной культуры*, объединяющей всех людей на Земле хотя бы минимумом единых черт. Если бы такое явление существовало, то единственным средством его трансляции была бы генетическая наследственность, которая передавала бы нам социальный опыт от далеких предков с генами, аналогично биологическим свойствам человеческого организма.

Спор на эту тему ведется уже полтора столетия. По мнению ряда психологов и философов, какие-то *неявные* формы генетической трансляции социального опыта у людей имеются, а, следовательно, могут иметь место и некоторые универсальные (рудиментарные) черты культуры по типу видовых инстинктов у животных. Биологи, социологи, этнографы и историки не находят сколь-либо убедительных аргументов в пользу этой концепции и настаивают на том, что людей как единый вид, несомненно, объединяет масса единых антропологических и психологических черт и потребностей; но способы их удовлетворения (т. е. культура) не наследуются генетически, а приобретаются только методом обучения и усвоения социального опыта сообщества.

Отсюда – сколько в истории существовало сообществ, столько обнаруживается самодостаточных локальных культур (конфигураций), являющихся продуктом уникальной исторической судьбы и уникального социального опыта того или иного народа, что не исключает определенного внешнего сходства некоторых из них. Вместе с тем в истории наблюдаются перемежающиеся процессы увеличения энтропии (в виде снижения уровня культурного многообразия человечества) и ее понижения (т. е. увеличения этого разнообразия). Сам факт этого многообразия свидетельствует об огромном ресурсе различных способов выживания, свойственных человеческой популяции и реализованных в социальном опыте различных локальных культур.

В культуре ведется постоянная селекция и отбор форм, оказавшихся как наиболее эффективными с точки зрения их утилитарных функций, так и наиболее приемлемыми по своей социальной цене и последствиям, способствующим повышению уровня взаимопонимания и консолидированности членов сообщества. Они обретают статус общепринятых норм по осуществлению соответствующих функций, включаются в систему ценностей, отражающих специфический социальный опыт данного сообщества, приобретают характер установлений, регулирующих практическую деятельность, и транслируются следующим поколениям в качестве культурных традиций. Культуре (т. е. формам жизнедеятельности) свойственна способность к саморазвитию, т. е. усложнению общих структурно-функциональных и организационных параметров всей системы, углублению специализированности ее отдельных элементов и уровня их взаимодействия, повышению универсальности и интенсивности функционирования как системы в целом, так и ее отдельных наиболее важных подсистем, что ведет к повышению сложности социальной организации и форм жизнедеятельности сообщества. Но это свидетельствует и об еще одном императиве культуры: нет целей, для достижения которых годились бы любые средства. Социальная приемлемость средств определяет и достоинство целей.

Разумеется, перечисленные свойства культурных систем заложены в них потенциально и реализуются далеко не всегда, а лишь при благоприятном сочетании определенных условий. Поэтому прогресс (эволюция, развитие) в исторической динамике культуры возможны, но отнюдь не обязательны. История свидетельствует, что большинство существовавших на Земле народов, достигнув определенного уровня развития, вступает в состояние гомеостаза со своим природным и социальным окружением, при котором процессы культурной изменчивости продолжают на микроуровне, но не ведут к общему усложнению системы в целом. И лишь в сравнительно редких случаях некоторые сообщества совершают последовательную прогрессивную эволюцию от архаической до постиндустриальной стадии развития в своих основных социокультурных характеристиках.

Несмотря на существенную роль традиций, сохраняющих культуру в ее неизменной специфичности, культура по природе своей весьма динамична. В ее динамике можно выделить несколько основных типов сложения и изменения культурных феноменов. Во-первых, культурогенез – порождение новых культурных форм и интеграция их в социальную практику, а также формирование новых культурных систем и конфигураций, протекающие постоянно на протяжении всей истории человечества и отражающие прежде всего адаптивную пластичность культуры и синергетику ее саморазвития. Во-вторых, наследование традиций – процессы непрерывной межпоколенной трансляции (а иногда и отмирания, утраты социальной актуальности) уже существующих и интегрированных в социальную практику форм, что определяет преемственность исторического социального опыта людей и позволяет осуществлять воспроизводство их сообществ как устойчивых социальных целостностей. В-третьих, трансформация культурных форм – процессы их модернизации, прогрессивного развития или деградации вплоть до исчезновения из практики. В-четвертых, реинтерпретация культурных форм – изменения смысловых и символических характеристик форм и связей между ними, происходящие в течение истории их существования. В-пятых, культурная диффузия – процессы пространственно-временного распространения культурных образцов, их заимствования и внедрения в новые, еще не практиковавшие это формы культуры, ведущие к обмену элементами социального опыта, взаимодействию и взаимопониманию между разными сообществами. И наконец, в-шестых, системная трансформация культуры – процессы исторической изменчивости (эволюции, деволуции, волновой изменчивости, распада, слияния и пр.) самих культурных систем за время их существования, а также ряд иных видов динамики культуры.

Еще одно важнейшее свойство культуры: именно она является наиболее универсальным основанием для самоидентификации общества и его членов, осознания коллективом и его членами своей индивидуальности, маркирования себя, различения «своих» и «чужих» и т. п. Понятие «многообразие народов» означает одновременно и многообразие их самобытных культур.

Процесс исторического происхождения культуры был одним из аспектов становления человека как существа социального. В ходе антропогенеза, по всей видимости, происходила и постепенная эволюция механизмов адаптации гоминидов к природному окружению от изменения их морфологических видовых характеристик к изменению стереотипов сознания и поведения, разработки и применения искусственных средств деятельности (орудий), совершенствования социальной организации популяций, развития приемов регулирования совместных действий, механизмов обмена информацией и иных форм активности, уже социокультурных по своему характеру. Жизненные интересы эволюционных предков человека, судя по всему, мало чем отличались от животных, но реализовались уже совсем иными, гораздо более эффективными, а главное – более пластичными и универсальными средствами. Темпы развития подобных поведенческо-деятельностных средств обеспечения существования еще более ускорились, когда к адаптируемым условиям природного окружения добавились и исторические обстоятельства контактов и соперничества с другими человеческими коллективами. Начиная с эпохи становления первых городских цивилизаций, фактор взаимодействия сообществ со своим социальным окружением превратился в наиболее значимый стимул социокультурного развития.

Таким образом, культура характеризуется как присущий всякому устойчивому сообществу людей системный комплекс специфических и нормированных способов и форм социальной интеграции, организации и регуляции самого сообщества; средств познания, коммуникации, оценки и самоидентификации, интеллектуальных рефлексий и интерпретаций, а также образных мироотражений, реализуемых в специфических «культурных текстах» и иных произведениях; механизмов трансляции социального опыта посредством социали-

зации и инкультурации личности, а также мотивации ее к проявлениям собственной социальной активности и т. п. Комплекс, обладающий способностью к социальному и историческому самовоспроизводству, адаптивной изменчивости и прогрессивному саморазвитию по пути структурно-функционального усложнения. Эмпирически этот комплекс определен в создаваемой людьми искусственной среде их обитания, составленной из произведенных ими материальных объектов, символических продуктов (знаний, идей, языков, текстов, художественных образов и пр.), технологий осуществления всякой целенаправленной и социально нормированной деятельности (от высокоспециализированной до принятой в обыденной жизни) и ценностных ориентаций, как совокупности «социальных конвенций», выраженных в вербальных и невербальных «текстах», аккумулирующих социальный опыт сообществ, накапливаемый и систематизируемый в ходе их истории.

Таким образом, если человек – это высшая (из известных нам) форма жизни во Вселенной, то культура – это совокупность форм осуществления жизнедеятельности, разработанных и практикуемых именно человеком (что в последние десятилетия подвергается сомнению со стороны биологии).

В заключение следует отметить, что возведение культуры к *культу* (поклонению, почитанию), порой встречающееся в литературе, сообществом специалистов признается ненаучным. Скорее наоборот – культ, как проявление традиционного сознания и поклонения «великому предку», Демиургу, родился в недрах культуры.

Природа и культура

ПРИРОДА И КУЛЬТУРА – с позиций современного научного понимания феномена культуры – антонимы, противоположные, но и взаимодополнительные составляющие мира человеческого бытия. Биосоциальный дуализм сущности самого человека не мог не привести и к такого же рода дуальности организации среды обитания людей (пространственной, временной, интеллектуальной, символической и пр.), совмещения в ней естественной природной компоненты, обеспечивающей витальный аспект человеческого существования (солнечное излучение, атмосфера, вода, продукты питания, минеральные ресурсы, механизмы размножения и самой смерти отдельного организма) и мира искусственных порядков (в виде материальных объектов, символов, идей, социальных структур, языков коммуницирования и пр.), созданных самими людьми и обеспечивающих коллективный (социальный) характер их жизнедеятельности.

Этот мир искусственных порядков как результат целенаправленной человеческой деятельности и принято обозначать как *культуру*, противопоставляя его *природе*. С подобных позиций культура нередко определяется как совокупность элементов природы, переработанных людьми в своих интересах (понимая при этом в числе элементов природы и самого человека, в частности его способность к сознанию). Иначе говоря, природа – это все, что еще не культура, а культура – это все, что уже не природа. Так казалось до недавнего времени. Но развитие современных технических средств дистанционного наблюдения за животными и записи их символического поведения в естественной среде обитания заметно поколебали позиции тех, кто считал культуру основным отличием человека от животного.

Следует отметить, что у ряда виднейших специалистов такого рода категорическое противопоставление природы и культуры уже давно не встречает поддержки (К. Лоренц, И. А. Халоуэлл, И. Эйбл-Эйбесфельдт, Э. А. Орлова, автор этих строк и др.). С их точки зрения, нет жестких границ между социальным поведением животных (как явлением природы) и социальным поведением людей (как явлением культуры), а основное различие проявлений животного мира и человеческой культуры заключается в уровне сложности используемых способов и средств адаптации, консолидации, саморегуляции, трансляции опыта следующим поколениям (обучения) и пр. Можно предположить, что концепция противопоставления человека и его культуры природе, имела чисто религиозное происхождение и сейчас постепенно опровергается наукой.

При этом отмечается, что разрыв в уровнях сложности технологий жизнедеятельности между обезьянами-приматами и *homo sapiens* верхнего палеолита (кроманьонцами) во много раз меньше, чем между верхнепалеолитическими и даже ближайшими к ним неолитическими культурами (не говоря уже о более поздних городских цивилизациях). При таком подходе противопоставление природы и культуры в значительной мере утрачивает смысл, и культура начинает рассматриваться как особый этап общей эволюции природы, на котором адаптация к среде посредством изменения видовой морфологии (у растений) и сочетания процессов видовой мутации со сменой стереотипов поведения (у животных) полностью вытесняется адаптацией посредством изменения и усложнения технологий и форм жизнедеятельности (у людей) включая и формирование искусственной среды обитания.

Оппоненты этой позиции (преимущественно психологи и философы традиционного направления) апеллируют к принципиальному отличию возможностей человеческой психики от психики животных – способности к абстрактному мышлению, выделению себя из природы, рефлексии собственного «Я», порождающих различия в средствах коммуницирования, обучения, накопления опыта, адаптации и т. п. Соглашаясь со всем этим, нельзя не обратить внимание на то, что все эти отличительные качества появились у человека

не «вдруг» (скажем, со сложением вида *homo sapiens*), а развивались очень постепенно на протяжении всей первобытной и архаической стадии истории, т. е. являются «благоприобретенными» как часть социального опыта (а не видовой характеристикой).

Хотя дискуссия о возможности или невозможности генетического наследования социального опыта еще далека от окончательных выводов, большинство специалистов согласно с недоказанностью факта генетического наследования культуры и наиболее вероятным путем обретения ее только методом обучения и подражания (что фигурирует в современной науке уже почти как аксиома). По всей видимости, именно здесь, в вопросе о механизмах накопления, обобщения, рефлексии и трансляции опыта жизнедеятельности, а также выделения в этом опыте личностного «Я», и пролегает основная грань между природой и культурой.

Следует отметить и еще один важный аспект соотносительности природы и культуры – культуру природопользования (экологическая культура) людей (включая культуру физического воспроизводства и реабилитации самого человека как биологического существа). По мере развития технических средств и роста эффективности технологий переработки материалов природы в человеческих нуждах все острее ставится вопрос о нарушении баланса воспроизводства природных экосистем, разрушении жизнеобеспечивающих возможностей ландшафтов, вмешательстве в естественный отбор, поддерживающий «биологическое качество» человеческих популяций. Хотя эта проблема встала «в полный рост» только во второй половине XX в., на самом деле разрушительное вмешательство человека в природную среду имело место и в далеком прошлом (верхнепалеолитический продовольственный кризис в связи с массовым истреблением мамонтов; деградация ландшафтов, вызванная масштабным скотоводством, – гибель лесов в Греции, как результат приусадебного скотоводства, опесчанивание Сахары и ряда районов Евразийской степи как результат кочевого скотоводства кочевников; изменение ландшафтов Европы и Китая в связи с массовой вырубкой и выжиганием лесов и распашкой освободившихся участков под земледельческие нужды; массовая урбанизация как таковая и т. п.). Таким образом, проблема культуры природопользования, обобщения исторического опыта в этой сфере и выработки принципов неразрушающей эксплуатации ландшафтов – по существу один из «вечных» вопросов бытия человека на Земле и норм его социокультурного функционирования – пока что не нашел сколь-либо комплексного позитивного решения.

Еще одна из сторон этой проблемы – мера допустимости искусственного вмешательства в биологическую природу самого человека, лишения его жизни или каких-либо частных природных свойств, да и вообще вся «оборотная сторона» медицины, препятствующей природной «выбраковке» нежизнеспособных особей (аборты, эвтаназия, стерилизация, трансплантация органов или замена их искусственными, протезирование, искусственное продление жизни биологически нежизнеспособным особям, генная инженерия, клонирование, «культ» психической неадекватности и пр.). Все это вопросы не только социальные, но и прямо связанные с соотносительностью природы и культуры в самом человеке.

История культуры

ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ – включенность истории культуры локальных сообществ в социальную историю человечества в целом.

Для рассмотрения этого вопроса сначала нужно определиться с тем, что понимается под историей культуры. В данном случае мы не будем различать сами процессы истории культуры и их научные описания, поскольку все наши знания по предмету черпаются именно из его описания и из той познавательной парадигмы, в которой выполнено то или иное описание.

В числе основных проблемных полей истории культуры можно перечислить:

– происхождение культуры как специфического способа существования вида *homo sapiens*;

– формирование социокультурных и этнокультурных систем и конфигураций, их структуры и организации, системы социальных институтов и функциональных ролей, образов жизни и картин мира;

– порождение культурных явлений, генезис адаптивных и творческих инноваций в виде технологий и инструментария деятельности, знаний, идей, произведений, символических обозначений, форм организации и регуляции совместных действий, способов обмена информацией и т. п., их частичная институционализация и включение в социальную практику в качестве норм и эталонов соответствующей деятельности;

– развитие и накопление новых культурных форм и технологий, форм организации деятельности и пр. до критического числа, с которого начинается переход к следующей стадии социокультурной организации;

– эволюция культурных систем по пути усложнения их организации и структуры, повышения устойчивости и функциональной универсальности, социально-интегративных возможностей и адаптивной пластичности или, напротив, деградация культурных явлений в виде понижения уровня сложности и специализированности перечисленных параметров вплоть до их элиминации;

– воспроизводство форм социальной организации и регуляции в виде социальных институтов и конвенциональных норм коллективной жизнедеятельности и взаимодействия, языков обмена информацией и т. п.;

– специфические процессы существования и изменения культурных традиций, а также более узкие отраслевые истории отдельных областей культуры;

– а также более узкие отраслевые истории отдельных областей культуры.

В науке сложились три основных концептуальных подхода к истории культуры: а) эволюционный, рассматривающий историю культуры как неуклонное саморазвитие социокультурных систем под влиянием потребностей и методом адаптации к меняющемуся окружению, что ведет к их функциональному усложнению и постепенному переходу на более высокие уровни прогресса в различных областях социальной практики, и описывающих это соответствующим образом; б) цивилизационный, уподобляющий каждое автономное общество (этнос, нацию или цивилизацию) изолированному биологическому организму, формирующемуся и существующему за счет внутренних потенций, и культура которого проходит все циклы жизни – от рождения и младенчества до старения и смерти, что и составляет концептуальную основу концепции описания; в) диффузионный, во многом сочетающий в своих воззрениях и описаниях оба охарактеризованных взгляда; утверждающий, с одной стороны, доминирование процессов саморазвития за счет внутренних потенций, но с другой – признающий и исторический прогресс, однако не как продукт саморазвития, а как заимствование отсталыми обществами передовых открытий, изобретений и т. п.

у более развитых, благодаря чему история культуры приобретает общечеловеческие масштабы.

В большой степени предмет описания истории культуры составляет то, что каждый историк понимает под культурой и какой концепции – объяснительной позиции – он придерживается, а это зависит от состояния развития философии и теории культуры на момент написания того или иного варианта ее истории. В этой связи в мировой практике сложилось два подхода к изложению истории культуры.

Первый из них – это описание истории отдельных областей культуры – истории искусства, литературы, религии, науки, образования, быта и нравов отдельных народов и сословий и т. п. Этот подход оформился в основном во второй половине XIX – начале XX вв., но практикуется и по сей день, все больше и больше замыкаясь в профессиональной специфике описываемой отрасли.

Второй – это комплексное описание истории культуры, в каких-то случаях разделяя, а в каких-то и не разделяя ее на отдельные отрасли. Одной из первых подобных попыток была книга П. Н. Милюкова «Очерки истории русской культуры» (1895–1896). На Западе по этому пути пошли О. Шпенглер, Й. Хейзинга, А. Тойнби, корифеи французской исторической школы «Анналов». Любопытно то, что все они не ставили перед собой задачу описания собственно истории культуры, а описывали просто общую историю цивилизаций или отдельных народов, но латентно они описывали именно комплексную историю культуры, делая акцент не на событийной канве, а на состоянии общества в тот или иной описываемый период. Очень важным событием на этом пути стало исследование американского культур-антрополога Л. Уайта «История, эволюционизм и функционализм как три типа интерпретации культуры» (1945), задавшее определенные эталоны того, что следует анализировать, описывая историю культуры. Это исследование открыло путь целенаправленным и осмысленным историческим описаниям культуры.

Следует отметить и еще один путь исследований истории культуры, заданный этнографами. Здесь предметом научного анализа являлась именно культура, но, как правило, в ее статическом состоянии – на момент проведения полевого исследования. Историческими явились работы, реконструирующие культуру эпохи первобытности по аналогии с современными архаическими сообществами или на основании археологических данных.

В конечном счете, бурное развитие философии и теории культуры во второй половине XX в. поставило историков перед определенным парадоксом. Описание истории культуры стало тождественным общей истории общества, только написанным в определенном ракурсе – с акцентом не на событиях, а на состоянии общества в описываемый период и его атрибутивных чертах (т. е. национальной специфике его культуры). Это можно делать, дифференцируя культуру на отдельные отрасли – по аналогии с работой Милюкова, – что свойственно многим современным отечественным учебникам по истории культуры, или, не проводя такой дифференциации, что больше свойственно западным исследованиям и части отечественных. В качестве эталонного примера следует назвать учебное пособие М. С. Кагана «Введение в историю мировой культуры», написанное с позиций концепции социальной синергетики.

Собственно в этом и состоит соотношенность общей истории с историей культуры. В соответствии с современным пониманием феномена культуры, история культуры – это та же всеобщая история, но изучаемая с определенной точки зрения, с акцентом не на событиях, а на формах и продуктах жизнедеятельности людей.

Современный теоретический подход к пониманию истории культуры характеризует ее прежде всего как процесс упорядочения, систематизации и развития форм человеческой жизнедеятельности (в первую очередь коллективной) и взаимодействия – как в практическом, так и в интеллектуальном и символическом аспектах. Но это выводит историю куль-

туры на стык с естественной историей, которая таким же образом описывает и анализирует процесс упорядочения состояния материи (а на высших ее ступенях – и органической жизни) начиная от Большого взрыва (возникновения нашей Вселенной) и по сей день. Таким образом, история человеческой культуры становится неотъемлемой частью «тотальной истории» Вселенной, занимая высшую ступеньку в иерархии уровней развития материи.

Личность и культура

ЛИЧНОСТЬ И КУЛЬТУРА. Хотя культура и представляет собой порождение коллективной жизнедеятельности людей, ее практическими творцами и исполнителями являются отдельные личности. Традиционно всякий индивид выступает по отношению к культуре одновременно в нескольких ипостасях.

Во-первых, как «продукт» культуры, введенный в ее нормы и ценности, обученный технологиям деятельности и этике взаимодействия с другими людьми в процессе своей *инкультурации и социализации*, осуществляемой в ходе детского воспитания, при получении общего и специального образования, посредством контактов со своим социальным окружением (семьей, друзьями, коллегами и пр.). Получая повседневную информацию обыденного и специализированного характера, осмысливая художественные образы и нравственные коллизии в произведениях литературы и искусства и т. п., человек, прямо или опосредованно, формируется как личность, социально и культурно адекватная обществу (степень адекватности может быть разной: от высокой до нулевой). Этот процесс не заканчивается с достижением возрастной зрелости; корректировка параметров этой адекватности продолжается на протяжении всей жизни человека.

Во-вторых, как «потребитель» культуры, использующий нормы и правила усвоенной им культуры в своей социальной практике и особенно во взаимодействии с другими людьми, пользующийся языками и символами коммуникации, знаниями, оценочными стандартами, типовыми этическими формами и пр. как данными ему уже в готовом виде инструментами и способами личностной самоидентификации и социальной самореализации в данном сообществе.

В-третьих, как «производитель» культуры, творчески порождающий новые культурные формы, либо интерпретативно воспроизводящий или оценивающий в суждениях имеющиеся формы, что уже по самому факту индивидуального интерпретирования может быть квалифицировано как акт творчества.

И, в-четвертых, как «транслятор» культуры, ибо, воспроизводя какие-либо культурные образцы в практических действиях и суждениях, человек тем самым передает информацию о них другим людям.

При рассмотрении комплекса «личность и культура» перед нами встают сразу несколько сравнительно автономных проблем.

Прежде всего это проблема «личность и общество», проблема индивидуальной политико-социальной свободы индивида в системе общества или, переводя это на культурологический язык, – масштабы и границы прав личности на индивидуальную интерпретацию общественных норм и установлений. По приблизительным подсчетам специалистов по культурной коммуникации и информации (Е. А. Седов), масштабы свободы колеблются между 10–15 % от всего комплекса актов поведения и суждений человека (тоталитарное общество, построенное на полном подавлении личности), через 20 % (традиционное общество религиозно или этатистски ориентированного типа) до 25–30 % свободно интерпретируемых общественных норм (современное общество либерального типа). Это предел. Большая степень свободы интерпретации (и вытекающей из этого ненормированности индивидуального поведения) практически ведет к социальной дезинтеграции социума.

Перефразируя одного из классиков Просвещения, можно сказать, что свобода – это степень информированности личности о допустимых и недопустимых в данном обществе формах поведения и комплексе мировоззренческих и иных суждений, а также умение пластично пользоваться этими возможностями. Это мера социальной ответственности человека перед обществом. Мы полагаем, что фактически свобода заключается в знании или интуитивном

ощущении линии пролегания границы между общественным и частным, а также допустимой степени интерпретаций норм и того и другого.

Говоря иначе, максимум свободы – это максимальная *культурная компетентность человека* в данном сообществе (прагматически это можно назвать социальной адаптированностью), а максимальная несвобода – полная неосведомленность о допустимых нормах жизнедеятельности.

Другая проблема: необходимые параметры идентификации личности с данным обществом, что связано с вопросами социальной и политической солидарности, лояльности, зависимости, экономического интереса, религиозного долга. Здесь также может иметь место значительный разброс вариантов от полной интегрированности («исторический» патриотизм) до высокой степени социальной автономии (пониженная зависимость от уровня общественной поддержки и одобрения). Социологией уже давно установлена корреляция между уровнем образованности и профессиональности и потребностью в личной свободе и социальной автономии. Чем выше одно, тем выше и другое. Эту проблему не следует путать с чувством патриотизма как способностью осознавать и переживать Отечество как высшую ценность. История показывает, что образованные и культурно компетентные люди в большей степени обнаруживают чувство патриотизма и готовы на практике защищать эти ценности (утверждение, основанное на практических наблюдениях сотен мемуаристов времен обеих мировых войн). Тем не менее, при любых репрессиях интеллигенция «идет под нож» первой. Но у нее другой уровень самоощущения личностного достоинства и ценности собственной индивидуальности, что прежде всего связано с уровнем и уникальностью ее профессиональной специализированности. Таким образом, хрестоматийный вопрос «когда и в каких обществах личность начинает выделяться из коллектива и осознавать свою уникальность?», на наш взгляд, напрямую связан с процессами углубления разделения труда, уровня специализированности, усложнения тех или иных профессий и, наконец, степени престижности социального заказа на индивидуальное творчество (т. е. культурной развитостью элитного слоя общества).

Разумеется, эти причины играли доминирующую роль в период разложения первобытного общества и становления раннегородских цивилизаций. На следующих этапах истории к ним добавилась еще одна очень важная причина, порожденная процессами деградации традиционного жизненного уклада сообщества. Традиция как «броня» прикрывала индивида, освобождая его от многочисленных ситуаций личного выбора и ответственности за него. В отсутствие (или при ослабленной) традиции человеку требуется уже иной уровень ощущения своей личностной ценности и самодостаточности, чтобы самому сделать все необходимые выборы.

В этой связи имеет место еще одна проблема, рассмотрение которой следует рекомендовать психологу культуры. Человек не может жить в хаосе; это психологически невыносимо для него. Особенно, если речь идет о хаосе социальных отношений и понятийного аппарата мировосприятия и обмена информацией. Поэтому он, отчасти практически, а еще больше символически (интеллектуально, образно), упорядочивает окружающий его мир, придает ему некую условную понятийно-содержательную структуру и благодаря этому как-то ориентируется в мире (прежде всего в смыслах человеческих отношений). Осуществляя все эти практические и интеллектуальные действия, человек, так или иначе, эмоционально *переживает* их: свою солидарность или отчужденность от общества, всякое нормативное или интерпретативное действие или суждение, совпадение или расхождение общественных и личных интересов и потребностей и т. п. Совершенно очевидно, что с проблемой этого переживания связано всякое творчество, протестное и девиантное поведение. Ясно и то, что интенсивность подобных переживаний напрямую связана со степенью личностной автономии индивида от коллектива (о чем шла речь выше).

Что такое подобные переживания? Думаю, что за этим стоит специфический эмоциональный способ личного упорядочивания мира, казалось бы, основанный на тех же самых прагматических принципах, ценностях, интересах и пр., что свойственны данной культуре в целом. Тем не менее, упорядочивание мира в действиях и контактах, ориентированных вовне, на социальное окружение (в чем заключается проявление социальной адекватности), в чем-то существенно отличается от аналогичных действий по упорядочиванию мира для «внутреннего потребления» личностью, что, видимо, связано со способностью психологической адаптации личности в обществе. Как возникает этот «зазор», в чем заключается это различие, в конечном счете, стимулирующее творческую активность человека, мы не знаем и, наверное, поэтому столь плохо представляем себе, что такое творчество и как можно его стимулировать.

Общество и культура

ОБЩЕСТВО И КУЛЬТУРА. На протяжении долгого времени философов и антропологов волновал вопрос, в чем критерии различения общества и его культуры. Представляется, что вопрос этот не так уж сложен. Общество – это социально консолидированный устойчивый коллектив людей, преследующих столь же устойчивые цели и интересы. А культура – совокупный способ достижения этих целей и интересов, основные технологические и социальные параметры которого определены сложной системой «социальных конвенций», достигнутых данным обществом на протяжении многих поколений его интегрированного существования, что может быть названо социальным опытом этого коллектива.

Культура практически не может воспроизвести саму себя. Это общество воспроизводит себя в следующих поколениях как специфическую социальную целостность посредством трансляции своей культуры. Известны исторические примеры, когда объектом трансляции оказывалось не очередное поколение данного общества, а другая группа людей; в этом случае первоначальное общество и его культура «перетекали» на популяционную основу другой группы, порою радикально отличавшейся расовыми и другими показателями от общества-транслятора (как, например, турки-европеиды и тюрки-монголоиды).

Характеризуя основные параметры культуры, следует учитывать, что человечество, будучи единым биологическим видом, никогда не являлось единым социальным коллективом. Разные популяции людей обитают на Земле как автономные сообщества в заметно различающихся природных и исторических условиях. Необходимость в адаптации к этим разнообразным условиям привела к сложению столь же специфических способов и форм осуществления коллективной жизнедеятельности людей, к постепенному формированию целостных системных комплексов подобных форм. Такие комплексы специфических способов и форм жизнедеятельности получили название *локальных культур* (см.) соответствующих сообществ (народов).

Реально на Земле существовало в истории и существует поныне множество локальных культур отдельных человеческих сообществ как системных комплексов исторически сложившихся способов их социального бытия. Некоторые из этих культур похожи друг на друга в силу генетического родства практикующих их народов или сходства обстоятельств их истории, другие различаются настолько, насколько разнятся условия жизни породивших эти культуры этносов.

Но «ничейной» культуры или «культуры вообще» в принципе быть не может. Каждая из них воплощает специфический набор способов социальной практики какого-либо конкретно-исторического сообщества. Со временем к такой популяционной (этнической) дифференциации форм жизнедеятельности добавилось их размежевание по социальным, конфессиональным, политическим и иным параметрам; локальные социокультурные комплексы отдельных популяций превратились в чрезвычайно сложные и полифункциональные системы по обеспечению коллективного существования и деятельности сословий, наций, цивилизаций.

Основные социальные функции подобных культурных систем связаны с решением задач интеграции, консолидации и организации людей, нормирования и регуляции практики их совместной жизнедеятельности, обеспечения процессов познания окружающего мира, накопления и обобщения социального опыта коллективной жизни, осуществления социальной коммуникации между людьми, выработки языков и способов обмена информацией, разработки механизмов воспроизводства сообщества как социальной целостности и т. п.

Историческая эволюция обществ как носителей специфических культурных черт и признаков прошла несколько стадий (разумеется, каждое сообщество проходило их

в своем собственном темпе и ритме): *первобытную*, где складывалась основная «низовая» ячейка социальной организации – семья, а основным механизмом социальной регуляции были нормы и ритуалы брачных и кровно-родственных отношений; *варварскую*, где формировался этнический, территориально-соседский тип социальной организации и культуры, а главным средством социальной регуляции являлась племенная мифология и традиции; *аграрную*, где преобладали сословно-идеологические и политико-конфессиональные (цивилизационные) формы социокультурного жизнеустройства, а в средствах социальной регуляции доминирующую роль играло религиозно санкционированное насилие; *индустриальную*, где основными организационными и культурными структурами общества стали национальная государственность и специализированные социально-функциональные страты, а главным социокультурным регулятором – социально-экономические интересы и конвенции, формирующие новый тип культуры – массовый; и наконец, *постиндустриальную*, где формы социальной организации эволюционируют к глобальным транснациональным политико-экономическим объединениям, а ведущая регулятивная функция переходит к разнообразным видам производства знания и информационной деятельности.

Порядок культурный

ПОРЯДОК КУЛЬТУРНЫЙ – форма проявления упорядочивающей функции культуры. Среди многочисленных определений культуры очень редко упоминается про то, что культура помимо всего прочего (и тем не менее, в первую очередь) есть *порядок*, – наиболее общая в человеческом бытии система упорядочения, организации и систематизации процессов человеческой жизнедеятельности, мировоззрения, организации межличностной коммуникации и взаимодействия. В этой системе наука, философия, религия, традиции, законодательство и пр. суть лишь частные сегменты общей функции культуры как системы создания и поддержания порядка в мировоззрении, сознании и – главное – в социальном поведении людей и их коллективных объединений.

С позиций синергетики это один из процессов самоорганизации материи в упорядоченные структуры, только протекающий на уровне человеческой деятельности (практической, интеллектуальной, художественной). Ведь люди действуют и творят, думают и говорят отнюдь не хаотично, а подчиняясь определенным закономерностям, направленным на достижение более глубокого и масштабного познания и большей упорядоченности того мира, в котором они живут. Недаром структуралисты изучают культуру на примере языка – высокосистематизированного средства передачи информации. М. С. Каган убедительно доказывает, что и искусство является таким же способом упорядочивания художественно-образных представлений о мире, как религия и философия – инструментами упорядочивания мировоззрения, традиции – инструментом упорядочивания обычаев и нравов и т. п.

Конечно, порядки бывают разными. Еще в XIX в. философами-эволюционистами было показано, что исторический прогресс – это не улучшение, а усложнение мира человеческого бытия, переход от более примитивных порядков и структурной организации к более сложным. Доминирующая сейчас в мире философия постмодернизма эпатирует публику призывами к деконструкции текстов культуры; но любому здравомыслящему человеку понятно, что речь идет не о разрушении порядка как такового, а о переходе к более сложной системе упорядоченности в культуре, миропонимании, организации социальной практики.

Конечно, сведение культуры только к вопросу о порядке было бы некоторым упрощением проблемы. В культуре существуют и относительно свободные поля для творчества и импровизации. Просто в одних областях они сравнительно широки (искусство, наука, формы межличностных отношений), в других, напротив, очень ограничены (сфера социального поведения или допустимая зона применения насилия). Но в принципе такие зоны наличествуют практически в каждой области жизнедеятельности человека.

В этой связи отдельную тему представляет собой вопрос о творчестве (научном, техническом, художественном). Конечно, каждый творческий акт, каждая инновация несут в себе потенциал разрушения существующего порядка (в той или иной избранной области). Но при этом предлагается более совершенная модель упорядочивания того, что разрушается. Каждая научная теория, техническое изобретение, художественное произведение – это маленький шаг вперед в деле улучшения (хотя и одновременного усложнения) существующей системы порядков (объяснительных, технических, художественно-стилевых) в науке, технике, искусстве.

Кроме того, существует и территория беспорядка, точнее, категория людей, живущих, нарушая культурные порядки. Какие-то культурные порядки вынужден нарушать любой человек, адаптируясь к той или иной сложившейся ситуации. Но есть люди, для которых нарушение определенных культурных норм и порядков (обычно публичное, эпатирующее) является формой их личностного самовыражения или вынужденным образом жизни (обычно их называют оригиналами или маргиналами), протестной формой поведе-

ния или претензией на художественную оригинальность (вспомним дадаистов и футуристов начала XX в.). Но эти люди составляют совершенно незначительный процент общего состава населения, и их оригинальные выходки не несут какой-либо угрозы существующим порядкам.

Но и в сфере, далекой от культуры (в ее гуманитарном понимании), существует категория правонарушителей или преступников, живущих в режиме нарушения порядков. Поскольку законопослушание – это тоже одна из культурных норм поведения, любой правонарушитель или преступник одновременно является и культурным маргиналом. Впрочем, существует и другая точка зрения (с которой я солидарен), согласно которой криминал и маргинальность – это особая субкультура, столь же жестко упорядоченная, только на основе других порядков, которые чужды нашим культурным нормам.

Конечно, культурные порядки и нормы исторически весьма подвижны и с переходом общества на очередную ступень развития в большой мере изменяются. Интересное исследование исторической динамики смены парадигм познания и упорядочивания знаний дается М. Фуко в его книге «Слова и вещи. Археология гуманитарных наук» (М., 1994). Но и традиционная историческая наука свидетельствует о постоянном усложнении форм социальной организации, совершенствовании технологий производства, эволюции господствующего мировоззрения. Это и есть историческая динамика усложнения культурных порядков.

Методологии исследования культуры

МЕТОДОЛОГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ. Процедура исследований культуры началась с описаний историками или путешественниками нравов разных экзотических народов (китайцами – степных кочевников, греками – причерноморских варваров, римлянами – западноевропейских аборигенов). Конечно, все это еще не являлось научным исследованием культур названных народов, а было только зарисовками их быта и нравов. Эпоха Великих географических открытий резко расширила территорию, доступную для описания, но мало что добавила в методологию этого занятия.

Такого рода описания начали приобретать систематический характер только в XIX в., когда сформировалась специальная наука по изучению народов – антропология (в некоторых странах ее назвали этнографией). Тем не менее, основным объектом описания оставались заморские народы, в своем развитии существенно отставшие от Европы и потому описывавшиеся как некий раритет (заморское чудо, дикари). Однако уже в течение середины и второй половины XIX в. сформировалась хронологически первая научная парадигма антропологических исследований – *эволюционизм (см.)*, бывший преимущественно англо-французским по своему происхождению (полевыми антропологами были в основном англичане, социологами – французы, а методологами – и те, и другие).

Показательно, что почти одновременно с эволюционизмом в России появился и первый труд цивилизационной направленности; однако расцвет этого направления пришелся уже на первую половину XX в. Хотя в рамках этой парадигмы работали представители многих народов, *цивилизационизм (см.)* остался традиционно российским направлением антропологии. На рубеже веков появилось и третье направление – *диффузионизм (см.)* – преимущественно германо-австрийское.

Так, в течение второй половины XIX – начала XX вв. образовались три направления, по-разному интерпретирующих макроисторию человечества: эволюционизм – как линейное прогрессивное развитие каждого сообщества; цивилизационизм – как изолированный и замкнутый цикл рождения, роста и умирания исторических сообществ и диффузионизм – как эстафета культурных достижений, передаваемых от народа к народу.

Однако жизнь обществ включает в себя не только макроуровень больших исторических циклов, но и микроуровень постоянных социальных изменений. Исследования культуры на микроуровне начались в 1920-е гг. англичанами в рамках парадигмы *функционализма (см.)*, а с середины века приоритет в этом направлении перешел к американцам.

Своеобразное направление изучения культуры избрали французы. Они пришли к заключению, что наиболее репрезентативным выражением культуры является язык и на его основе можно изучать всю культуру как целостный текст. Так в середине XX в. родился *структурализм (см.)*. Однако, когда французские структуралисты перешли от слов к социальным реалиям, сформировалась совершенно новая исследовательская парадигма, основанная на идее, что история культуры вообще не подчиняется никаким универсальным законам, а протекает в соответствии со сложившимися обстоятельствами. Эта новая парадигма охватила и философию, и социологию, и искусство, но все-таки основой ее осталось изучение культуры. Новое направление получило название *постмодернизм (см.)*. Он ведет свою историю примерно с 1970-х гг.

Хотя многие специалисты утверждают, что и постмодернизм как методология уже близится к закату, но ни одна из перечисленных методологий до сих пор не умерла и активно используется в науке. Просто по ходу истории рождаются новые течения в рамках каждой из перечисленных парадигм. Так эволюционизм породил неэволюционизм, в рамках которого работают многие выдающиеся ученые, развитием функционализма стал структурный

функционализм, структурализма – постструктурализм. К тому же ничего нового на горизонте пока что не видно.

ПОЗИТИВИЗМ

ПОЗИТИВИЗМ – это не методология, а научная парадигма, сложившаяся в середине XIX века в Англии и Франции в развитие классической доктрины Просвещения – концепции «торжества разума». На базе позитивизма и сложились все основные методологии. Основа позитивизма – идея абсолютной познаваемости и объяснимости мира, но только научным путем. Позитивизм выступал против философской рефлексии, как «спекулятивной», лишенной должной эмпирической базы, измерительного инструментария, методологии научных обобщений и т. п.

Основателями позитивистского направления были О. Конт, Г. Спенсер, Дж. Милль, И. Тэн и др. Первым следствием торжества позитивистских идей стало учение Ч. Дарвина и *эволюционизм* (см.) как методология истории и антропологии.

Позитивизм исторически развивался. В каждом поколении у него находились талантливые продолжатели (преимущественно среди социологов и науковедов, но в том числе и среди философов). В XX в. сложилось течение постпозитивизма, представленное такими выдающимися теоретиками науки, как К. Поппер, Т. Кун, И. Лакатос, П. Фейерабенд и др. К постпозитивизму принято относить такие философские школы, как аналитическая философия, венский кружок. Именно постпозитивизм породил понятие «научной парадигмы»³ как новой познавательной методологии и научного мировоззрения. Сегодня постпозитивизм является одной из наиболее влиятельных школ познания, особенно в сфере социальных наук.

³ Кун Т. Структура научных революций. Благовещенск, 1998.

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ

ЭВОЛЮЦИОНИЗМ – направление в истории и антропологии, возникшее в середине XIX в. под влиянием *позитивизма* (см.) и волны полевых этнографических исследований, начавшихся в Африке, Америке, Океании. Важнейшую роль при этом сыграло доминирование в науке принципа развития, в соответствии с которым изменения в любой сфере объективного мира рассматривались как продукт адаптации к изменению внешних условий. Особую роль в становлении классического эволюционизма сыграли труды Ч. Дарвина, в которых была изложена идея эволюции как универсального механизма прогрессивного развития.

Из области естествознания идея эволюции проникла в науки о человеке и культуре. Основную задачу своих исследований сторонники эволюционизма видели в открытии и обосновании общих закономерностей развития культуры, в сравнении уровней развития культуры разных народов. В классическом эволюционизме была принята концепция эволюции, предложенная Г. Спенсером, как процесса поступательного развития обществ (непрерывного по своей природе) от относительно неопределенной, бессвязной гомогенности к более определенной, согласованной гетерогенности путем последовательной дифференциации и интеграции. Таким образом, механизм развития общества и культуры непрерывен и постоянен, последователен, направлен на повышение уровня самоорганизации (развитием этой идеи стала современная синергетика).

Основными представителями классического социокультурного эволюционизма стали такие исследователи, как Г. Спенсер, Э. Тайлор, Д. Фрэнгер, Л. Г. Морган, Ф. Энгельс, А. Бастиан, Т. Вайц, Ш. Летурно. Благодаря их работам культура была систематизирована и упорядочена, чему способствовало фундаментальное положение эволюционизма о прогрессе культуры и общества на основе единых для всего человечества универсальных законов. Основные теоретико-методологические положения эволюционизма сводятся к следующему. Во-первых, признается психическое единство человечества, благодаря которому возможен единый путь развития человеческой культуры. Во-вторых, адаптация к условиям существования рассматривалась как универсальная основа социокультурной динамики и источник всех культурных изменений в обществе. В-третьих, общество и культура существуют в режиме непрерывного прогресса, суть которого не в улучшении, а в продвижении от простого состояния к более сложному; культура всегда развивается от низшего состояния к высшему путем постепенных непрерывных изменений. В-четвертых, в соответствии с универсальными законами развития, различия в культурах народов связаны с тем, что они существуют на различных ступенях эволюции. И, наконец, развитие любого элемента культуры многоступенчато, так как более поздние формы зарождаются на ранних стадиях.

В научных трудах эволюционистов особое внимание уделялось выявлению эволюционных механизмов культуры на макроисторическом уровне; таким образом, они считали возможным объяснить изменения во всей человеческой истории через эволюционную модель. Вместе с тем уделялось внимание и вопросам специфики эволюции и ее механизмов в истории различных сообществ. Объяснением того, что разные общества эволюционируют с различной скоростью, выступали две основные причины. К ним относились либо «врожденные идеи», носителями которых считались как отдельные люди, так и целые расы; либо различия природных условий, необходимость жизнеобеспечения, завоевания и заимствования. Таким образом, классический эволюционизм в анализе социокультурных факторов опирался на описание макроисторических процессов.

Марксистская теория общественно-экономических формаций выросла из идей классического эволюционизма, но была дополнена сентенцией о том, что прогрессивное развитие можно ускорить, «подтолкнув» его с помощью социальной революции. В интерпретации

К. Маркса, В. И. Ленина и их последователей, теория органической эволюции трансформировалась в теорию революционного насилия («Мы наш, мы новый мир построим...»).

К концу XIX в. это направление антропологии стало одним из наиболее влиятельных, однако в это же время стали накапливаться эмпирические факты, не поддающиеся интерпретации в рамках эволюционизма. С течением времени их становилось все больше, что привело к поиску новых путей исследований культуры. К тому же коммунистическая идеология, «приватизировавшая» эволюционизм, тоже не способствовала росту его популярности. Эволюционизм перестал быть ведущей научной методологией и постепенно был вытеснен идеями диффузионистов и функционалистов.

Интерес к идеям эволюционизма стал возрождаться в 1940-е гг. в Америке. Так возникло направление культурной антропологии, получившее название «неоэволюционизма». Основными его представителями являлись Л. Уайт, А. Вайда, Р. Карнейро, Р. Нэрролл, Р. Раппопорт, М. Салинс, М. Харрис и др. В настоящее время научными основаниями неоэволюционизма являются как идеи классического эволюционизма, так и не противоречащие им идеи функционализма и диффузионизма. В неоэволюционизме было уточнено центральное понятие этого направления – «эволюция», под которой понимается процесс многолинейных изменений, связанных с наличием множества примерно равноценных путей социокультурного развития. В таком понимании эволюционизм перестает быть ограниченной установкой на выявление универсальных законов развития человеческой истории и культуры. Вместо учения об однолинейном развитии культуры представители неоэволюционизма разработали несколько теорий эволюции: теорию общего и частного развития, теорию микро- и макропроцессов, закон культурной доминанты, закон потенциала развития; создали новую модель стадильности истории и др. В целом, в своих исследованиях они представляют историю человеческого общества и культуры как сумму многолинейно развивающихся открытых систем, причем эта многолинейность является результатом адаптации обществ к различным экологическим условиям и историческим обстоятельствам их существования.

Важной составляющей неоэволюционизма стала концепция модернизации, которая опирается на понятие социального прогресса. Она призвана объяснить то, по каким причинам современные западные общества оказались на более высокой стадии развития, чем все остальные.

В середине XX века в большой мере на базе установок эволюционизма сложилась новая научная парадигма – синергетика (И. Пригожин, Г. Хакен, Н. Н. Моисеев и др.), изучающая процессы саморазвития сложных систем, нелинейные пути развития и т. п.

ЦИВИЛИЗАЦИОНИЗМ

ЦИВИЛИЗАЦИОНИЗМ – направление, объединяющее различные гуманитарные циклические концепции социокультурной динамики, предполагающее изучение культурно-исторического процесса с позиций релятивизма. По утверждению сторонников этого направления, не существует общих, одинаковых для всех культур и народов закономерностей развития; каждая человеческая общность уникальна и в своем развитии проходит цикл от рождения до смерти, подобно любому живому организму. Эта точка зрения стала реакцией на невозможность интерпретировать в рамках классического эволюционизма многочисленные исторические и этнографические данные, которые не подтверждали универсальной обязательности для каждого общества модели прогрессивного развития.

Поэтому в русле цивилизационизма бессмысленно строить модель единого пути исторического развития, выявлять общие для человечества цели. Лишь отказавшись от таких методологических установок, можно, на взгляд представителей цивилизационных концепций, обнаружить живое многообразие историко-культурной жизни. Отказавшись от линейности как основной модели всемирного историко-культурного процесса, приверженцы цивилизационизма пришли к идее культурной динамики, в которой история сообществ предстает как рождение, развитие и угасание уникальных форм культуры, совокупность которых и создает неповторимое многообразие жизни.

Основными представителями данного направления стали Н. Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. А. Сорокин. Русский мыслитель второй половины XIX в. Н. Я. Данилевский предложил очень широкое понятие культурно-исторического типа, в котором цивилизация представляет наиболее активный, творческий период развития. Им была разработана типология цивилизаций (первичные, одноосновные, двухосновные и объединительная), которые имеют свою судьбу, предназначение и проходят в своей динамике циклы развития от рождения к гибели.

Развивая идеи Данилевского, немецкий философ О. Шпенглер в начале XX в. выдвинул предположение о том, что история представляет собой смену различных, почти не взаимодействующих друг с другом локальных культур, каждая из которых является уникальным организмом, жизнь которого – от зарождения до распада – продолжается около тысячи лет. Каждая культура имеет свою душу – некое первоначало, из которого разворачивается все многообразие и богатство конкретных социальных явлений. Шпенглер выделял восемь таких культур, основанных на совершенно различных принципах. Умирая, каждая из культур перерождается в цивилизацию; это переход от творчества к бесплодию, от становления к механическому потреблению созданного и накопленного на раннем этапе. На стадии цивилизации все общества, согласно Шпенглеру, обретают сходные черты.

Идеи О. Шпенглера нашли продолжение и развитие в работах английского историка А. Тойнби, который также рассматривал исторический процесс как совокупность не связанных друг с другом уникальных цивилизаций. Для Тойнби культура не этап в развитии общества, а постоянное ядро цивилизации, всегда присутствующее в ней. Цивилизация возникает как удачный «ответ» на внешние «вызовы», как реакция на неповторимость исторической ситуации. Как человек религиозный, Тойнби полагал, что «вызов» имеет божественную природу. Свообразие «ответов» выражается в иерархии социальных ценностей, создателем и выразителем которых становится творческое меньшинство, которое и несет ответственность за судьбу цивилизации. А. Тойнби, оставаясь сторонником идеи замкнутых локальных цивилизаций, считал возможным их слияние в будущем на основе религиозной интеграции.

Культурно-исторический релятивизм оказал большое влияние на становление и развитие наук о культуре, вызвал при этом множество критических замечаний в адрес цивилизационизма, которые в целом сводились к упрекам в мифологизации, исторической некомпетентности, опоре на интуицию и т. д. Дальнейшее развитие цивилизационный подход получил в трудах американского ученого русского происхождения П. А. Сорокина, который, являясь одним из их критиков, плодотворно переосмыслил центральные положения данной методологии. В циклической модели П. А. Сорокина исторический процесс представлен как последовательная смена типов культур, которые строятся на основе выделения характерных представлений о природе реальности и методе ее познания. В динамике каждой культуры он выделил три типичные стадии (идеациональная, идеальная, сенсуальная), по прохождении которых цикл начинается вновь.

В 20–30-е гг. XX в. идеи цивилизационизма развивались в среде русской эмиграции движением «евразийцев» (Г. В. Вернадский, П. С. Савицкий, Н. С. Трубецкой), их последователем в середине века выступил советский историк и географ Л. Н. Гумилев, также апеллируя к тому, что всякое локальное общество (этнос) в своем развитии проходит «возрастные циклы», а затем погибает или переходит в стадию гомеостаза (т. е. равновесия со средой обитания). Гумилев определял длительность жизни этноса примерно в 1200 лет.

На позициях цивилизационизма сейчас стоит большинство апологетов «русской идеи», исследователей отечественной истории как экзистенциальной парадигмы, не имеющей аналогов во всем мире. В современной зарубежной науке идею самодостаточных цивилизаций поддерживает С. Хантингтон, который использует ее преимущественно в политологических концепциях развития межцивилизационных отношений.

Цивилизационизм, являясь гуманитарной интерпретацией социокультурных циклов, представляет собой попытку построения модели макроисторических процессов, которая базируется на признании уникальности существующего многообразия цивилизаций. Следует учитывать, однако, что до сих пор (за полтора века) апологеты этого направления так и не договорились между собой о единых, универсальных основаниях понятия «цивилизация», что заметно подрывает авторитет этой концепции в науке.

Диффузионизм

ДИФФУЗИОНИЗМ (от лат. *diffusio* – распространение) – направление в культурной антропологии, возникшее в конце XIX в. в Германии и Австрии на волне методологического кризиса эволюционизма. В рамках данной теории центральным понятием является *диффузия культурная* (см.), под которой понимается процесс заимствования культурных инноваций от одних сообществ другими и их распространения. т. е. процесс исторического развития рассматривается как эстафета культурных достижений, передаваемая от общества к обществу. В диффузионизме можно выделить несколько научных течений и школ: историко-географическое направление (Э. Норденшельд), культурно-историческое (Ф. Гребнер, В. Шмидт), антропогеографическое (Л. Фробениус); теория культурных ареалов (Э. Сепир, М. Херсковиц); геополитическая школа, получившая название гипердиффузионизма (Г. Эллиот-Смит, У. Риверс).

Основные теоретико-методологические положения диффузионизма сводятся к следующему. Целью науки о культуре полагается изучение процессов культурной диффузии как основного фактора социокультурной динамики. Согласно этой концепции, культура возникла в определенных культурных ареалах, одном или нескольких, откуда путем переноса или заимствования распространилась на другие географические регионы. Большинство диффузионистов считало, что культура может выступать относительно независимым, отдельным от данного конкретного народа и его истории образованием. Таким образом, эволюционистской идее автономного возникновения и развития сходных культур в сходных условиях диффузионисты противопоставили идею единичности возникновения культурных новаций в определенных географических регионах при последующем их распространении из центра зарождения. В рамках данного направления уделялось большое внимание объектам, каналам и механизмам культурной диффузии; была создана типология культурных контактов, среди которых выделялись военные (инвазия, войны) и мирные (миграция, ассимиляция, торговый обмен, миссионерская деятельность, колонизация, добровольные заимствования и т. д.).

Истоки диффузионизма лежат в антропогеографическом учении, нашедшем свое наиболее яркое выражение в трудах Ф. Ратцеля. Он стремился изучать явления культуры в связи с конкретными географическими условиями их возникновения; в своих трудах он дал общую картину расселения народов и распространения культурных артефактов.

Существуют три основных типа диффузионистских теорий: инвазионистская, теория культурного центра и теория культурных кругов. В рамках инвазионистской теории основным фактором культурной диффузии являются конфликтные взаимоотношения, которые приводят к аккультурации, а иногда и ассимиляции побежденных народов; культурная история человечества представляла в этих концепциях как история военных конфликтов, в ходе которых происходит взаимопроникновение культурных инноваций. В теориях культурного центра (В. Шмидт, Г. Эллиот-Смит, У. Пери и др.) доминирует положение о том, что в отдельные локальные исторические периоды существовали культуры, служившие доминирующими источниками инноваций для всех остальных культур. Согласно В. Шмидту, вся человеческая цивилизация имеет единый центр происхождения, который он видел в культуре пигмеев, полагая, что низкорослые народы являются самыми архаичными. Гипердиффузионисты (Г. Эллиот-Смит, У. Риверс и др.) уделяли наибольшее внимание цивилизованным народам. Согласно их взглядам, существовал только один мировой центр цивилизации – Древний Египет, откуда созданная там высокая культура распространилась по всему миру. Сходные идеи развивали и ассириологи Ф. Делич и Г. Винклер, считавшие, что почти все цивилизации имеют своим истоком древнюю вавилонскую культуру.

Теория культурных кругов наиболее полно была разработана Ф. Гребнером и Л. Фробениусом. Согласно их концепции, сочетание ряда признаков в определенном географическом районе позволяет выделить отдельные культурные ареалы (круги). Культурный круг является искусственно созданным понятием, он не развивается во времени, а лишь взаимодействует с другими «кругами» в географическом пространстве. При перенесении культуры в иные природно-климатические условия ее развитие будет иным и из взаимодействия культур могут возникнуть новые. Таким образом, элементы одного культурного круга распространяются путем диффузии и накладываются на элементы иного культурного круга; так возникают культурные слои как сменяющие друг друга во времени культурные круги. Л. Фробениус ориентировался на цивилизационистскую концепцию динамики культуры. Он представлял культуры в качестве живых организмов, которые переживают различные стадии развития и, наконец, умирают. При этом каждая культура обладает собственным характером, «культурной душой», которая оставляет свой неизгладимый отпечаток на каждом ее артефакте.

Представляя культуру как внесоциальное и отчасти мистическое учение, Л. Фробениус подразделял культуры на мужские и женские на основании собранного им этнографического материала. Из соединения этих типов образовались все существующие высокие культуры. Такое понимание сущности культуры давало Фробениусу основание утверждать, что он открыл природные закономерности в области изучения народов и культур. В теориях диффузионизма уделялось внимание проблеме легитимации инноваций как процессу приобщения заимствований к культурным традициям того или иного народа (Ф. Гребнер). Было выделено два вида легитимаций: внешняя, которая связана с насильственными действиями колонизирующей стороны, и внутренняя, которая связана с желанием той или иной страны воспринять инновацию. Внутренняя легитимация предполагала наличие у адресанта диффузии определенных элит, которые способны осознать значимость инноваций и внедрить ее в сознание масс.

Во второй половине XX в. известный норвежский путешественник Т. Хейердал предпринял попытку подтверждения положений диффузионистов, осуществив путешествие на плоту через Тихий океан, чтобы доказать возможность трансокеанских путешествий ближневосточных народов.

В целом диффузионизм способствовал формированию моделей и теорий межкультурных контактов, выработке их типологии. Повлиял диффузионизм и на развитие методов исследования культур, в арсенал которых были включены метод картографирования культурного пространства (Л. Фробениус) и экспериментальный метод изучения культуры, предполагающий использование собственных полевых наблюдений для теоретических обобщений (У. Риверс).

Функционализм

ФУНКЦИОНАЛИЗМ – направление и методологическая основа социальной антропологии, возникшее в 1920-е гг. под влиянием французской социологической школы (Э. Дюркгейм, М. Мосс, С. Бугле и др.). С позиций функционализма общество рассматривалось как система, состоящая из структурных элементов, взаимосвязанных друг с другом и выполняющих определенные функции по отношению к обществу как единому целому. Все социокультурные феномены, таким образом, могут быть объяснены через функции, выполняемые ими в социокультурной системе. Важнейшим методом функционализма является «разложение» культуры на составные части (составление ее морфологии) и выявление отношений зависимости между ними. Для сторонников функционализма не представляли интереса вопросы, связанные с исторической динамикой культуры, так как их исследования были сосредоточены на выявлении механизмов действия и воспроизводства актуальных и наблюдаемых социокультурных структур (пусть и остающихся первобытными).

Французы, создав теорию функционализма (т. е. культуры как социальной функции общества), не стали проверять ее в полевых исследованиях. Этим занялись англичане – Б. Малиновский, А. Радклифф-Браун, М. Глакмен, Э. Эванс-Причард и др.; а в середине XX в. – американцы – Т. Парсонс, Р. Мертон, М. Леви и др. Основные теоретико-методологические положения функционализма сводятся к следующим. Во-первых, признание тезиса о биологическом и психическом единстве человека, восходящего к эволюционизму. Во-вторых, процесс удовлетворения *потребностей и интересов* человека рассматривался как функциональная основа культуры в целом. В-третьих, было сформулировано положение о функциональности социальных и культурных институтов как средства удовлетворения индивидуально и социально значимых потребностей в рамках следующей познавательной модели: «потребности – функции – социальные (культурные) институты». И, наконец, подробно и всесторонне было разработано представление о культуре как основном регуляторе социально-функционального взаимодействия.

Представители функционализма применяли свои теоретические модели к локальным культурным объектам, институтам, аборигенным обществам Австралии и Океании, Южной и Юго-Восточной Азии, Северной и Центральной Африки. Изучение традиционных обществ было необходимо им для установления так называемых функциональных цепочек (потребность – функция – институт) в целях выявления специфики функционирования магии, религии, экономики и т. д. в локальных формах культуры. Все это давало возможность провести компаративный анализ традиционных (примитивных) и развитых обществ и разработать рекомендации по преодолению культурной дистанции между ними. Для функционализма как для методологии социальной антропологии характерно сочетание строгого эмпирически системного описания и функционалистской теоретической интерпретации.

Основатель функционализма – британский антрополог польского происхождения Б. Малиновский – связывал возникновение и развитие социальных институтов с человеческими потребностями, которые он разделял на основные и вторичные, порожденные уже не природой, а культурной средой. Удовлетворяя их, человек преобразует окружающую его среду и создает мир *артефактов культурных* (см.). Культура в таком понимании есть некая функциональная система, с помощью которой люди обеспечивают свое существование и решают стоящие перед ними задачи. Средства удовлетворения потребностей представляют собой определенную систему, которая состоит из таких единиц, как культурные институты, под которыми понималась системно организованная совокупность средств и способов удовлетворения человеческих потребностей. Рассматривая, таким образом, культуру как систему устойчивого равновесия, где каждая часть выполняет свою функцию,

Б. Малиновский не отрицал происходящих в них изменений, связанных как с процессом эволюции, так и с процессом диффузии. Однако это не мешало ему выступать с резкой критикой и эволюционизма, и диффузионизма. Будучи приверженцем сохранения традиционности культуры, Малиновский считал должным со стороны индустриально развитых стран помогать архаичным обществам в адаптации к технологическим новшествам, с которыми они неизбежно сталкиваются в процессе взаимодействия в современном мире.

Идеи Малиновского нашли развитие в рамках структурного функционализма, основателем которого стал А. Радклифф-Браун. Его общетеоретическая концепция опиралась на утверждение, что все виды объективной реальности представляют собой различные уровни естественных систем (атом, молекула, организм, общество людей). Опираясь на социологическую теорию Э. Дюркгейма, он определял общество как особую функциональную систему, не сводимую к ее элементам. Составными частями социальной системы он называл социальную структуру, общую совокупность социальных обычаев, специфических образов, мыслей и чувств, связанных с социальными обычаями. В своих ранних работах Радклифф-Браун широко использовал термин «культура», но затем, уточнив предмет социальной антропологии как науки, он заменил его понятием «социальная структура» (в своем роде очень показательное замещение). Это привело к тому, что основными аспектами исследований этого ученого стали политическая организация различных обществ, особенности систем родства, функциональный анализ структур первобытных форм верований. Радклифф-Браун связывал существование этих феноменов с потребностью социальной системы в интеграции и видел функцию социальных явлений в создании и воспроизводстве определенного типа социальной солидарности.

Функциональный подход был широко использован в антропологических исследованиях такими учеными, как Э. Эванс-Причард, У. Уорнер, М. Глакмен и др. Однако как методология социальной антропологии функционализм также был подвергнут основательной критике, поскольку ориентировался в основном на стабильность в развитии любых систем и их универсальную функциональность.

Дальнейшее развитие структурно-функциональный подход нашел в 1950-е гг. в рамках американской социологии в трудах Т. Парсонса, Р. Мертона, М. Леви и др. Названные авторы доминируют ныне в социальной антропологии и определяют ее лицо. В настоящее время сторонники функционального подхода предпочитают оценивать функционализм не как теорию, а как общенаучный метод исследования.

Структурализм

СТРУКТУРАЛИЗМ – общее название ряда направлений в социогуманитарном знании XX века, связанных с выявлением структуры, т. е. совокупности отношений между элементами целого, сохраняющих свою устойчивость при различного рода преобразованиях и изменениях. В культурной и социальной антропологии такой анализ применяется к изучению широкого круга культурных явлений: языка и литературы, искусства и массовой культуры, истории идей и т. д.

В узком смысле под структурализмом понимают направление в науке, которое началось с попыток этнографического изучения культуры как системы, структурированной аналогично языку (К. Леви-Строс), и формированием семиотики как научного направления, изучающего человеческое поведение и сознание, культуру и искусство и пр. как системы вербальных и невербальных тестов (Р. Барт, Ю. Кристева, У. Эко, Ю. М. Лотман, ранний М. Фуко и др.).

В своем развитии структурализм прошел несколько этапов:

1) становление метода – прежде всего структурной лингвистики, 2) распространение метода и его философское осмысление, 3) «размывание» метода, включение его в социально-политический и культурно-исторический контекст, 4) переход к постструктурализму. Зарождение структурного анализа приходится на первую половину XX века. В этот период в психологии (гештальтпсихологии), литературоведении (формальная школа в русском литературоведении) и языкознании (европейские структуралистские школы) происходит выработка метода структурного анализа. Наиболее отчетливо он проявился в структурной лингвистике, для которой характерен протест против психологизма, интроспекционизма, фактографизма, а также стремления определить структуру языка в отвлечении от процесса его развития. Таким образом, структурализм формировался как определенная антитеза субъективистски ориентированной философии (экзистенциализму и, отчасти, феноменологии). Позитивная программа структуралистов была направлена на реабилитацию возможностей объективно научного познания культуры в целом и языка.

Второй период (1950–1960-е гг.) связан с распространением методов структурной лингвистики на другие области культуры. Основатель структурной антропологии К. Леви-Строс при анализе социального устройства культурной и ментальной жизни первобытных племен использует «бинарные оппозиции» (природа – культура, растительное – животное, сырое – жареное и т. д.), а также некоторые приемы теории информации. Главным для Леви-Строса является то, что правила браков, терминология родства, тотемизм и иные культурные установления представляют собой особого рода языки культуры, что в каждой из этих сфер можно увидеть обмен сообщениями, информацией (бинарные дробления содержаний, их перестановки и взаимозамещения и пр.). Пафосом этих исследований было утверждение «сверхрационализма» (идеи гармонии чувственного и рационального начал), универсального для человека любой культуры, однако утраченного современным человеком.

Р. Барт распространил подход Леви-Строса на предметы и установления современного европейского общества. В каждом продукте культуры он усматривал универсальную «социологику», диктующую определенную стереотипную реакцию на окружение, обосновывая возможность построения лингвистическими средствами метаязыка, способного описать всю современную ситуацию в культуре. Сходная позиция обнаруживается у Ж. Лакана, который, развивая фрейдовскую теорию бессознательного, стремился найти аналогию между структурами бессознательного и структурами языка. М. Фуко, анализируя условия возможности существования типов знания («археологии знания»), последовательно рассматривает специфические формы функционирования «языков» науки в трех последова-

тельно сменяющих друг друга познавательных моделях – Возрождение, классическая рациональность, современность.

Именно в рамках французского структурализма некоторые приемы анализа языка были использованы для объективного постижения *ментальностей* (см.) (неосознаваемых структур отношений) в различных областях социокультурной действительности. Именно в этот период складываются основные теоретико-методологические положения структурализма – представления: о культуре как совокупности знаковых систем и культурных текстов; о культурном творчестве как о символотворчестве; о наличии универсальных инвариантных психических структур, скрытых от сознания, но определяющих механизм реакции человека на весь комплекс воздействий внешней среды (как природной, так и культурной); о культурной динамике как следствии постоянной версификации (изложении в словах, на языке) человеком представлений об окружающем мире и изменения в результате этого принципов комбинаторики внутри подсознательных структур его психики; о возможности выявления и научного познания этих структур путем сравнительного структурного анализа знаковых систем и культурных текстов.

Исходя из этих положений представители структурализма в разработке проблем культуры сосредоточились на анализе различных комплексов культурных текстов. Принимая в качестве максимальной задачи выявление стоящего за знаковым и смысловым многообразием текстов структурного единства, порожденного универсальными для человека правилами образования символических объектов, структуралисты стремились выделить из всего корпуса культурных текстов и знаковых систем те, в которых можно было увидеть определенные сходные черты, предполагающие наличие внутренней структуры. Затем в текстах выделялись минимальные элементы, связанные устойчивыми отношениями, и проводился их сравнительный анализ. В результате выявленные комбинаторные механизмы проверялись на более широком круге знаковых систем и культурных текстов для того, чтобы в итоге образовать структурный комплекс правил, инвариантных для любого текста культуры, а следовательно, максимально приближенный к искомым глубинным психическим структурам.

Следует заметить, что лишь один К. Леви-Строс называл себя структуралистом, и это не случайно. Структурализм не был школой, группой единомышленников, осознанно следующих выработанной программе. Однако всех исследователей, работавших в этой парадигме, объединяла проблемная общность, достигшая своего апогея во второй половине 1960-х гг. В то же время увлечение абстрактным «моделированием структур из текста» привело эту методологию к дегуманизации, выходу за рамки познания всего субъективно человеческого. Это совпало по времени с усилением антисциентистских идей в философии, кризисом лево-радикальных умонастроений во Франции. Характерный признак третьего этапа структурализма – размыкание структуры в контекст; при этом знание лишается ореола объективности, трактуется как средоточие социальных и политических сил, как воплощение стратегии власти, принуждений и побуждений, как та сфера, применительно к которой правомерно ставить вопрос только о формах, типах и специфике этих стратегий; т. е. вырабатывается линия, реализовавшаяся в *постмодернизме* (см.).

Все это привело к постепенному кризису структурализма и превращению его в 1970–1980-е гг. в *постструктурализм*, в фокусе внимания которого оказалась прежде всего не структура, а *контекст*, анализ культурных текстов с точки зрения конкретной уникальной ситуации их создания и использования. К постструктурализму пришли и сами представители структурализма – Р. Барт и основанный им кружок «телькелистов», Ж. Деррида. В исследовательском предмете Дерриды («грамматология» и «деконструкция» – как универсальные приемы освоения текста) можно проследить мысли, смыкающиеся с отдельными положениями философской герменевтики. Особое место в структурализме занимают проза и эссеистика У. Эко, который в литературной практике реализовал принципы конструкции

и деконструкции текста, предложенные Р. Бартом и Ж. Дерридой. Кризис структурализма продемонстрировал опасность экстраполяции конкретно-научного метода (в данном случае лингвистического) на всю антропологическую проблематику. Однако, несомненно огромное влияние, оказанное структурализмом на развитие проблемного поля, связанного с семантическими и семиотическими аспектами культуры. Именно структурализм способствовал выделению культурной семантики в самостоятельную область наук о культуре, оказал значительное влияние на современные культурно-антропологические исследования.

Постмодерн

ПОСТМОДЕРН – широкое культурное течение последних десятилетий, объединившее в своих рамках философию, эстетику, искусство, гуманитарные науки. Постмодерн буквально означает то, что следует после «модерна». На самом деле здесь имеет место игра слов (как и во всем постмодерне). Модерн был чисто художественным стилем, отрицавшим классические образцы европейского стилиобразования и актуализировавшим экстравагантные формы искусства древности и Востока, и только сейчас осмысливаемым как явление общекультурного масштаба (работы Ю. Хабермаса, П. Козловски). Его развитием явился *авангард* (в отечественной терминологии, а в западной – *art nouvo* или *modernity*) во всем многообразии своих проявлений и направлений, но уж никак не постмодернизм.

Постмодерн тоже начинался с художественной практики. Словом «постмодернизм» начали называть преимущественно американский художественный авангард 1950–1960-х гг. (романы К. Воннегута, архитектуру Р. Вентури и пр.). Но собственно постмодерн, возникший на переломе 1960–1970-х гг., напротив, представляет собой прежде всего философское течение и научную методологию. Постмодерн как научно-философское направление не следует путать с постмодернизмом как направлением литературы и искусства, использующим некоторые идеи научного постмодерна и иронически переосмысливающим классику (романы У. Эко, М. Павича, В. Пелевина, музыка Дж. Кэйджа, фильмы П. Гринуэя).

Умонастроение постмодерна связано с разочарованием в рациональности экзистенциальных парадигм Нового времени с его верой в прогресс, торжество разума и т. д. («поминки по Просвещению»). Общим для различных концепций постмодерна можно считать его отвержение «зарегулированности» социальной жизни культурными нормами (воплощенными в культурных текстах), отстаивание идеи «энтропийного» характера социальных процессов, призыв к деконструкции культурных текстов и эклектичному смешению художественных языков, представления об истории и социальной реальности как о наборе *нарративов* (см.) и *симулякров* (см.). В постмодерне доминируют стремление включить в современную культуру весь опыт мировой истории путем ее ироничного цитирования (не только в искусстве, но и в социальной жизни); стремление превратить культурный хаос путем игрового освоения в специфичную среду обитания современного человека.

Термин «постмодернизм» впервые был употреблен в работе Р. Паннвица «Кризис европейской культуры» в 1917 г., однако его широкое распространение начинается с рубежа 1960-70-х гг., когда он все чаще применяется для характеристики новаций в литературе и кино, но прежде всего – в мировоззрении новой «интеллектуальной элиты» (скорее, научной, чем художественной). В 1947 г. А. Тойнби в книге «Постижение истории» придает термину «постмодернизм» культурологический смысл: постмодернизм означает конец западного господства в религии и культуре (что ныне называется мультикультурацией). Ведущие западные социологи (Д. Белл, Э. Гидденс, З. Бауман, Ю. Хабермас) понимают постмодерн и постмодернизм как культуру постиндустриального общества, выразившуюся во всеобщем конформизме и эклектизме.

В этом видится определенный парадокс; постиндустриальное развитие, основанное на предельно точном следовании идеям Просвещения (превращение знания в основной продукт деятельности), принципиально противоречит идеям постмодерна, свидетельствующим об условности и конвенциональности всякого знания. Т. е. попытки объявить постмодерн интеллектуальной основой постиндустриализма не выдерживают никакой критики. Постмодерн и постиндустриальное развитие – принципиальные теоретические соперники: постмодерн – это попытка развенчать Просвещение и постиндустриализм как заведомо ошибочный путь – «прогрессизм».

Напротив, сами теоретики постмодерна трактуют его как идею освобождения личности от давления общества, от норм языка, социальной адекватности, культуры, художественных эталонов (т. е. идей Просвещения, которые провозглашали приоритет большинства над меньшинством) и т. п. Таким образом, уместно говорить о ситуации постмодерна в современной культуре прежде всего как о новой социальной философии рубежа тысячелетий – философии отказа от «организованной свободы» в формах демократии и перехода к свободе анархической.

Философской основой постмодерна являются идеи тотальной деконструкции текста как системы ограничения индивидуального понимания и интерпретации заложенного в нем смысла, идущие еще от французских постструктуралистов (Ж. Деррида, Ж. Ф. Лиотар), концепции языка бессознательного (Ж. Лакан), шизоанализа (Ж. Делез, Ф. Гваттари), а также новое понимание истории и современной социальной практики как системы «культурной эксплуатации» индивида обществом (М. Фуко, Ж. Бодрийяр). В интеллектуальное поле постмодерна в существенной мере попало и современное гуманитарное знание.

В онтологическом плане феномен постмодерна связан с осмыслением того, что любой предмет противится человеческому воздействию; что порядок вещей формируется стихийно и мстит нашим попыткам его переделать, обрекая на неизбежный крах любые преобразовательные проекты. Скептическое отстранение от установки на преобразование мира влечет за собой отказ от попыток его систематизации: мир не только не поддается человеческим усилиям его переделать, но и не умещается ни в какие в теоретические схемы. В этом смысле событие всегда опережает теорию (Ж. Бодрийяр). Антисистематичность как характерная черта постмодерна порождает неклассическую «онтологию ума», в которой возникает мышление вне традиционных понятийных оппозиций (субъект – объект, целое – часть и т. д.), мышление, не оперирующее какими-либо устойчивыми целостностями (Восток – Запад, мужское – женское и т. д.). Так возникает своеобразный тип философствования, который не предполагает субъекта (концепция «смерти автора»). Вместо категорий «субъективность», «рефлексивность» возникают безличные «потoki желаний», имперсональные «скорости», «ризомы» как внеструктурный и дезиерархизированный принцип организации понятий и протекания социокультурных процессов, «пастиш» как ироничная компиляция цитат из классиков и т. д. Короче – выход на новый уровень свободы, границы которого (а свободы без границ не бывает) постмодерн пока еще не в состоянии очертить. В этом видится наибольшая слабость постмодерна и его несомненная незаконченность как философской теории.

Решающую роль в становлении постмодерна сыграла трансформация традиционной семиотики в теорию деконструкции текста, что намечает выход из лингвоцентризма, доминирующего в аналитической философии и структурализме (культура как текст), в телесность, систему ощущений, принимающих разные формы – желания (Ж. Делез, Ф. Гваттари), либидозных пульсаций (Ж. Лакан, Ж. Ф. Лиотар), «сексуального подавления» (М. Фуко), соблазна (Ж. Бодрийяр), отвращения (Ю. Кристева). Постмодерн фактически распространил принципы синергетики на общество и культуру, представив их как нелинейные, неустойчивые, децентрализованные самоорганизующиеся системы.

В эстетическом плане постмодерн выступает как своеобразное освоение опыта художественного авангарда, однако, в отличие от него, полностью стирает грань между культурной практикой и уровнями сознания – между «научным» и «обыденным» сознанием, «высоким искусством» и «массовой культурой». Постмодерн окончательно закрепляет переход от «произведения» к «конструкции», от искусства как деятельности по созданию произведений к деятельности по поводу этой деятельности. Другой стороной изменения статуса искусства является то, что сегодняшний художник никогда не имеет дела с «чистым» культурным образцом: этот образец всегда кем-то уже освоен тем или иным образом. Отсюда

современное произведение искусства никогда не является первичным, а существует только как совокупность цитат. Постмодерн сознательно переориентирует художественную активность с процесса оригинального творчества на компиляцию и цитирование, коллаж и т. д. При этом интенция постмодерна состоит в использовании методов манипуляции и игры с цитатами, в свертывании оппозиции «серьезность – игра». Показательной приметой становятся кавычки, то и дело расставляемые как указание на безусловность любых сигнификаций.

Вместе с тем было бы ошибкой рассматривать постмодерн как примитивную идеологию анархии. Это выход на новый, более сложный уровень понимания свободы личности и ее творческой самореализации, нежели предполагалось классической демократией эпохи Просвещения. После освобождения от пут социальных и идеологических ограничений, принесенного нам буржуазными революциями и Просвещением, постмодерн призывает к освобождению от «культурных ограничений», но не путем отказа от культуры, а посредством переосмысления многих ее установлений. Пока нам трудно понять, в каких организационных формах может воплотиться этот новый уровень индивидуализации сознания отдельного человека. Но подобное развитие было исторически неизбежно и, судя по всему, был спровоцировано «информационной революцией» 1960–1970-х гг.

Постмодерн обязан своей популярностью не столько авторам, действительно инспирировавшим соответствующий сдвиг в культуре (они с большим трудом понимаются неподготовленным читателем), сколько лавинообразной критической литературе, в наибольшей мере систематизировавшей и оформившей идеологию постмодерна, «переведшей» ее на общедоступный язык. Основными «внутренними теоретиками» постмодерна можно назвать Ж. Ф. Лиотара, Ф. Джеймисона, И. Хассана, Ж. Дерриду, М. Фуко. Постмодерн оказал и продолжает оказывать влияние на многие направления современной философии, семиотику, методологию истории, творчество отдельных писателей, архитекторов и кинематографистов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.